

Сетевой научный журнал

Научный результат

№1 2014

Research result

Сетевой научный рецензируемый журнал
Online scholarly peer-reviewed journal

*Вопросы теоретической
и прикладной лингвистики*

ISSN 2313-8912

9 772313 891002

Сайт журнала:
<http://belsu-research-result.ru/>

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

**СЕРИЯ «ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

Включен в библиографическую базу данных
научных публикаций российских ученых РИНЦ

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2013 г., ежеквартально
ISSN 2313-8912

№ 1(1), 2014

Учредитель:

ФГБОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ:

Дехнич О.В.,
кандидат филологических наук, доцент

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
СЕРИИ:**

Деревянко Ю.С.

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ:**

Алефиренко Н.Ф.,
доктор филологических наук, профессор

Аматов А.М.,
доктор филологических наук, профессор

Багана Ж.,
доктор филологических наук, профессор

Беседина Н.А.,
доктор филологических наук

Огнева Е. А.,
доктор филологических наук, профессор

Дьяченко Т. Д.,
кандидат филологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виноградов В.А.,
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН, Россия

RESEARCH RESULT

**THEORETICAL AND APPLIED
LINGUISTICS SERIES**

Mass media registration certificate
El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Included into bibliographic database of scientific publications of
Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2013.
Frequency of publications: quarterly
ISSN 2313-8912

Volume 1(1), 2014

Founded by: Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Professional
Education "Belgorod State National
Research University"
(Belgorod State University)

EDITOR-IN-CHIEF OF A SERIES:

Olga V. Dekhnich,
Candidate of Philology, Associate Professor

EXECUTIVE SECRETARY:

Yulia S. Derevyanko:

EDITORIAL BOARD:

Alexander M. Amatov,
Doctor of Philology, Professor

Baghana Jerome,
Doctor of Philology, Professor

Elena A. Ogneva,
Doctor of Philology, Professor

Natalia A. Besedina,
Doctor of Philology, Professor

Nikolai F. Alefirenko,
Doctor of Philology, Professor

Tatiana D. Dyachenko,
Candidate of Philology, Associate Professor

CONSULTING EDITORS:

Beatrix Pernelle,
Doctor of Philology, Professor, France

Вальтер Г.,

*доктор филологических наук,
профессор, Германия*

Вишнякова О.Д.,

*доктор филологических наук,
профессор, Россия*

Воркачёв С.Г.,

*доктор филологических наук,
профессор, Россия*

Гренарова Ренее,

*доктор педагогики, доктор философии,
Чешская Республика*

Златев Дж.,

доктор философии, профессор, Швеция

Карасик В.И.,

*доктор филологических наук,
профессор, Россия*

Клепикова Т.А.,

*доктор филологических наук,
профессор, Россия*

Пернель Б.,

*доктор филологических наук,
профессор, Франция*

Магировская О.В.,

*доктор филологических наук,
профессор, Россия*

Панасенко Н.И.,

*доктор филологических наук,
профессор Словакия, Украина*

Соколова Я.,

*кандидат филологических наук,
профессор, Словакия*

Хлебда В.,

*доктор филологических наук,
профессор, Польша*

Harry Walter,

Doctor of Philology, Professor, Germany

Jana Sokolova,

*Candidate of Philology, Professor,
Slovak Republic*

Jordan Zlatev,

*Doctor of Philosophy, Professor
of General Linguistics, Sweden*

Nataliya I. Panasenko,

*Doctor of Philology, Professor,
Slovak Republic, Ukraine*

Oksana V. Magirovskaya,

Doctor of Philology, Professor, Russia

Olga D. Vishnyakova,

Doctor of Philology, Professor, Russia

Renée Grenarová,

*PaedDr, PhD, Assistant Professor,
Czech Republic*

Sergey G. Vorkachev,

Doctor of Philology, Professor, Krasnodar

Tatiana A. Klepikova,

Doctor of Philology, professor, Russia

Victor A. Vinogradov,

*Doctor of Philology, Russian Academy
of Sciences Corresponding Member, Russia*

Vladimir I. Karasik,

Doctor of Philology, Professor, Russia

Wojciech Chlebda,

Doctor of Philology, Professor, Poland

МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

- Аматов А.М., Гурова Ю.И.**
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
ЭВОЛЮЦИИ В МОРФОЛОГИИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....5
- Бондаренко Е.В., Калинина Н.А.**
ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ
ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМЫ СОВРЕМЕННОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
ГЕРМАНИИ (ИННОВАЦИИ СИСТЕМЫ
БАВАРСКОГО ДИАЛЕКТА).....15
- Ямчинская Т.И.**
ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ
ИНТЕРЛИНГВАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ.....22
- Khvesko T.V.**
UNIVERSAL AND ETHNIC FEATURES
OF INDO-EUROPEAN ONYMS.....28
- Kozlova L.Ya.**
VALUE OF "MENTALITY" AND "MENTAL"
CONCEPTS IN RUSSIAN, ENGLISH AND
FRENCH.....36

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ПРАГМАТИКА

- Андрющенко О.К.**
РЕЧЕВОЙ АКТ ЖАЛОБЫ: СЕМАНТИКА,
ПРАГМАТИКА, ТИПОЛОГИЯ.....46
- Дрыгина Ю.А.**
АНАЛИЗ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА
С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.....51
- Огнева Е.А.**
КОМПЛЕКСНАЯ СТРУКТУРА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА В
КРОССКУЛЬТУРНОМ ПОЛЕ ПЕРЕВОДА.....61
- Чекулай И.В., Прохорова О.Н.**
АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
КОНЦЕПТА ВЛАСТЬ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКОВ.....72

ЭТНОЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Багана Ж.**
СОМАТИЗМЫ В СОСТАВЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ АФРИКАНИЗМОВ...80
- Гренарова Р.**
ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА В ПРОСТОМ
СРАВНЕНИИ С АНТРОПОНИМОМ
И С ПРЕДЛОГОМ КАК-КАКО В РУССКОМ
И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ.....89
- Кутьева М.В.**
СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ОРНИТОНИМОВ В
МЕТАФОРИКЕ РУССКОЙ И ИСПАНСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУР.....97
- Седых А.П.**
ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА
И НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ.....112

METHODOLOGY OF LINGUISTICS

- Alexander M. Amatov, Yulia I. Gurova**
SYNERGETIC EVOLUTIONARY MECHANISMS
IN THE MORPHOLOGY OF ENGLISH.....5
- Elena V. Bondarenko, Natalia A. Kalinina**
PHONETIC AND LEXICAL DEVIATIONS FROM
THE NORMS OF MODERN LITERARY GERMAN
(SYSTEM INNOVATIONS IN BAVARIAN DIALECT)...15
- Tamara I. Yamchynskaya**
LINGUISTIC CREATIVITY OF INTERLINGUAL
SWITCHINGS IN A LITERARY TEXT 22
- Tamara V. Khvesko**
UNIVERSAL AND ETHNIC FEATURES
OF INDO-EUROPEAN ONYMS..... 28
- Larisa Ya. Kozlova**
VALUE OF "MENTALITY" AND
"MENTAL" CONCEPTS IN RUSSIAN,
ENGLISH AND FRENCH..... 36

COGNITIVE LINGUISTICS AND PRAGMATICS

- Olga K. Andryushchenko**
SPEECH ACT OF COMPLAINT:
SEMANTICS, PRAGMATICS, TYPOLOGY.....46
- Yulia A. Drygina**
MANAGEMENT DISCOURSE ANALYSIS
FROM THE COGNITIVE VIEWPOINT..... 51
- Elena A. Ogneva**
COMPLEX STRUCTURE OF FICTION
CONCEPT IN THE CROSS-CULTURAL
SPHERE OF TRANSLATION..... 61
- Igor V. Chekulai, Olga N. Prokhorova**
THE AXIOLOGICAL SPECIFICITY OF THE
CONCEPT POWER IN A SEMANTIC
STRUCTURE OF THE SET EXPRESSIONS
IN ENGLISH AND RUSSIAN..... 72

ETHNOLINGUISTICS AND CULTURAL LINGUISTICS

- Baghana J.**
SOMATISMS «TÊTE» AND «BOUCHE» AS A
PART OF PHRASEOLOGICAL AFRICANISMS... 80
- Grenarova R.**
HUMAN CHARACTER IN SIMPLE
COMPARISON WITH ANTHROPONYM AND
CONJUNCTION KAK – JAKO IN RUSSIAN
AND CZECH LANGUAGES..... 89
- Marina V. Kutieva**
SEMANTIC AND PRAGMATIC
PECULIARITIES OF ORNITHONIMS IN
METAPHORICS OF RUSSIAN AND SPANISH
LINGUOCULTURES..... 97
- Arkady P. Sedykh**
FRENCH LINGUISTIC CULTURE
AND NATIONAL HERITAGE..... 112

РАЗДЕЛ I.**МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА****METHODOLOGY OF SYSTEM
LANGUAGE RESEARCH****А.М. Ааматов, Ю.И. Гурова**
Alexander M. Amatov, Yulia I. Gurova**СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
ЭВОЛЮЦИИ В МОРФОЛОГИИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА****SYNERGETIC EVOLUTIONARY
MECHANISMS IN THE MORPHOLOGY
OF ENGLISH****Аннотация**

В статье анализируются некоторые синергетические механизмы эволюции грамматической системы естественного языка. На примере английской морфологии показаны диссипативные процессы, лежащие в основе унификации морфологических единиц. Глубокая реорганизация морфологии и всей грамматической системы языка рассматривается как результат перехода к неустойчивому состоянию в результате возрастания энтропии.

Ключевые слова: морфология; самоорганизация; энтропия; бифуркация; английский язык.

Abstract

The paper deals with a number of synergetic evolutionary processes in a natural language grammar. Dissipation processes underlying the unification of morphology are illustrated through the example of English morphology. The deep reorganization of morphology and, therefore, the whole grammar of the language is treated as a result of the transition to a labile equilibrium due to the increase in entropy.

Key words: morphology; self-organization; entropy; bifurcation; English.

Введение. Исследования языковой эволюции, или языкового развития необходимы не только для достижений в области исторического языкознания, но и для прогностических исследований. Понимание закономерностей развития языковой системы дает нам ключ к разгадке многих, казалось бы, необъяснимых явлений в языках мира. По А. Мартине, «...остается несомненным, что язык, эволюционируя, изменяется непрерывно. Исследование любого языкового элемента в его функционировании позволяет обнаружить различные процессы, которые могут в конце концов привести к тому, что данный язык станет совершенно неузнаваемым» [1, с. 184 – 185].

Эволюцию в широком философском смысле следует понимать как видоизменение систем в направлении максимальной приспособленности к существованию. Происходит это изменение за счет избирательного сохранения более приспособленных и уничтожения менее приспособленных систем. При этом, например, биологическая эволюция – лишь частный случай эволюции в широком смысле слова, поскольку эволюционирующие системы не обязательно должны быть живыми и даже материальными. Например, идеи и компьютерные вирусы

сы подчиняются тем же закономерностям. Подчиняется им, судя по всему, и естественный язык.

Цель работы. Поскольку факты языковой эволюции можно считать надежно установленными (см., напр., [2]), следующим важным вопросом языковой эволюции можно считать проблему соотношения в системе языка с одной стороны постепенных и медленных, а с другой стороны – скачкообразных, труднопрогнозируемых изменений.

Данная работа посвящена рассмотрению изменений второго типа, которые характерны для системы, находящейся в состоянии неустойчивого равновесия. Если плавные эволюционные изменения происходят очень медленно и не затрагивают всю систему сразу, то процессы, о которых пойдет речь далее, занимают сравнительно небольшой (по меркам исторического языкознания) период и охватывают всю систему языка, приводя к ее радикальной реорганизации. Цель данной работы – проанализировать изменения в системе естественного языка, которые приводят к подобной быстрой и всеобъемлющей реорганизации.

Материалы и методы исследования. В качестве примера языка, находящегося в неравновесном состоянии, был выбран английский язык XIII-XVI вв., то есть среднеанглийский (далее СА) и ранненовоанглийский (рНА). Именно в этот сравнительно короткий период язык претерпел существенные изменения строя, практически полностью утратив флективность и, как следствие, согласование как тип синтаксической связи, что привело к унификации целого ряда грамматиче-

ских явлений и возникновению качественно новых структур.

Для выявления характера и последствий изменений, которые полностью трансформировали систему английского языка, в качестве фактического материала рассматривается участок глагольной системы, а именно отношения между неличными формами глагола. Развитие расхождений и вариации морфем проводились с помощью сравнительно-сопоставительного анализа одного из произведений СА периода, «Cursor Mundi» (XIII-XV вв.). Анализ основывается на четырех изданиях одного произведения, которые дифференцируются по диалектной категории [3]. Вариант Cotton Verspasian (вариант C) – северный диалект (XIV в.), копия появилась в графстве Ланкашир (Lancashire) XV в.; Fairfax (вариант F) приближен к Южному диалекту (XIV в.), копия появилась в западной части Англии начало XV в.; Göttingen (вариант G) – северный диалект, приближен к восточному, копия появилась в графстве на востоке Англии Линкольншир (Lincolnshire) начало XV в.; Trinity (вариант T) – нортумбрийский диалект, копия появилась в средней Англии (South-Midland) в начале XV в.

В работе представлен новый взгляд на некоторые эмпирические данные, на некоторые известные проблемы для выявления единого источника целого ряда изменений в системе языка.

Результаты исследования и их обсуждение

Естественный язык со всем основанием можно считать самоорганизующейся системой, которая при формальном описании может быть смоделирована как динамическая. Во-первых,

язык представляет собой открытую систему, он не замкнут на себе, непрерывно взаимодействует с обществом, с человеком – своим творцом и носителем, а отдельные языки также постоянно взаимодействуют и друг с другом. Во-вторых, язык состоит из неограниченного множества элементов – в самом деле, нельзя сказать даже для отдельного языка, какое количество морфем, слов или синтагм составляют верхнюю границу. В-третьих, язык – система нелинейная: даже зная точное состояние системы того или иного языка в данный момент, невозможно абсолютно точно предсказать его дальнейшее развитие. Более того, в развитии языка можно проследить смену устойчивых и неустойчивых состояний. Наконец, в четвертых, конкурентность языка проявляется в способности одних языков вытеснять другие в тех или иных сферах употребления, на тех или иных этапах развития общества.

Мерой хаотичности в состоянии системы может служить информационная энтропия, нарастание которой свидетельствует о переходе к неустойчивому состоянию. Заметим, что данный принцип наблюдается в системах самого разного рода – физических, химических, социальных и т.д. [4, 5, 6]. Понятие информационной энтропии впервые введено математиком К. Шенноном [7], а применительно к естественному языку более подробно разбирается, например, в работе [8]. Здесь мы остановимся лишь на том, что чем выше в информационной системе уровень энтропии, тем меньше в ней соответствие между планом выражения и планом содержания. Если в идеально упорядоченном языке каждому знаку

соответствует одно определённое значение (таковы, например, некоторые искусственные языки – в частности, языки программирования), то появление несоответствий сигнализирует об увеличении уровня энтропии системы, и чем значительнее это увеличение, тем выше степень беспорядка языковой системы. Другими словами, то, что в языке, находящемся в процессе устойчивого развития, можно воспринимать как константу, при повышении энтропии превращается в величину переменную.

Дальнейшее повышение энтропии системы может привести ее к бифуркации, т.е. переходу от устойчивого состояния системы к неустойчивому, которое представляет собой режим с обострением. В режиме с обострением система становится чувствительна к малым флуктуациям и для выведения ее на тот или иной эволюционный путь бывает достаточно незначительных воздействий. В качестве примера такой бифуркации с последующей сменой пути развития (и языкового типа в целом) рассмотрим лишь один участок языковой системы, а именно – морфологические изменения в системе причастия в английском языке. Тем не менее, в своем анализе мы будем исходить из основного принципа системности – наличия причинно-следственных связей между разными элементами языка, необходимых для устойчивого функционирования системы.

От общих положений перейдём к рассмотрению частных случаев, а именно – изменений в системе английского причастия в отмеченный период. В позднем древнеанглийском языке (далее ДА) многие формы про-

шедшего причастия имели окончание *-en*, некоторые из них редуцировались с окончанием *-e* (например, *to come*), или имели просто нулевое окончание, что в итоге привело к путанице между формами инфинитива, причастия II и глаголом настоящего времени. Но существовал ряд отличий, благодаря которым причастие II можно было легко выявить: 1) предлог *to* (позже частица) никогда не использовалась с формой причастия II, к тому же форма прошедшего причастия не имела личных окончаний (*-s*, *-th*, *-est*); 2) прошедшее причастие в ДА период с окончанием *-od*, *-ed* стало идентичным по форме с претеритом, который потерял конечную *-e* в *-ode*, *-ede*, но остались личные окончания (*-est*), именно поэтому и в современном английском языке эти две формы могут объединяться в сочетании с некоторыми глаголами (*is ended*, *has finished*); 3) прошедшее причастие в ходе утраты безударных (редуцированных) слогов в СА период утрачивает свою способность согласовываться с подлежащим, что увеличивало его зависимость от личной формы глагола.

Приставка *ge-* является маркером не только прошедшего причастия, но и инфинитива в ДА языке. Постепенно она получила редукцию с чередованием *ge~y~i~Ø*, которая происходила, начиная с ДА вплоть до СА периода. Отдельного внимания заслуживают формы с окончанием *-ed*, которые образовались от существительных (*corpede* (=topped), *hoferede* (=humpbacked)). Еще в ДА период появились адъективные существительные, которые сформировались по аналогии с формами прошедшего причастия с помощью

окончания *-ed*. Постепенно распространяясь в использовании, они стали идентичны по форме с причастием II. Данное явление дало толчок для развития таких парасинтаксических дериваций, как *dark-eyed*, например:

*...þaér on bence wæs ofer æþelinge
ýþgeséne heaþostéapa helm hringed byrne.* [9]

*... there on the bench was over each
nobleman easily seen a battle-steep helm,
ringed byrnie.*

«Бегущий по свету» датирован концом XIV – началом XV вв., поэтому его варианты напрямую относятся к СА периоду, именно в данный период происходили наиболее важные для нас изменения. Следующие вариации форм причастия II используются в варианте Cotton Verspasian (вариант C): *-en* – 62, *-id* – 7, *-in* – 6, *-(e)d* – 38, сильные глаголы с чередованием в корне – 178. Всего форм причастия II из 12773 строф – 291, из них причастие II имеет вариации окончаний *-en* (21%), *-id* (2%), *-in* (2%), *-(e)d* (13%) и сильные глаголы с чередованием в корне (62%) [10].

Причастие II используется в роли определения, части составного сказуемого и функционирует, как полноправная адъективная единица (дает дополнительную информацию о предмете):

*In whome I haue as ye may sene Euyr
wele apaid bene...* (L. 12875)

For written it es, 'he sal þe send...
(L. 12962)

...þat renged efter his fader lijf...
(L. 13010)

В некоторых случаях выполняет функцию прилагательного при существительном:

Mai i nu þi wicked wordes ber...
(L. 12991)

Do wai fra þe yon wicked womman.

(L. 13049)

Bot for þat wicked wijf to still...

(L. 13075)

Более того, вариации похожих окончаний причастия II (-ed/-yd(e), -t/id, -en/-in) отличаются по написанию:

Quen it was don als was poruaid.

(L. 2579)

How iesus quen he lang had fast was fondid wit þe wik gast (L. 168-169)

Fra þan his nam changed was... (L. 479)

Abram forwit als he was calld...

(L. 2651)

...þe quilk þat he was wonnt anure...

(L. 3922)

Далее рассмотрим виды форм причастия II в варианте Fairfax (вариант F). Всего разновидностей в 12773 строфах – 189, из них -en – 12, -ed – 31, -yd(e) – 10, -id – 3 и сильные глаголы с чередованием в корне – 133. Таким образом, причастие II имеет вариации окончаний -en (6%), -id (2%), -yd(e) (5%), -ed (16%) и сильные глаголы с чередованием в корне (71%).

Следующие вариации форм причастия II используются в варианте Göttingen (вариант G): -in – 5, -en – 46, -id – 32, -yd – 9, -ed – 31 и сильные глаголы с чередованием в корне – 180. Всего форм причастия II из 12773 строф – 303, из них -in – 5 (1%), -en – 46 (15%), -id – 32 (10%), -yd – 9 (3%), -ed – 31 (10%), сильные глаголы с чередованием в корне – 180 (58%).

Как и в предыдущих двух вариантах, вариации похожих окончаний причастия II (-ed/-yd(e), -t/id, -en/-in) отличаются по написанию:

Quen sathan sau þat he was chosin.

(L. 713)

In his slohu was seluen sathan...

(L. 745)

Sone was abraham puruayd, He was hangyd on þe thrid morn.. (L. 4496-7)

And he him went als he was wont...

(L. 15581)

Разнообразие морфов в варианте Trinity (вариант T)) выглядит следующим образом: -en – 72, -(e)d – 60 и сильные глаголы с чередованием в корне – 223. Всего форм причастия II из 12773 строф – 355, из них причастие II имеет вариации окончаний -en (20%), -(e)d (16%) и сильные глаголы с чередованием в корне (64%).

Сравнивая четыре издания, сразу бросается в глаза невероятное отличие изданий MS-G и MS-T от всех остальных. Издание MS-G, которое относится к северному диалекту (скандинавское влияние), содержит множество вариаций форм прошедшего причастия и показывает настоящую картину беспорядка, в которых сложно выделить единую систему.

Рис. 1. Виды морфов в издании MS-C

Рис. 2 Виды морфов в издании MS-T

Издание MS-T, которое относится к Нортумбрийскому диалекту, богато причастиями, прослеживается постепенно возрастающая, еще совсем слабая, но определенная и четкая система трех форм прошедшего причастия (*-en* (20%), *-(e)d* (16%), сильные глаголы (64%)).

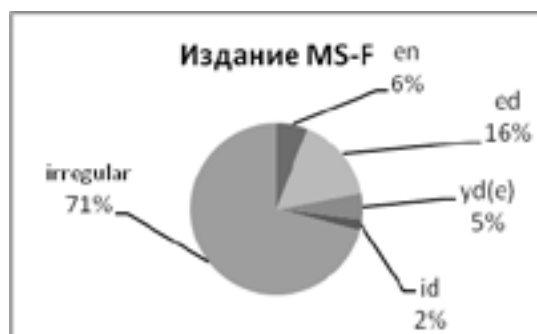

Рис. 3. Виды морфов в издании MS-F

Рис. 4. Виды морфов в издании MS-G

Несмотря на множество вариаций форм в издании G, согласно статистическим данным можно сказать, что издания MS-F и MS-G очень похожи по наличию идентичных по форме окончаний, которые немного совпадают по количественной характеристике: MS-F: *-en* (6%), *-id* (2%), *-yd(e)* (5%), *-ed* (16%) и сильные глаголы с чередованием в корне (71%). и MS-G: *in* – 5 (1%), *-en* – 46 (15%), *-id* – 32 (10%), *-yd* – 9 (3%), *-ed* – 31 (10%), сильные глаголы с чередованием в корне – 180

(58%), хотя издание MS-C тоже не отстает: *-en* (21%), *-id* (2%), *-in* (2%), *-(e)d* (13%) и сильные глаголы с чередованием в корне (62%)

Обзор четырех изданий указывает на следующие интересные факты:

1) наиболее часто окончание *-en* в форме прошедшего причастия используется в MS-T издании (20%), как и в других изданиях MS-C (21%), MS-G (16%), кроме MS-F (6%) (L. 2017; L. 1823),

2) наиболее часто окончание *-ed* в форме прошедшего причастия используется в издании MS-T (16%), как и в других изданиях MS-F (16%), MS-C (13%), MS-G (10%).

3) окончание *-id(e)* встречается в трех изданиях MS-F (2%) и MS-C (2%) в небольшом количестве по сравнению с другими вариациями, кроме MS-G (10%).

4) среди редко-используемых окончаний причастия II на первом месте *-in* встречается в двух изданиях MS-C (2%), MS-G (1%), на втором месте *-yd* встречается в двух изданиях MS-F (5%) и MS-G (3%).

5) среди всех изданий наиболее распространенная форма прошедшего причастия, образованная от сильных глаголов (современные неправильные глаголы) с чередованием (аблаут) для формообразования в MS-F издании (71%), как и в других изданиях MS-T (64%), MS-C (62%), MS-G (60%) (LL. 4531):

Основываясь на данных анализа произведения «Cursor Mundi» (XIII-XV вв.) мы проследили деформацию формы прошедшего причастия – уменьшение в использовании вариаций окончаний и постепенное увеличе-

ние в использовании единого окончания *-ed*, хотя его последний конкурент *-en* все еще не сдает позиции в СА период. Прошедшее причастие занимает видное и достаточно четко определенное место в предложении, независимо от его типа и остальных членов предложения. Практически все вариативные окончания грамматически и лексически более похожи на адъективную единицу, нежели на вербальную, хотя некоторые формы с окончанием *-en* и *-ed* достаточно уверенно используются скорее как вербальная единица, особенно в постпозиции с глаголом *to be*. Как раз именно эти формы еще слабо, но начинают проявлять себя, как совершенно иное средство, полноправно соединяя функции прилагательного и глагола в единое целое.

Для становления новой формы причастия II можно отметить следующее:

1) прошедшее причастие укрепляет свои позиции в использовании, давая возможность некоторым формам вербализироваться до статуса полноправного причастия (только некоторые из них). Прошедшее причастие находится в двух позициях, соединяя функции прилагательного и глагола (слабо) в единое целое, при этом некоторые правила использования заимствует в ДА период от причастия, в СА период – от глагола.

2) для становления причастия II, как вербальной единицы необходим трансформационный сдвиг в языковой системе английского языка, благодаря которому причастие II приобретет некоторые новые характерные черты глагола, а некоторые потеряет от прилагательного. В наших текстах форма причастия II больше адъективна, но

слаба вербально, хотя не настолько, как причастие I. В данном случае прошедшее причастие уже отошло от старой системы и находится по полпути при переходе в новую грамматическую систему английского языка.

Заключение. В ДА языке, бывшем в употреблении около 800 г. н. э., существовало несколько классов глаголов, различающихся по способу образования прошедшего времени. В дальнейшем шел процесс «регуляции»: все эти классы постепенно исчезали, а самым распространенным способом, в котором прошедшее время и причастие прошедшего времени образуется путем прибавления к глаголу суффикса *-(e)d*. В течение СА и особенно всего рНА периода число сильных глаголов сокращается, что дает мощный толчок для систематизации и установления прошедшего причастия, как новой вербально-адъективной части речи.

В современном английском все прочие классы сохранились лишь в виде рудиментов – так называемых «неправильных» глаголов. Класс правильных глаголов является единственным продуктивным, то есть все новые глаголы, появляющиеся в английском языке, автоматические попадают в него и спрягаются по аналогии с другими правильными глаголами (например, *to google* со значением «пользоваться поисковиком Google» имеет форму прошедшего времени и причастия *googled*).

Изучив историческую судьбу прошедшего причастия в использовании со всеми классами глаголов, который имелись в ДА и СА языке, некоторые из которых сохранились поныне мы

пришли к следующему выводу. В СА языке наиболее часто встречающиеся в использовании окончания причастия II: на первом месте - сильные глаголы с чередованием в корне, многие из них по сей день остаются неправильными; на втором месте – окончание *-en*; на третьем месте - *-ed*, получает постепенное увеличение частоты в использовании; на четвертом месте *-id*, уменьшается в использовании в СА период; на пятом месте *-yd*; на шестом месте *-in*.

Для окончаний на 4-6 месте довольно точно выполняется следующее соотношение: «период полураспада» для данного частотного класса окончаний прямо пропорционален квадратному корню из частоты встречаемости. Например, если одно окончание причастия II используется в 100 раз чаще другого, то можно ожидать, что именно оно будет оставаться в использовании в 10 раз дольше. Для окончаний причастия II на 1-3 можно провести подсчет следующим образом: все глаголы с окончанием *-en* относятся к сильному классу глаголов, многие из них стали неправильными (после распада сильного класса глаголов). Из всех перечисленных окончаний причастий II на тот момент флуктуацию вызвали окончания, находившиеся по частотности на 1-2 месте, т.к. они уже отчасти были регулярны. Глаголы с такими окончаниями можно было спрягать как сильные и слабые (отсюда встречается одна и та же форма в различных вариациях по написанию,

при этом встречаются формы сильных и слабых глаголов).

Глагол не может изменить спряжение мгновенно, это постепенный процесс. Люди начинают делать ошибки (флуктуация, в данном случае - спрягать неправильный глагол как правильный), ошибок становится всё больше, и в какой-то момент они перестают считаться ошибками (происходит бифуркация) и впоследствии становятся нормой, при этом старая норма уходит. С одной стороны, в исследуемом произведении мы находимся в фиксированной точке этого процесса, поскольку весь его обозреть невозможно. Но с другой стороны даже на сравнении единиц относительно узкого участка глагольной системы заметно, что для окончаний глаголов из разных классов частотность их использования находится на разных стадиях: для глаголов на первом месте этот процесс уже зашел далеко, для третьего места – только начинается.

Для определения общего количества употреблений (X) глагола зададим окончание прошедшего причастия для определения количества ошибочных употреблений (Y). Ошибочные употребления возьмем схожие формы по звучанию: для окончания сильных глаголов - *-en* / *-in*, к окончанию *-ed* будут относиться схожие по звучанию *-id*, *-yd*. Если наша гипотеза верна, то чем популярнее окончание, тем меньше будет отношение количества ошибочных употреблений к общему числу употреблений.

Класс частотности	Окончания	Всего употреблений (X)	Ошибочных употреблений (Y)
1	<i>-en, -in</i>	714	203
2	<i>-id, -yd</i>	160	61

Как можно видеть, наше исследование подтверждает общие выводы: классы частотности совпадают, относительная частота ошибок (отношение Y) возрастает. Как видно, у первого класса частотности количество регулярных форм прошедшего причастия резко увеличивается, то есть процесс регуляризации зашел очень далеко.

Таким образом, исследуя роль принципа причинности в развитии и функционировании системы языка, мы должны чётко представлять, что данная система изменяется и действует не только под влиянием внутренних, но и внешних, экстралингвистических моментов, и помимо упорядоченности этой системе в определённой степени присущ беспорядок.

Порядок и хаос использования форм прошедшего причастия, вместо того чтобы исключать друг друга, дополняют друг друга так, что ни порядок не может существовать без поддерживающего его хаоса, ни хаос без порождающего его порядка форм. В данном случае мы можем четко проследить упорядоченную реакцию глагольной системы на хаотические воздействия внешней среды языка.

Развитие прошедшего причастия находит свое происхождение первоначально на севере страны в северных диалектах, затем распространяется на юг. Более того, такое развитие является совместимым с развитием остальных неличных форм глагола: инфинитива и герундия.

Литература:

1. Мартине, А. Основы общей лингвистики. Изд. 2-е. [Текст] / А. Мартине. М.: Едиториал УРСС, 2004. 224 с.
2. Wildgen, W. The Evolution of Human Languages. Scenarios, Principles, and Cultural Dynamics // Series: Advances in Consciousness Research. Amsterdam: Benjamins, 2004. 236 p.
3. Hupe H. Cursor Mundi. Essay on the Manuscripts and Dialect. Vol. VII. London. Oxford University Press. 1962. P. 103.
4. Glendinning, P. Stability, Instability and Chaos. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 p.
5. Strogatz, S. Non-linear Dynamics and Chaos: With applications to Physics, Biology, Chemistry and Engineering / S. Strogatz. Cambridge: Perseus Books, 2000. 498 p.
6. Briggs, J. and David Peat, Turbulent Mirror: An Illustrated Guide to Chaos Theory and the Science of Wholeness/ NY: Harper Perennial 1990. 224 p.
7. Shannon, C.E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. Champaign, Illinois: University of Illinois Press, 1998. pp. 379 – 423 and 623 – 656 pp.
8. Аматов, А.М. К вопросу машинного перевода: энтропия языковой системы и способы ее преодоления [Текст] / А.М. Аматов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. № 2 (13). СПб: ЛГУ, 2008. С. 71 – 91.
9. Hieatt, A. Kent. Beowulf and Other Old English Poems. New York: Bantam Books. 1983. P. 32. (L. 1243-5).
10. Cursor mundi (The cursor o the world). A Northumbrian poem of the XIVth century in four versions. Ed. by the Rev. Richard Morris. Michigan. University of Michigan Library. 2006. 1674 p.

References:

1. Martinet, A. *Éléments de linguistique générale*. Quoted Russian edition, Moscow: Editorial URSS, 2004. 224 p.

2. Wildgen, W. *The Evolution of Human Languages. Scenarios, Principles, and Cultural Dynamics* // Series: Advances in Consciousness Research. Amsterdam: Benjamins, 2004. 236 p.

3. Hupe H. *Cursor Mundi. Essay on the Manuscripts and Dialect*. Vol. VII. London. Oxford University Press. 1962. P. 103.

4. Glendinning, P. *Stability, Instability and Chaos*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 p.

5. Strogatz, S. *Non-linear Dynamics and Chaos: With applications to Physics, Biology, Chemistry and Engineering* / S. Strogatz. Cambridge: Perseus Books, 2000. 498 p.

6. Briggs, J. and David Peat, *Turbulent Mirror: An Illustrated Guide to Chaos Theory and the Science of Wholeness*/ NY: Harper Perennial 1990. 224 p.

7. Shannon, C.E. *A Mathematical Theory of Communication* // Bell System Technical Journal. Champain, Illinois: University of Illinois Press, 1998. PP. 379 – 423 and 623 – 656.

8. Amatov, A.M. *K voprosu mashinogo perevoda: entropiya yazykovoy sistemy I sposoby ee preodoleniya* [On the Issue of MT: entropy of a Language and Ways to Bypass it // Leningrad Pushkin State University Journal, # 2 (13)]. Saint-Petersburg, 2008. pp. 71 – 91.

9. Hieatt, A. Kent. *Beowulf and Other Old English Poems*. New York: Bantam Books. 1983. P. 32. (L. 1243-5).

10. *Cursor mundi* (The cursor o the world). A Northumbrian poem of the XIVth century in four versions. Ed. by the Rev. Richard Morris. Michigan. University of Michigan Library. 2006. 1674 p.

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ:****АМАТОВ****Александр Михайлович**

доктор филологических наук, доцент

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

308015 Белгород, ул. Победы, 85

Россия

E-mail: amatov@bsu.edu.ru

ГУРОВА**Юлия Ивановна**

*кандидат филологических наук,
доцент*

Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов

192238 Санкт-Петербург,

ул. Фучика, 15, Россия

E-mail: gurovayulia@yandex.ru

**DATA ABOUT
THE AUTHORS:****Alexander M. Amatov**

Doctor of Philology, Associate Professor

Belgorod State National Research
University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015

Russia

E-mail: amatov@bsu.edu.ru

Gurova Yulia Ivanovna

PhD in Philology, Associate Professor

St. Petersburg Humanitarian

University of Trade Unions

15 Fuchika St., St. Petersburg, 192238

Russia

E-mail: amatov@bsu.edu.ru

УДК 811.112.2

Е.В. Бондаренко, Н.А. Калинина
Elena V. Bondarenko, Natalia A. Kalinina**ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМЫ
СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ГЕРМАНИИ
(ИННОВАЦИИ СИСТЕМЫ БАВАРСКОГО ДИАЛЕКТА)***PHONETIC AND LEXICAL DEVIATIONS FROM THE NORMS OF MODERN
LITERARY GERMAN (SYSTEM INNOVATIONS IN BAVARIAN DIALECT)***Аннотация**

Предлагаемая статья посвящена изучению отличительных черт Баварского диалекта современного литературного немецкого языка на уровне фонетических и лексических изменений. Баварский диалект обнаруживает инновации и характеризуется разнообразием лингвистических форм на всех уровнях своей системы. Исследуется понятие баварский «диалект» и его соотношение с современным литературным немецким языком. Компаративный анализ вскрывает факты отклонения от нормативного стандарта литературного немецкого языка Германии, особенно в области лексики.

Ключевые слова: литературный немецкий язык Германии, Баварский диалект, фонетические и лексические инновации.

Abstract

The article is devoted to research of specific features of Bavarian dialect of the modern literary German language on the level of phonetic and lexical changes. The dialect is remarkable for its innovations and variety of linguistic forms on all levels of its system. The author studies the notion “Bavarian dialect” and its cor-

relation with literary German. Comparative analysis reveals the facts of deviation from the standards of the literary German language, especially in vocabulary.

Key words: modern literary German language, Bavarian dialect, phonetic and lexical innovations.

Введение. Развитие немецкого языка тесно связано с особенностями исторического развития Германии. Именно они обусловили появление обширного числа диалектов, которые сильно отличаются друг от друга не только в лексическом, но и в морфологическом, фонологическом и синтаксическом плане.

Зарождения немецкого языка начинается в период «Великого переселения народов» («Völkerwanderung»). Основные племена, которые позже начали развивать свое собственные диалекты, расселились с севера на юг. Такими племенами были: фризцы (Friesen), саксы (Sachsen), франки (Franken), тюрингцы (Thüringer), алеманы (Alemannen) и баварцы (Bayern). Однако изучая историю развития этих племен, мы наблюдаем пестрое историко-географическое чередование феодальных территорий, провинций и «земель» (Länder). Эти че-

редования помогают нам понять, что не всегда политические границы совпадают с территориями расселения народа и распространения их языка. Например, там, где заселились ранее алеманы, сейчас расположены Эльзас, Баден, Вюртемберг, западная Бавария, западная Австрия, Лихтенштейн и две третьих Швейцарии. Из этих земель сформировалось княжество Швабен (Schwaben). Даже спустя 1500 лет алеманский диалект, просуществовавший в течение веков, делает возможным общение людей из разных частей этой местности. Следует отметить тот факт, что в лингвистической терминологии диалекты юга называются «верхненемецкими», а севера – «нижненемецкими». Такое несоответствие связано с особенностями ландшафта Германии. Так, на юге преобладают горы и возвышенности, отсюда и название «верхненемецкие» диалекты; на севере в свою очередь, преимущественно равнины и низменности, поэтому – «нижненемецкие» диалекты [1].

Основная часть.

Первым исследователем, который заинтересовался баварскими диалектами, был Иоганн Андреас Шмеллер (1785–1852). В XIX веке был опубликован четырёхтомный словарь баварского диалекта [2].

С точки зрения языкового развития, Баварский диалект является одним из самых далёких от стандартного немецкого языка. Свое происхождение он ведет от языка, на котором говорили представители баварского племени, оттеснённого королём Карлом Великим к Дунаю. Баварский диалект подразделяется на три крупные язы-

ковые группы, а именно: северобаварский диалект, среднебаварский диалект и южнобаварский диалект.

Экстралингвистический фон Баварских диалектов богат. История баварских племен берет свое начало в переселении нескольких племенных групп из Богемии. Считается, что это были племена маркоманнов и квадов, которые и принесли само название *Bajuwarii* в VI в. н.э., ставшее названием народа и его диалекта. Исследователи утверждают, что на уровне древневерхненемецкого языкового среза различия между древнебаварскими и алеманнскими диалектами не носили столь явного характера [3]. Приблизительно к XII в. количество инноваций начинает возрастать и анализ памятников литературы и данных словарей показывает расхождение между Восточными верхненемецкими (баварскими) диалектами и Западными верхненемецкими (алеманнскими) диалектами [4].

Баварский диалект отличается мягкостью произношения и является антиподом резко звучащего берлинского диалекта, как и сама Бавария всегда воспринималась как антипод Пруссии. В настоящее время обучение в баварских школах ведётся на стандартном немецком языке. В то же время Баварский диалект широко используется в разговорной речи баварцев.

Цель данной статьи состоит в анализе фонетических и лексических отклонений системы Баварского диалекта от норм современного литературного немецкого языка.

Материалом исследования послужили романы и баллады известных баварских писателей, которые в своих

произведениях описывают жизнь баварцев, их обычаи и традиции.

В статье используется метод компаративного анализа лингвистического материала.

Результатом исследования стало выявление фактов отклонения от нормы немецкого литературного языка в системе Баварского диалекта. Анализ лингвистического материала показывает разнообразие инноваций в системе баварский диалекта.

Так, в системе предлогов немецкому *von* будет соответствовать баварское **vo**. Прямые несоответствия лексем наблюдаются в именах собственных, в названиях городов: баварское **Minga** и немецкое **München** или лексем, сформировавшихся в отрыве от немецкого языка.

- (баварск.) Serwus, I bî da Pèda und kumm vo Minga. - (лит.нем.Герм.) Hallo, ich bin Peter und ich komme aus München «Привет, меня зовут Петер и я из Мюнхена».

Баварский диалект имеет определенные характеристики, типичными являются разработанные Эберхардом Кранцмайером «ключевые слова»:

- (баварск.) enk – (лит.нем.Герм.) euch «вас, вам»,
- (баварск.) Fasching – (лит.нем.Герм.) Fasenacht «масленица, карнавал»,
- (баварск.) Pfoat – (лит.нем.Герм.) das Hemd «рубашка».

С точки зрения фонетики звук [a] является характерной чертой в таких лексемах как die Katze «кошка», der Hase «заяц», braten «жарить». Произношение **a** в словах (баварск.) Katzerl– (лит.нем.Герм.) die Katze «кошка», (ба-

варск.) laar – (лит. нем. Герм.) leer «пустой». Дифтонг Баварского диалекта –**oa** является соответствием для немецкого литературного –**ei** в лексемах (баварск.) hoas – (лит.нем.Герм.) heiss «жаркий», (баварск.) broad – (лит.нем.Герм.) breit «широкий» [5].

Лексика Баварского диалекта богата, она часто носит узко региональный характер и не имеет аналогов в современном литературном немецком языке Германии, поэтому для ее передачи необходим специальный перевод. Многие баварские слова приходится переводить описательно, разъясняя, что имеется в виду. Данное утверждение относится ко многим слоям лексического уровня системы баварского диалекта. Лексический материал для данной статьи взят из аутентичной книги о Баварии [6].

- (баварск.) Dirndl – (лит.нем.Герм.) das Mädchen «молодая девушка». В Баварии слово «Dirndl» означает широкую юбку в сборку и также относится не только к соответствующему предмету одежды, но также используется для обозначения лексемы «девушка».

- (баварск.) Gwand – (лит.нем.Герм.) die Kleidung «одежда». Это совокупность изделий (чаще тканых или вязанных из различных природных или искусственных материалов), надеваемых человеком с целью обезопасить своё тело от негативного влияния окружающей среды.

Лексема баварского диалекта имеет фонологическое и орфографическое расхождение с аналогом из литературного немецкого языка Германии. Возможно, аналог литературного немецкого языка имеет те же диахронические корни, но в ходе диахронического

развития языковой системы, лексема претерпела фонологические и орфографические изменения.

Когда просматриваются списки типичной баварской лексики, человек, знающий только литературный немецкий язык полон недоумения. Он задается вопросом о том, что неужели все эти слова употребительны. Далее начинается поиск и первое, что оказывается под рукой – это Интернет. Язык интернет порталов наиболее чувствителен к языковым изменениям в обществе, так как в форумах и блогах звучит речь обычных носителей языка, которые обсуждают интересующие их темы. Нахождение типичной баварской лексики на обычных сайтах – лучший показатель того, что эта лексика действительно распространена.

Для примера рассмотрим наиболее известные и частотные типичные баварские лексемы.

- (баварск.) Grüss Gott! = (лит.нем. Герм.) Guten Tag! Здравствуйте! Это приветствие, переводимое как «Здравствуйте!», хотя более дословно - «Бог в помощь». Наиболее часто употребляется на территории верхненемецкого языкового ареала, на территории Баварии, Франконии, Швабии и Южного Тироля. Считается, что данное выражение было впервые введено в обиход в XIX в. Оно является укороченной формой устойчивого выражения GrüÙ dich Gott! Да благословит тебя Господь!

- (баварск.) Pfiatdi! = (лит.нем. Герм.) Behüte dich Gott! «Да защитит тебя Господь!». Это выражение употребляется при прощании и является усеченной формой устойчивого словосочетания “Pfiatdi' Gott”. Литературный перевод фразы «До свидания!».

- GrüÙ Gott Winter, Pfiatdi Herbst.

«Здравствуй зима, до свидания, Осень». Это заголовок статьи, которая описывает путешествие в Баварию. Авторы не только красочно обрисовывают красоты Баварии, ее достопримечательности, но и снабжают текст языковым материалом: фразами баварского диалекта, подчеркивая при этом необходимость знания самых важных из них. Опубликовано на сайте karlatravis.blogspot.com/2008/11/gr-gott-winter-pfiat-div ноябре 2008г.

- Sabine, **pfiatdi!** «Сабина, до свидания!» Название любительского фильма на сайте youtube.com/watch?v=K_WA4w76YFo, посвященного проходам главной героини Сабины в Европу на учебу. Лингвистический анализ, как названия фильма, так и его содержания показывает, что действие происходит в южной Германии, так как речь участников фильма содержит лексемы, характерные для территории распространения Баварского диалекта.

- (баварск.) A Maß biddscheen. = (лит.нем. Герм.) Einen Liter Bier bitte. «Литр пива, пожалуйста!»

Лексема **biddscheen** представляет собой баварский вариант литературной немецкой лексики **bitte**. Может иметь два возможного употребления: в значении «пожалуйста» и в значении «вот, пожалуйста» (когда Вам что-то дают).

- (баварск.) A hojbats Hendl biddscheen! = (лит. нем. Герм.) Ich hätte gerne einhalbes gebratenes Flügeltier. Я бы лучше съел полупрожаренную птицу. Все предложение оформлено баварскими лексемами. Если говорящий является носителем только литературного немецкого языка Германии, то в данном случае акта коммуникации бы

не состоялось, так как взаимопонимание невозможно. Этим и отличается диалект от варианта национального языка. Опубликовано на сайте biergartler.de/bier-abc/bayerisches-worterbuch, октябрь 2013г.

- (баварск.) Auszogene = (лит. нем. Герм.) der Pfannkuchen «пончики, оладьи». Это вид выпечки, похожий на пончик, но без дырочки внутри. Края загнуты и прожарены сильнее, чем середина. Она тонкая и светлая. Подается с сахарной пудрой.

- (баварск.) die Semmel = (лит. нем. Герм.) das Brötchen «булочка». Анализ этимологических корней показывает, что лексема баварского диалекта происходит от латинской лексемы **simila** «пшеничная мука высшего сорта». Это имя существительное женского рода, первого типа склонения. В то время как аналог литературного немецкого языка Германии – это результат диахронического развития древневерхненемецкого имени существительного **brōt**, которое известно по древневерхненемецким памятникам уже с VIIв. Истоки и причины такого распределения исследуемых лексем следует искать в экстралингвистических факторах, влияющих на эволюцию немецкого языка и его диалектов.

Диалект до некоторой степени противостоит системе литературного языка. Он обладает рядом характеристик, которые лежат в основе указанного противопоставления. Диалект всегда распространен на территории, имеющей границы. Диалектные формы редко можно встретить за пределами зоны его распространения. Но, даже на определенном пространстве система диалекта не является единой [7]. Она

может состоять из разновидностей или подвидов. Если на территории распространения диалекта существуют несколько говоров, они входят в систему диалекта, не смотря на наличие отличительных черт. Относительная самостоятельность диалекта постоянно находится под воздействием системы стандартизированного литературного языка, который широко используется в средствах массовой информации. Когда самосознание части населения, использующей диалект велико, то тогда роль диалекта может возрастать и сферы его употребления могут расширяться и увеличиваться. Баварский диалект Германии является подтверждением данного факта.

Заключение

Как лингвистическое понятие диалект всегда находится в центре лингвистических исследований. Ученые, находя новый языковой материал, продолжают разрабатывать тематику диалектов [8]. Современная трактовка диалектов показывает, что понятие «диалект» может быть применимо к любой местной разновидности литературного языка. Это так называемые территориальные диалекты. Диалектное разнообразие Германии всегда давало интересные лингвистические данные для исследований. В них не раз отмечалось, что соотношение разных диалектов с современным литературным немецким языком Германии неоднозначно. Система Баварского диалекта имеет множественные отличительные характеристики на всех уровнях своей структурной организации. В ходе первоначального анализа предложений на баварском диалекте и

их прямых переводов на нормативный литературный немецкий язык сразу же становятся видны несоответствия, в основном касающиеся орфографии и лексики.

Баварский диалект на современном уровне его диахронии показывает, что его система активно накапливает инновации, прежде всего на фонологическом и лексическом уровнях [9]. Накопление новых языковых явлений пока не выходит за пределы указанных уровней, и поэтому говорить об их влиянии на систему Баварского диалекта не приходится. Следует подчеркнуть, что фонологический и лексический уровни являются наиболее открытыми уровнями языковой системы. С другой стороны, морфологический уровень так же имеет отклонения от нормативного употребления, но общее состояние морфологии не позволяет говорить о ее движении. Морфология Баварского диалекта по-прежнему стремиться к морфологии немецкого литературного языка и следует ему как норме. Но, тем не менее внутри структурной организации Баварского диалекта накапливаются новые единицы или случаи их новой функциональной нагрузки, что возможно в будущем приведет к вводу системы Баварского диалекта из состояния равновесия.

Подводя итоги нашего небольшого исследования лексем баварского диалектного ареала, следует подчеркнуть, его система отличается своеобразием лексического состава, который при сравнительном синхронном и диахроническом анализе часто вскрывает различные этимологические источники. В ходе исторического развития можно наблюдать отклонения от нормы не-

мецкого литературного языка Германии на фонетическом и лексическом уровне. Компаративный анализ лингвистического материала баварского диалекта и литературного немецкого языка Германии вскрывает различия и инновации. Для перевода определенных лексем необходимо знать обычаи и традиции Баварии.

Литература:

1. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.: 1956. 636 с.
2. Schmeller, Johann Andreas: Bayerisches Wörterbuch (нем.). URL: Bayerische Landesbibliothek.online (дата обращения: 02.04.2014)
3. Renn M., König W. Kleiner Bayerischer Sprachatlas. München: Dtv. 2006. 263 p.
4. Zehetner L. Das bairische Dialektbuch. München: Beck, 1985. 302 p.
5. Anthony Rowley, Bairische Dialekte, in: Historisches Lexikon Bayerns, URL: http://www.historisches-lexikon-bayerns.de/artikel/artikel_45730 (дата обращения: 05.11.2013).
6. Heyberger J., Schmitt Ch., Wilhelm A. Bavaria: Landes- Und Volkskunde Des Bayern, Zweiter Band. München. 2010. 256 p.
7. Heyberger J., Schmitt Ch., Wilhelm A. Bavaria: Landes-Und Volkskunde Des Bayern, Zweiter Band. München. 2010. 256 p.
8. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Walter de Gruyter, Berlin/New York 2001. 185 p.
9. Zehetner L. Das bairische Dialektbuch. München: Beck, 1985. 302 p.

References:

1. Zhirmunskii V.M., Fleischer W. Deutsche Mundartkunde: Vergleichende Laut- Und Formenlehre Der Deutschen Mundarten. München: Dtv, 2010. 263 p.
2. Schmeller, Johann Andreas: Bayerisches Wörterbuch (German). URL: BayerischeLandesbibliothek.online (дата обращения: 02.04.2014)
3. Renn M., König W. Kleiner Bayerischer Sprachatlas. – München: Dtv, 2006. 263 p.
4. Zehetner L. Das bairische Dialektbuch. München: Beck, 1985. 302 p.
5. Anthony Rowley, Bairische Dialekte, in: Historisches Lexikon Bayerns. URL: http://www.historisches-lexikon-bayerns.de/artikel/artikel_45730 (дата обращения: 05.11.2013).
6. Heyberger J., Schmitt Ch., Wilhelm A. Bavaria: Landes- Und Volkskunde Des Bayern, Zweiter Band. München. 2010. 256 p.
7. Heyberger J., Schmitt Ch., Wilhelm A. Bavaria: Landes- Und Volkskunde Des Bayern, Zweiter Band. München. 2010. 256 p.
8. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Walter de Gruyter, Berlin/New York 2001. 185 p.
9. Zehetner L. Das bairische Dialektbuch. München: Beck, 1985. 302 p.

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ:****БОНДАРЕНКО****Елена Валентиновна***доктор филологических наук,
профессор**Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**308015? Белгород, ул. Победы, 85**E-mail: bond-elena@yandex.ru***КАЛИНИНА****Наталья Александровна***Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**308015? Белгород, ул. Победы, 85**E-mail: windnatali@rambler.ru***DATA ABOUT
THE AUTHORS:****Elena V. Bondarenko***Doctor of Philology, Professor**Belgorod State National
Research University**85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: bond-elena@yandex.ru***Natalia A. Kalinina***Belgorod State National
Research University**85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: windnatali@rambler.ru*

Т.И. Ямчинская
Tamara I. Yamchynskaya

**ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ ИНТЕРЛИНГВАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ**

*LINGUISTIC CREATIVITY OF INTERLINGUAL SWITCHINGS
IN A LITERARY TEXT*

Аннотация

В статье рассматривается расширение функций интерлингвальных включений через раскрытие их лингвокреативного потенциала. Введение интерлингвальных включений в художественный текст ведет к изменению его семантических и прагматических характеристик, что позволяет говорить о влиянии лингвокреативности таких включений на прагма-семантический потенциал текста. Отсутствие зависимости между объемом интерлингвальных включений, способом их введения и функциональными характеристиками указывают на определенную продуктивную силу использования интерлингвальных включений в художественном тексте.

Ключевые слова: интерлингвальность, интерлингвальное включение, лингвокреативность, прагма-семантический потенциал.

Abstract

The article discusses the extension of functions of interlingual inserts through elucidation of their linguocreative potential. Using foreign words in the literary text changes its semantic and pragmatic characteristics, which suggests that lin-

guistic creativity of such inserts influences pragmatic and semantic potential of the text. There is no dependence between the amount of interlingual inserts, the method of their incorporation and their functional characteristics. This implies a certain productive potential of interlingual inserts in a literary text.

Key words: interlinguality, interlingual inserts, linguistic creativity, pragma-semantic potential.

Наличие в современных языках большого количества иноязычных элементов позволяет говорить об иноязычности как особой характеристике. Иноязычность в современных языках функционирует именно как феномен, то есть как широкомасштабное и полифункциональное явление, изучение которого, безусловно, является теоретически значимым.

Иноязычные элементы рассматриваются как заимствованные из других языков единицы, чужеродность которых осознается и адресатом, и адресантом [2, с. 155]. Они носят разные названия: «иностранные или чужие слова», «экзотизмы», «алиенизмы», «варваризмы», «заимствования». Вслед за А.А. Леонтьевым [6] и Ю.Т. Листровой-Правда [7] мы используем термин

«интерлингвальное включение», принимая их обоснования выбора.

Факт употребления интерлингвальных включений в текстах художественной литературы тесно связан с понятием «переключение кода» – code-switching [13]. Переключение с одного языка на другой соотносится с понятием интерлингвальности, под которой понимается механизм включения в текст иноязычных компонентов на уровне слова, словосочетания, фразы или целого абзаца [3].

Лингвисты неоднократно поднимали вопросы изучения смены кодов в речи и тексте с позиций семантики и прагматики [4; 12]. Нарушение литературно-языковых конвенций, обусловленное отказом автора выражать свои интенции, ограничиваясь лексическими средствами только одного языка, определяет повышенный интерес ученых к проблеме художественной интерлингвальности – явления смешения нескольких языков в тексте художественного произведения [10, р.245], которое трактуется как творчество с использованием инациональных языковых средств для создания художественных произведений.

Исследователи предпринимали попытки комплексного анализа функций интерлингвальных включений в художественный текст [9; 3; 5]. Вопросы функционирования интерлингвальных включений в текстах художественных произведений не могут оставаться вне поля зрения не только потому, что это явление очень распространено в мировой литературе, но и вследствие тех многочисленных и сложных связей, которые возникают между интерлингвальными включениями и принимающим художественным текстом. «Уже простое включение тех или иных «чужеродных» элементов в текст худо-

жественного произведения... делает их иными, своеобразно «сублимирует» их, подчиняя целому» [1, с. 151].

Известно несколько моделей функционально-семантической специфики интерлингвальных включений в их разнообразных манифестациях в тексте художественного произведения [3; 8]. Целью нашей работы является расширение описания интерлингвальных включений в художественный текст и уточнение принципов действия интерлингвального механизма через раскрытие лингвокреативного потенциала интерлингвальных включений.

Отсутствие теоретических обоснований анализа функционально-семантического потенциала введения в художественный текст интерлингвальных включений как творческого приема и способа привлечения читателя к сотворчеству определяет актуальность исследования.

Расширение представлений о функциональной нагруженности интерлингвальных включений через призму лингвокреативности составляет научную новизну исследования.

Методологической основой служат фундаментальные положения лингвистики о связи языка и действительности и роли человеческого фактора в языке.

Наличие интерлингвальных включений в произведениях художественной литературы следует рассматривать как интеграцию в едином тексте двух коммуникативных систем. Эти системы взаимодействуют, в результате чего возникают дополнительные ассоциации, выстраиваются новые смысловые акценты. Знаки этих систем не смешиваются, но играют очень важную роль в создании особых характеристик текста.

Инкорпорирование в тексте интерлингвальных включений – прием достаточно нетрадиционный, неслучайный по своей сути, а потому яркий и наделяемый определенной ролью. Мы придерживаемся мысли, что для выдуманного мира художественного текста важно, насколько читатель вовлечен в процесс сотворения этого мира. Такому вовлечению способствует введение интерлингвальных включений, которые становятся своеобразной зоной для достаточно произвольного заполнения и творческой активности читателя. Вводным предложением в «как если бы семантику художественного текста» служит следующее: «Я воображаю себя и зову тебя вообразить себя в мире...» [11, с. 149-150]. Интерлингвальное включение, на формальном уровне представляющее собой смешение языковых кодов, сосуществование элементов разносистемных языков в пределах одного текста, является стилистически мотивированным приемом, от интерпретации которого зависит адекватное понимание художественного произведения.

Художественный текст – носитель языковых экспериментов автора, манипулирующего языковыми знаками, которые приносят в текст элементы неожиданности, нестандартности, раздвигают пределы воображения, побуждают к творческому поиску, развивают реакцию на слово.

На примере анализа текста стихотворения Риты Дав «Ö» (Rita Dove. Ö) мы продемонстрируем, что лингвокреативная нагрузка даже одного интерлингвального включения в текст является чрезвычайно весомой и колеблется от необходимости создания в произведении специфической «иностранной» атмосферы до выполнения

функций ключевого фрагмента текста, без которого понимание замысла автора невозможно и который в этом отношении не допускает никакого замещения или изменения собственного формата или объема.

Ö

Shape the lips to an o, say a.
That's island.

One word of Swedish has changed the whole neighborhood.

Интерлингвальное включение Ö создает многофокусную картину, которая начинается с человеческих губ, формирующих звук, переходит на очертания острова, на корабль... Тихий американский городок превращается в остров одного из сказочных шведских архипелагов, изобилующих пышной растительностью и скалистыми шхерами. Среди нетронутой природы, маленьких островков, чистых пляжей, естественной красоты течет другая жизнь. Одно слово изменило все вокруг: пейзаж, привычное окружение, возможности.

Экзотический звук и физическое ощущение незнакомого слова, чувственное осознание «инаковости» изменяет и завораживает героиню. Кажется, что будто бы в этом одном слове у нее на губах очутился весь мир, живой, пульсирующий, изменчивый. Освобожденная языком и уже не привязанная к месту, героиня представляет воображаемый мир, в котором время и расстояние расступаются перед силой языка, где историческое время перетекает в морской ветерок (*backyard breezes*), где дом на углу плывет над болотом (*the house on the corner // took off over the marshland*), чему не изумляется ни героиня, ни ее соседи (*«neither I nor my neighbor // would be amazed*). Употребив единственно вер-

ное слово (*so right// it trembles*), героиня изменяет представление о самой себе и о возможностях, предлагаемых ей жизнью, одновременно изменяя настоящее и будущее:

You start out with one thing, end
up with another, and nothing's
like it used to be, not even the future.

Слово из чужого языка встряхивает поэтическое воображение и привычное становится чудным (*nothing's //like it used to be, not even the future*), мир изменяется. Шведское слово *Ö* увлекает нас последующей омонимической ассоциацией (*the present extends its glass forehead to sea/see*) и уже сразу можно представлять родную улочку морем (*the yellow house on the corner// is a galleon...around it the wind...the horn-blast from the ship...*) и устремляться в будущее.

Специфичность введения интерлингвального включения в художественный текст заключается в двойной реализации его лингвокреативной функции. С одной стороны, интерлингвальное включение выступает в стихотворении в качестве актуализированного компонента, контрастирующего с неактуализированным фоном – лексическим пространством английского языка. С другой стороны, в результате смешения языков в условиях текстового взаимодействия происходит генерирование и новых смыслов и нового языка – так называемого «интерязыка» [10, p. 225] художественного текста. Это позволяет рассматривать интерлингвальное включение *Ö* как особую текстотворческую доминанту стихотворения.

Интерлингвальное включение в глазах англоязычного читателя наделено добавочной загадочностью, основанной на экзотическом звучании и графическом оформлении, которые

«работают» на скорейшее и эффективное достижение прагматических целей стихотворения. Умлягутированное шведское *Ö* завораживает, притягивает, вовлекает в мир текста.

В данном случае его введение может трактоваться как желание автора отстраниться от реальности, уйти в чужестранную и чужезычную культуру словно в укрытие, убежище, где жизнь течет условно-реально, и увлечь за собой читателя. Введение интерлингвального включения *Ö* служит мощным индикатором того, что и автор и читатель в момент взаимного общения «покидают» пределы речи обыденной и обращаются к речи художественной, то есть эстетически значимой.

Введение иностранного слова также связано с принципом изобразительности, выступающим одним из главных творческих мотивов автора при создании художественного текста.

Лингвокреативный потенциал интерлингвального включения на фоне английского языкового окружения обусловлен как его содержанием, так и необычным материально-звуковым комплексом и вызываемыми ими экзотическими ассоциациями. Выполняемые интерлингвальным включением прагматические, семантические и стилистические функции накладываются и взаимно дополняют друг друга и подчиняются образной перспективе всего художественного целого.

Введение интерлингвальных включений ведет к изменению семантических и прагматических характеристик художественного текста, что позволяет говорить о влиянии лингвокреативности таких включений на прагма-семантический потенциал текста.

Исходя из анализа текста стихотворения, можно сделать вывод, что объ-

ем интерлингвальных включений и предположительно способ их введения не регламентируются строго лингвистическими правилами, а значит, могут быть чрезвычайно разнообразными; не существует зависимости между объемом интерлингвального включения и его функционально-семантическим потенциалом, что указывает на определенную порождающую силу художественной интерлингвальности.

Литература:

1. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1969. 376 с.
2. Волкова А.А. Языковая репрезентация тактик, реализующих коммуникативную стратегию обеспечения понимания текста с иноязычными вкраплениями // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. Вып. 2. С. 155-158.
3. Воробьева Ю.С. Интерлингвальность как механизм формирования скрытых смыслов (на материале англоязычных текстов): Авторефер. дис... канд. филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2007. 20 с.
4. Красных В.В. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: «Филология», Вып. 4. 128 с.
5. Кучминская Н.Р. Французские стереотипы в русском интерлингвальном дискурсе: Авторефер. дис... канд. филол. наук: 10.02.19. Санкт-Петербург, 2012. 17 с.
6. Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры и речи. М., 1966. Вып. 7. С. 60-68.
7. Листрова-Правда Ю.Т. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи 19 века. Дис. докт. филол. наук., Воронеж, 1982. 453 с.

8. Манина С.И. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2010. Вып. 1 (55). С. 114-118.

9. Мишинцева И. Ю. Переключение кодов в художественных произведениях: Авторефер. дис... канд. филол. наук: 10.02.19. Ярославль, 2011. 17 с.

10. Bruce-Novoa J. Chicano Poetry / J. Bruce-Novoa // An Other: Nation and Ethnicity in the Linguistic Borderlands / [ed. By Alfred Arteaga]. Durham, NC: Duke University Press, 1994. pp. 225-245.

11. Levin, B. Lexical and Conceptual Semantics / B. Levin, S. Pinker. Cambridge, 1991. 477 p.

12. Myers-Scotton C. An Introduction to Bilingualism // Language and Cognition. Cambridge University Press: 8 (3). 2005. pp.277-284

13. Savie J. Code-switching: Theoretical and Methodological Issues. Beograd. 1996.

References:

1. Bruce-Novoa J. Chicano Poetry / J. Bruce-Novoa // An Other: Nation and Ethnicity in the Linguistic Borderlands / [ed. By Alfred Arteaga]. Durham, NC: Duke University Press, 1994. pp. 225-245.

2. Budagov R.A. *Literaturnye yazyki i yazykovye stili* [Literary Languages and Language Styles]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 1969. 376 p.

3. Krasnyh V.V. *Jazyk, soznanie, kommunikacija* [Language, Consciousness, Communication: Festschrift]. Moscow. Philology Publ. Vol. 4. 128 p.

4. Kuchminskaja N.R. *Francuzskie stereotipy v russkom interlingval'nom diskurse* [French Stereotypes in the Russian Interlingual Discourse]. Abstract of PhD Thesis. St. Petersburg. 2012. 17 p.

5. Listrova-Pravda Ju.T. *Inojazychnye vkrapljenija v russkoj literaturnoj rechi 19*

veka [Foreign Elements in the Russian Literary Language of the 19th Century]. PhD Thesis. Voronezh. 1982. 453 p.

6. Leont'ev A.A. *Inojazychnye vkraplenija v russkiju rech'* [Foreign Elements in the Russian Language] Issues of Culture and Speech Journal. Vol. 7. Moscow. 1966. pp. 60-68.

7. Levin, B. Lexical and Conceptual Semantics / B. Levin, S. Pinker. Cambridge, 1991. 477 p.

8. Manina S.I. *Pragmaticheskie funkcii inojazychnyh vkraplenij* [Pragmatic Functions of Foreign Language Elements]. Adygey State University Messenger. Ser. Literature and Art Studies. Vol. 1(55). 2010. pp. 114-118.

9. Mishintseva I. Yu. *Pereklyuchenie kodov v khudozhestvennykh proizvedeniyah* [Code Switching in Literary Texts]. Abstract of PhD Thesis. Yaroslavl'. 2011. 17 p.

10. Myers-Scotton Carol. An Introduction to Bilingualism. Language and Cognition. Cambridge University Press: 8 (3). 2005. pp. 277-284.

11. Savie J. Code-switching: Theoretical and Methodological Issues. Beograd, 1996.

12. Volkova A.A. *Yazykovaya reprezentatsiya taktik, realizuyushchih komunikativnyuyu strategiyu obespecheniya ponimaniya teksta s inoyazychnymi vkrapleniyami* [Language Representation of Tactics with Communicative Strategy to Provide Understanding of the Text with Foreign Words]. VGU Messenger. Ser. Linguistics and Intercultural Communication. 2010. Vol. 2. pp. 155-158.

13. Vorob'eva Ju. S. *Interlingval'nost' kak mekhanizm formirovaniya skrytyh smyslov (na materiale angloyazychnyh tekstov)* [Interlinguality as a Mechanism of Hidden Meanings (based on English texts)]. Abstract of PhD Thesis. St. Petersburg. 2007. 20 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

ЯМЧИНСКАЯ

Тамара Ивановна

кандидат филологических наук,
доцент

Винницкий государственный
педагогический университет
имени Михаила Коцюбинского
20100 Украина, Винница,
ул. Острожского, 32,
Украина

E-mail: tamyam555@yahoo.com

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Tamara I. Yamchynskaya

PhD in Philology, Associate Professor

Vinnitsa State Mikhail Kotsyubinskiy
Pedagogical University
32, Ostrozhskogo St., Vinnitsa, 21100,
Ukraine

E-mail: tamyam555@yahoo.com

Tamara V. Khvesko

UNIVERSAL AND ETHNIC FEATURES OF INDO-EUROPEAN ONYMS

Abstract

The author conducts a comparative analysis of British, Russian and American onyms from the point of view of the theory of language structuring levels concerning concepts of linguistic cognitive speaker creativity. The article covers trends in the development of onyms system, the correlation of onyms (place names, personal names, nicknames) and appellatives, universal and ethnic features of Indo-European onyms. The toponyms demonstrate not only perception of reality and what-you-see or what you-feel, but help the speaker to create desired virtual names. Specific features of onyms are considered in complex with mental cognition and cultural impact.

Key words: onym, apellative, ethnic, universal, culture, place names, nicknames, Personal names.

INTRODUCTION

Onomastics is a science about any kinds of onyms: place names, personal names, nicknames etc., its features, functions and development. Linguistic aspect of onomastics includes historical, geographical, ethno-cultural and sociological problems, which help to reveal universal and specific features of onyms. It allows to consider onomastics an applied auton-

omous discipline, which observes the aspects of cultural heritage of society, particularly manifested in the names.

The aim of the article is to show universal and ethno-specific features of native and borrowed onyms in Slovenic and Germanic languages. Onyms response to the sociological changes is immediate so they can serve as chronological units. Due to the onyms conservatism they save ancient elements of the language being an informational source, interpretation of which may be realized by linguistic methods. All the variety of things, real or man-made, is the primary basis of appellatives (summarising analogous facts) and onyms (identifying definite objects among the others). Place names, their functioning, meaning and origin, structure and the area of distribution, historical development and changes in diachrony are described in the works of J.M. Cassagne, M. Korsak [1, 2]. The correlation of appellative/onym (toponym, personal name and nickname) in various kinds of communication causes understanding that globalization is the basis of the universal names appearance. The traditions of names giving are specific for each culture, e.g. the system of (sur)names in England appeared in the XI century and is closely connected with the history of the country: personal names and nicknames, place of birth and living, lands owning, family relations and labour [3]. Special attention is

paid to the process of creativeness of onyms forming, which causes not only the image of nicknames but the expression of communicator self-realization as well [4]. Artificial nomination (nicknames) is an important factor of intercultural communication. Globalisation presents a unique opportunity for the productive antroponymic system forming. Internet communication effects not only perception of reality but helps to create desired virtuality names. Individual creative features of names giving is considered in complex with mental cognition and cultural effect [5, 6, 7, 8, 9]. Specific features of network

discourse (anonymity, distance, immediate, minimum of charge for actions, non-verbal means of communication) cause the speaker create virtual language names, different from real ones.

Intercorrelation of languages in the conditions of ethnic contacts initiates territorial universal formations, which participate in onomastic word compositions. Much attention is paid to singling out the universal and dialect features of onyms. Scientists try to reconstruct archaic forms of appellatives of Indo-European languages [10, 11, 12].

Table 1

Indo-European roots in modern British Place names

№	Indo-European roots	Graphical variants	British place names
1	Aber	-ber -bar	Aberford, Berwick, Barmouth
2	Abh	-awn -own -aub -alm	Awn, Owenweg, Aubwee, Almond
3	Avon	-eva -ive -anne -inney	Avonmore, Evan, Ive, Anne, Inney
4	All	-aul -ell -lu	Moyallan, Derraulin, Alan, Ellen, Lune
5	Ald	-alt -allt	Alltan, Garvald, Altaggart, Burn, Old Walter of Cluden
6	Ar	-arw -air	Aire, Arre, Arrow
7	Ard		Auchter, Ardmore, Ardrossan
8	Beann	-berg -bar -borough	Bengore, Bannagh, Ben Nevis, Berwyn, Barglass, Ingleborough
9	Beh	-belth -bedw	Behagh, Kilbaha, Dalbeattie, Penbeddw
10	Bel	-bell -ball	Belfast, Belleek, Ballyshannon, Belcoo
11	Borg	-bury -brough -barrow	Conisbrough, Glastonbury, Kingsbury, Irthlingborough
12	Boil	-bottle -battle -boot	Newbottle, Newbattle, Bootle
13	Brugh	-bru -bry brough	Bruree, Bruce, Bryan, Bruff, Brough

14	Bryn	-birn -brain	Brandon, Brinton, Birnwood
15	By	-byr -here -bear	Aylesbere, Beer Alston, Beardon, Bearhaven, Whitby, Duncansbay
16	Burn	-bru -bro	Bruton, Brockworth, Broxbourne, Kilburn
17	Caer	-car -cath	Caernarvon, Carlile, Carstairs, Carn, Carnedd, Carnlea, Carron, Cairntoul, Careg (cerrig), Carrigafoyle, Craigavad
18	Caol	-kyle -killy	Caolisport, Killisport, Kyles of Bute
19	Ceann	-can -ken	Cannafahy, Kanturk, Kinsale, Kenbane, Kenmare, Kintyre, Kent, Kencot
20	Cluain	-clon -clin	Clinycracken, Clane, Cloncaird, Clunes, Clonmel
21	Glen	-glan -glin -glean	Glenamaddy, Glandine, Glin
22	Col	-com -cum -clon	Colne, Lincoln, Cloncorick, Compton, Cummeen
23	Craebh	-creev -crev	Derrycreevy, Crevagh, Auchencruive, Comcravie
24	Crols	-croch -croes	Crossby, Crouch End, Crossmaglen
25	Dair	-dar -der -dern -dir	Daar, Derinish, Adare, Darrach, Edendarrock, Deer, Londonderry, Dernagree, Dirrie More, Derry
26	Deas	-ass -des -dis	Ratass, Deskart, Diskir
27	Dol	-dale -dal	Deloraine, Kendal, Arundel
28	Dubh	-duf -dool -dow -dul	Carrickduff, Doolough, Douglas, Deelish, Clashnamonadee, Dulas, Dowlas, Diggles
29	Dun	-don	Shandon, Dundrum, London, Dunstable
30	Eadar	-adder -edder -mead -main	Craigadder, Edenagh, Dunadry, Eddrachillis Edderton, Meadhon, Inishmaan, Kilmaine
31	Es Eas	-esk -usk -exe -axe -ass -sa -as -esso	Thames, Ash, Ouse, Wach, Ease Doonass, Ballysadare, Askeaton, Feteresso, Easdale
32	Ey	-ay -y	Lambay, Dalkey, Ireland's Eye, Lundy, Walney
33	Field	-fjeld -fell	Dryfield, Scafell, Fallowfield, Huddersfield
34	Fiord	-ford	Wexford, Carlingford, Oxford
35	Garn	-gart -gaard -garry	Garryowen, Ballingarry, Garran, Garranamahagh, Ballygarrane
36	Glas(s)		Glaslough, Kilmaglush, Glashaboy, Douglas, Glasnevin
37	Grian	-green	Grianan, Greenane, Clogrennan, Greenoge

38	Ham	-am -ym -ome	Hampstead, Hampton
39	Kil	- kirk	Kildare, kilmeny, St. Kilda
40	Lann	- lion -lam	Lampeter, Lamlash
41	Mark	-merk -mar	Marbury, Merkbury, March, Marchmont
42	Muir	-mur -mor -mare -more	Connemara, Kenmare, Murree, Glamorgan, Morecambe, Murvagh, Murrey, Kulmurvey

Universals are observed in Germanic languages: place/palace, poll/pool, scoll/school, strath/street, tri/three, thorpe/trop. The most popular components are still used in modern languages [13]. Their analysis allows to find out **adstrate** formants, close in meaning to modern English elements; **substrate** formants, which have no correlation in modern English, but are widely used in Germanic languages; **superstrate** formants, ancient borrowings, having correlations in Indo-European languages saved in old Slovenic languages [14, 15].

So the study of onomastics of any region includes ethno-geographical, historical and cultural, as well as linguistic aspects. Toponymic universals studies have become important in recent years concerning cognitive approach to the research of the linguistic units, which allows to show the speaker's individuality manifested in the morphological process of hybridization in the Russian language.

METHODS

Place-name is a universal phenomenon in Indo-European languages. Linguistic creativeness as a manifestation of the speaker's individuality is observed in hybrid formings. Creative features of toponyms appear at definite levels of lin-

guistic analysis: morphonological, lexical, semantic and structural. Here we try to show the morphological processes which take place in the original and borrowed Russian and British topographical onyms in diachrony [16, 17].

The following morphological processes take place in British place-names: **hybridization**, e.g.: *Silverstone* ← *Sewulf's* + *ton*; *Yelverton* ← *Ella's* + *ford* + *ton*; *Glamorgan* ← *glan* + *more* + *geni*; *Godmanchester* ← *Lat.Godmund* + *cestre*; **reduction**: *Fotheringhay* ← *forth* + *here* + *ing* + *eg*; *Grantchester* ← *Grant* + *set*; *GlenAffric* ← **glen** + **a** + **the** + **break**; **doublication**: *Torpenhow Hill* ← *tor* + *pen* + *how* + *Hill*; **adaptation**: *Conisbrough*; *Glastonbury*; *Gold's* + *pie* (*E*) ← *by* (*ON*). Such modifications as *stone* → *ton*, *borough* → *burg*, *chester* → *set* cause the loss of primary meaning and appearance of naive folk interpretation of the new form, e.g. *Brownsea Island* → *Brunkeseye*, where the final component *E eye* ← *OE ieg*. Folk interpretation of *Brownsee* is considered: *brown* + *sea*.

The following morphological processes take place in Russian place names: **reduction**: *Semivragi*, *Prechistenka*, *Sukhodol*, *Sivtsev Vrajek*, *Kholmogory*, *Kitai-gorod*, *Spas-zaulki*, *Zamoskvorechie*, *Novgorod*; **adaptation**: *Pinega*, *Oneга*,

Ladoga, Vetluga, Sviyaga, Volga, Vichегда, Vologda, Nerekhta; **rotation**: final component *ga/da* (means water) is observed in the North while in the centre of Russia *va/ma*: *Neva, Sosva, Narva, Proshva, Kama, Chukhloma, Kostroma, Bogulma, Yakhloma*; **hybridization**: *Belozero, Churozero, Ustozero, Orenburg, Omsk, Tomsk*.

The typological investigations of the languages show that morphological and lexical dynamics is characteristic for Russian onyms while structural changes prevail in English onyms. Semantic transformations (conversions) are observed in the system of onyms as well, where secondary nomination units are the products of cognitive dynamics.

Universal features of British place names

Though the systematic description of place names in Germanic written sources appeared 600 years earlier than in Slovenic, there are common features in both languages [18]. Comparative analysis of Indo-European roots shows that changes in toponymic units are mainly caused by the morphological dynamics. Many old place names have undergone some degree of reduction in the long period since they were first coined. Place-names form very large and diverse groups of onyms, representing description of some topographical objects either natural or man-made, which were later transferred to the settlement, probably at a very early date, e.g. *Bourton-in-the-Water; Bourton-upon-Trent; Bourton-in-the-Hill; Black Bourton; Burton Constable; Clayton-le Moors; Clayton-le-Dale; Clayton-le-Wools*; object quality: *Bradwell-on-Sea, Belcoo; Cromarty; Hugh Town; Kyle of Lochalsh; Langholm; Huntington; Leeds*

Castle; Gidea Park; Chidwell; historical occasions: *Brentwood (burnt wood); Fotheringhay (forth + here + ing + hay); Barnstaple, Dunstaple (staple); Brittas Bay (briotas); Beaconsfield, Dunkery Beacon, Brecon Beacons*.

The names for rivers and streams, springs and lakes, fords and roads, marshes and moots, hills and valleys, woods and clearings, and various other landscape features are also the names of inhabited places: *Sherborne, Fulbrook, Bakewell, Tranmere, Oxford, Breamore, Stodmarsh, Swindon, Goodwood, Bromsgrove, Bexley, and Hatfield* – all have second elements that denote topographical features.

The glossaries provide a selection of meanings found for some of these topographical elements and give an idea of the great range and variety of this vocabulary. From the structural point of view, most English place-names are compounds, that is they consist of two elements, the first of which usually qualifies the second. The first element in such compounds may be a noun, an adjective, a river-name, a personal name, or a tribal name. Typical examples of compound place-names formed during the Old English period are: *Daventry, Coventry, Oswestry (Dafa's tree, Cofa's tree), dar/der: Derwent, Daren't, Dart, Darly, Darvel (celtic: deruenta → dar/der); beith (Gaelic: beither → E birch): Dalbeattie; ash: Knotty Ash, Bramhall, Bramton, Bromley, Bromsgrove, Bromyard; Juniper Green, Creydon, Beeston, Farnham, Glastonbury*.

However some place names consist of one element only, at least to begin with: examples include names like *Combe ('the valley'), Hale, Lea, Stoke, Stowe, Thorpe, Worth, and Wyke*. Less common are the

names consisting of three elements such as *Claverton* (burdock ford farmstead), *Redmarley*, *Woodmansterne*, and *Wotherton*; in most of these the third element has probably been added later to an already existing compound.

Ethno-cultural features of American and British Place names

The sociological function of onym as a cognitive presentation of reality is observed in place names which reveal some general classes: those embodying personal names, chiefly the surnames of pioneers or national heroes; those transferred from other and older places, either in the eastern states or in Europe; Indian, Dutch, Spanish, French, German and Scandinavian names; Biblical and mythological names; names descriptive of localities; and names suggested by the local flora, fauna or geology [19]. The names of the first class are perhaps the most numerous. Some consist of surnames standing alone, as *Washington*, *Cleveland*, *Bismarck*, *Lafayette*, *Taylor* and *Randolph*; others are contrived of given names, either alone or in combination, as *Louisville*, *St. Paul*, *Elizabeth*, *Johnstown*, *Charlotte*, *Williamsburg* and *Marysville*. The number of towns in the United States bearing women's given names is enormous. Most of these places are small, but there is an *Elizabeth* with 75,000 population, an *Elmira* with 40,000, and an *Augusta* with nearly 45,000. Some place names are very matter-of-fact about natural surroundings: *Twin Lakes* (in six states), *Three Lakes* (in two states) and even *Mosquito Lake* (just in Alaska). *Dinosaur*, *Colorado* also falls into this what-you-see-is-what-you-get category. Sometimes American place names draw on natural features that are not merely seen with the eyes, but are also

perceived by the nose and the tongue. Maybe the well water tasted like diluted candy (*Sweetwater*). Maybe something in the air smelled like rotten eggs (*White Suphur Springs*) [20].

It is interesting to note that Americans have named many towns after tastes they prefer in their diets. Americans are obviously inspired by sugar and salt, but have little regard for spiciness. There is only one Spiceland in Indiana. Salt tops sugar in popularity, especially if you count towns named Saline or Salineville (six of them) or Salinas (just one in California.) Cities that were named after people also tend to be unimaginatively named. There should have been a limit on the number *Smithfields* and *Smithlands* allowed. There are numerous cities with names that advertise their supposed wealth in coal, lumber, wheat, corn, raisins and prunes, e.g. towns named *Enterprise* and the much rarer towns named *Success*. There are plenty of place names that seem eager to flaunt wealth and status.

The comparative analysis of place names in the UK and USA shows the features of linguistic creativeness of its forms. In the UK there are kinds of place names composition, one of the most frequent being the use of the medial connective particle -ing in *Paddington*, probably best explained as estate associated with a man called *Padda* [5]. Some compound place-names in the western parts of England (especially in *Cornwall*, *Wales*, and *Cumbria*) have a different formation. They are so-called name-phrases in which the usual order of elements is reversed following Celtic practice: *Aspatiria* ('*Patricks ash-tree*'), *Bewaldeth*, *Brigsteer*, *Landulph*, and *Tremaine*. The names with this characteristic Celtic word-order are also pre-

dominant throughout Ireland, Wales and much of Scotland [21].

The meanings of topographical terms can vary a good deal from name to name, for some elements used over a long period in the formation of English place-names underwent considerable changes of meaning during medieval times: Old English *feld* originally 'open land' developed a later sense 'enclosed plot', Old English *wald* 'forest' came to mean 'open upland', and Old English *leah* 'wood' became 'woodland clearing' and then 'meadow', Godmaer's → Gomers, Grimesthorpe, Grimston [13].

The choice of the most likely meaning for one of these elements in an individual name is therefore a matter of judgement, based among other things on locality, the nature of the compound, and assumptions about the age of the name. Moreover recent research has increasingly shown that what seem to be similar terms for hills or valleys, woodland or marshland, or agricultural land had fine distinctions of meaning in early times. Different Old English terms for 'hill' like *dun*, *hyll*, *hrycg*, *hoh*, *heafod*, and *ofer* are far from being synonymous, seem to have had their own specialized meanings. In addition these and other common topographical elements like *eg* (island), *ham* (enclosure), and *halh* (nook) were each capable of a wide range of extended meanings according to date, region, and the character of the landscape itself [21].

CONCLUSION

The correlation of place names, personal names and nicknames is observed in various kinds of communication. The tradition of names giving is specific for each culture. The system of (sur)names in England appeared in the XI century and is closely connected with the history

of the country: personal names and nicknames, place of birth and living, lands owning, family relations and labour. Cognitive mechanisms determine the form of the names. The process of creativeness of onyms forming causes not only the image of the name but expresses the communicator self-realization as well.

The comparative analysis of British, Russian and American onyms made with the help of the theory of language structuring levels concerning concepts of linguistic cognitive speech creativity is important. Onyms (names, place names, nicknames) play an important role in the process of communication. Globalisation presents a unique opportunity for universal features of onyms appearance. Currently new trends of onyms system development are observed with the expansion of the Internet communication. The names show not only perception of reality and what-you-see or what-you-feel, but help to create desired virtual names. Comparative analysis of Russian and British onyms from the structural point of view shows linguistic creativeness of speech patterns. Specific features of onyms are considered in complex with mental cognition and cultural effect. Ethno-cultural features of onyms are manifested in such morphological processes as reduction, duplication, hybridization and adaptation.

References:

1. Cassagne J., Korsak Le noms de lieux du Tarn. Editions sud Quest. M., 2008. pp. 300-319.
2. Cresswell J. Dictionary of First Names. Edinburgh: Chambers Harrap Publishers. 2009. pp. 418-468.
3. Mencken H.L. The American Language. Bibliography. Surnames and Given Names. N. Y., 1921. pp. 1156-1180.

4. Delahunty A. Oxford Dictionary of Nicknames. Oxford University Press. 2006. pp. 223-229.

5. Dorward D. Scotland's Place-Names. Glasgow: Bell and Bain Ltd., 2001. pp. 127-160.

6. Iriskhanova O. K. Lingvocreative Basis of Theoretic Nominalization: PhD thesis. Moscow, 2004. pp. 270-277.

7. Vvedenskaya L. A., Kolesnikov N. P. Etymology: Work-book. Saint Petersburg: Peter, 2004. pp. 94-103.

8. Kubryakova E.S. About the Cognitive Science Basis and Actual Problems of Cognitive Linguistics. Izvestiya. Academy of Sciences. Literature and Language. V. 63/3, 2004. pp. 3-12.

9. Fauconnier G. Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics, Foundations, Scope and Methodology. Berlin - N.Y., 1999. pp. 95-124.

10. Frolov N.K. Ethnic Names Avtochtons of Tyumen Oblast Area in Language Cognition. Literature and Culture in Recent Human Knowledge. Tyumen: Tyumen State University, 2005. pp. 243-270.

11. Pospelov E. M. Russian Place Names. Moscow: Astrel, 2008. pp. 140-303.

12. Mills D. Dictionary of London Place Names. Oxford University Press, 2004. pp. 17-54.

13. Mills D. Oxford Dictionary of British Place Names. Oxford University Press, 2003. pp. 427-513.

14. Golomidova M.V. Artificial Nomination in Toponyms: abstract of PhD Thesis. Sverdlovsk, 1987. pp. 7-20.

15. Mullonen I.I. Toponyms of Prisivrya (The Problems of Ethno-linguistical Contacts): PhD Thesis. Petrozavodsk, 2000. pp. 8-17.

16. Murzaev E.M. Toponyms and Geography. Russian Academy of Sciences,

Institute of Geography. Moscow: Nauka, 1995. pp. 32-47.

17. Oforidaev N. Linguistic Research of Oikonyms of Gorniy Badakhshan: abstract of PhD thesis. Dushanbe, 2002. pp. 11-27.

18. Khvesko T.V. Common Features of Russian and British Place Names. International Journal of Experimental Education, issue 12, 2013. pp. 76-77.

19. Khvesko T.V. Socionym as a Cognitive Presentation of Reality. European Academy of Natural History Journal, issue 5, 2012. pp. 66-67.

20. Lakoff G. Embodied Mind, Embodied Philosophy. University of Glasgo, 2001. pp. 12-17.

21. Hanks P., Hodges F., Mills A.D., Room A. The Oxford Names Companion: The Definite Guide to Surnames, Names and Place Names of the British Isles. Oxford University Press. 2002. pp. 898-904.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

ХВЕСЬКО

Тамара Владимировна

доктор филологических наук, профессор

Тюменский Государственный

Университет

625003 Россия, Тюмень,

ул. Ленина, 16, Россия

E-mail: khvesko@inbox.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Tamara V. Khvesko

PhD in Philology, Professor

Tyumen State University

10 Lenin St., Tyumen, 625003, Russia

E-mail: khvesko@inbox.ru

Larisa Ya. Kozlova

VALUE OF "MENTALITY" AND "MENTAL" CONCEPTS IN RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH¹

Abstract

The article dwells on the cognitive-national sphere which is the subject of attention of researchers nowadays. One of the concepts that are difficult to detect, includes the concept of mentality, because it is not structured and is a kind of predisposition, the inner person's willingness to act in a certain way.

The origin and formation of the concepts "mentality" and "mental" in Russian and foreign humanities are considered in this article. With this purpose vocabulary definitions on the material of Russian, English and French dictionaries and the researchers' points of view in the given languages are analyzed, and an attempt is made to identify common and different features inherent in these concepts. The method used is a conceptual analysis. In addition, we aim to identify what the correlation of "mentality" and "world view", "mentality" and "national character" concepts are.

The volume of concepts "mentality" and "mental" considered in this article on the material of dictionary definitions and various Russian and foreign scientists' points of view, is different in Russian, English and French.

In the Russian language, in general, they talk about the mentality of a group

of people or whole nations, whereas the French can talk about the mentality of one person, and, to mean by mentality a moral behaviour of an individual. In English, the concept "mentality" has a volume greater than in the other two languages. In English mentality, in contrast to the Russian concept, can have a negative evaluation (e.g. *I can't understand the mentality of these people*). By mentality can be understood a degree of intelligence (low, medium, high) and characteristics of the mind (e.g., bourgeois mentality).

The Russian "mental" is basically identical with the French "mental" (belonging to the mental activity that uses intellectual ability). However, the French adjective has a different value than the Russian one, that is, "pertaining to mental activity in regard to the health and perhaps its pathological aspects". In English, the concept "mental" has the meanings: 1) relating to the total emotional and intellectual response to the human world around us; 2) referring to the intellectual rather than emotional activity; 3) related to mental disorders; 4) intended for the care or for the treatment of patients with mental disorders, which are absent in the corresponding Russian concept.

In modern humanities the concept "world view" gradually recedes into the background and is replaced by the con-

cept "mentality". National mentality implies stereotypes of consciousness, while the national character means psychological patterns of behaviour of people.

The data of this small study demonstrate the need for the further research of the concepts "mentality" and "mental" and their representation in languages in order to identify the features of the national consciousness of different peoples.

Key words: mentality; mental; national character; world view; concept.

At the present stage of development of the humanities the cognitive-national sphere is the subject of attention of many researchers. One of the concepts that are difficult to detect, includes the concept of mentality. "Mentality" is "deeper thinking, standards of conduct, a scope of the senses. It is not structured and is a kind of predisposition, the inner person's willingness to act in a certain way..." [9; p. 29]. (All the translations are made here by the author of this article).

It is supposed to consider in this article the origin and formation of the concepts "mentality" and "mental" in domestic (Russian) and foreign humanities, to analyse vocabulary definitions on the material of Russian, English and French dictionaries and researchers' points of view in the given languages, and to identify common and different features inherent in this concept. The method used is a conceptual analysis. In addition, we aim to identify what the correlation of "mentality" and "world view", "mentality" and "national character" concepts are.

The concept "mentality" appeared in a scientific linguistics language in Russia in the 80-90-ies of the 20th century. The word "mentality" is derived from

the Latin «mens - mind, thinking, inner properties of soul» [<http://iph.ras.ru>]. In the Russian language, it is a copy of the French word *mentalité*. In English-language dictionaries it is indicated that "mentality" term was first used in the 17th century (1691), and the term *mental* - earlier, in the 15th century [<http://www.merriam-webster.com>].

Let us trace the chronology of the appearance of the concept "mentality" in the humanities. An important milestone in the history of concepts of mentality is a steel work of the French historian Jean Lefevre, who introduced the term "collective mentality" [10]. J. Lefevre examined the phenomenon of mass panic that seized many French villages peasants about the impending danger from gangs of robbers in the summer 1789. The historian found it necessary to examine an in-depth approach to the analysis of mass psychology. J. Lefevre believed that such behaviour of a group of people, especially in the time of a crisis, can not be explained without taking into account the structure of the collective mentality. Investigating the behaviour of the "revolutionary crowds", Lefevre showed that beyond the usual ideological - political "event" story hides its deep source, which is intertwined with psychological and social aspects: a collective mentality dynamics which is subordinated to special laws. For Lefevre, collective and individual mentality are biologically caused constants.

As noted in the encyclopedia "Twentieth Century Culturology", the idea of collective mentality originated from Alexis de Tocqueville in his book "Democracy in America" (1835). Exploring the social consciousness of America, Tocqueville tried to find the

root causes of prejudices, habits and preferences prevalent in a given society, which make up a national character. Tocqueville argued that all residents of the United States have similar principles of thinking and manage their mental activity in accordance with the same rules.

The term "mentality" is found in R. Emerson (1856), however, as the researchers note, the concept of mentality got its productive and multifaceted development in francophone humanities. M. Proust, noting the novelty of the term "mentality", introduces him as a worthy of attention neologism to your vocabulary, penetrating to hitherto unknown space of a psycho-spiritual life.

We believe that one should especially focus on the concept of Lévy-Bruhl, who started from the ideas of the founder of the sociological trend in ethnological science Emile Durkheim. L. Levy-Bruhl used in his studies one of the basic concepts of Durkheim's "collective representation". According to L. Levy-Bruhl, collective representations are passed from generation to generation, and "impose themselves on personality, i.e. they are not the product for the reasoning but faith [4; 20] ". In 1922, L. Levy-Bruhl in the study "Primitive thinking" ("La mentalite primitive") sought to identify differences between individual performances and collective representations of primitive peoples. The scholar distinguishes pralogical and logical types of mentality. In the first case mentality refers to the thinking of primitive peoples, in the second – to the rational mind of modern mankind.

Humanities of the 20-s developed the unique idea of mentality. Fixing a stable mood of the inner person's world, uniting him/her in social groups and historical

communities, mentality serves as a means of analysis and explanation in humanities, especially in the extent in which dynamic historical dimension is inherent to its subject. Therefore, the representation of the mentality was mainly developed in historical anthropology and the "new science of history", the foundations of which were laid in the 1930s. French scientists grouped around the journal "Annals ".

The works of a new generation of historic school of "Annals", such as J. Le Goff, R. Mandry, G. Duby and others, as well as researches of historians of culture, science and art (J. Huizinga, J.-P. Vernant, P. Frankastel, E. Panofsky, etc.) serve as samples of disclosure and recreation of mentality of different eras and social strata.

In the manifesto of the school of "New Annals" (1946) Fevr emphasizes that mental habits and perception attitudes and emotional life skills are inherited from the past generations of people without their clear understanding. Mentality is thought by Fevr not as a biologically rooted constant behaviour, but as a historically folding structure, defining the thoughts, feelings and behaviour of people, their values and "gestures". In historical reconstructions mentality was found primarily as a cause of "lag" or "resistance" changes in the socio-political and ideological spheres (inertia mentality). Thus, according to Fevr, mental structures simultaneously serve as a producing base and an obstacle to the movement of history, so it gets its own unique character, at the reconstruction of which history should primarily aim.

Structuralism, rejecting the concept of "pre-logical" primitive mentality of

Levy-Bruhl, contributed to the further development and deepening of these concepts and research, introducing the semiotic approach and extending to the entire culture of linguistic models. However, to the extent that structuralism goes into post-structuralism, the notion of the mentality changes. This is clearly seen, for example, in M. Foucault's works, who advanced the concept of "episteme", which can be interpreted as a projection of the structure of intellectual mentality of the corresponding era and its culture.

Let us consider some of the existing definitions of "mentality".

"Mentality — a particular way of thinking— usually singular". [<http://www.learnersdictionary.com>]

"Mentality – 1: mental power or capacity: INTELLIGENCE 2: mode or way of thought: OUTLOOK (the imperialist *mentality* of the nineteenth century — John Davies). Examples of M. *Most teenagers do not have the mentality to foresee the consequences of such risky behavior*". [<http://www.merriam-webster.com>]

"Mentality – 1. mental capacity or endowment 2. the set of one's mind, view, outlook". [<http://dictionary.reference.com>]

"Mentality – noun (*plural mentalities*) 1. often *derogatory* the characteristic way of thinking of a person or group: *I had inherited not only my father's blood but his bourgeois mentality as well*. 2. [*mass noun*] dated the capacity for intelligent thought: *machines can possess mentality*" [<http://oxforddictionaries.com>].

"Mentality – (Latin "mens", mind) – the thinking person's ability» [<http://www.onlinededics.ru>].

"Mentality - thinking, general spiritual mood of a person, group» [<http://www.onlinededics.ru>].

"Mentality - stable disposition of the inner world of people rallying in their social and historical community; totality of conscious and unconscious attitudes and predispositions of individuals, social groups to a particular type of values, thinking and action » [<http://www.onlinededics.ru>].

"Mentality – (from Lat. mens –consciousness, mind) - a way of thinking, the overall mood of a spiritual man group. M. is broader yet less clear concept than a style of thinking that characterizes only intellectual predisposition to certain mental actions" [<http://www.onlinededics.ru>].

"Mentality (from Lat. Mens, mentis, "mind, intellect") – a concept (e.g. English mind), not having an accurate counterpart in the Russian language. Mentality is opposed to "matter" or, in a more modern contexts, "brain", the ratio between the "brain" and "mentality" is figuratively compared with the relationship between hardware and software, that is brain is understood as a neurophysiological (material) substrate of mentality, whereas "mentality" - is understood as functionality characteristic of this substrate» [<http://ru.wikipedia.org>].

It is noted that mentality is formed in the process of education and gaining experience. Individuals, who have received training in different cultural environments, are distinguished by their mentality.

In the historical and philosophical contexts in the Russian discourse "matter" is opposed to "spirit." In actual psychological contexts "brain" is opposed to "consciousness." This, however, leads to a conflict of values, because consciousness is a part of mentality along with the unconscious.

In the traditional sense "mentality" is synonymous with "mentalitet" (a Russian word transliterated into English – from German Mentalität) and means (usually in sociological contexts) this or that mindset, that is stable, intellectual and emotional features inherent in a particular individual, usually as a representative of some social group. Mentality is such a way of seeing the world in which a thought is not separated from emotions.

Now we are turning to some definitions of "mentality" and "mental" in Russian, French and English dictionaries.

«**Mentalité** (French) –

A. - Ensemble des manières habituelles de penser et de croire et des dispositions psychiques et morales caractéristiques d'une collectivité et communes à chacun de ses membres. *Mentalité d'un milieu, d'une époque; mentalité archaïque*

("Mentality – Set of habitual ways of thinking and believing and mental and moral dispositions of community characteristics common to each of its members. *Mentality of a middle of an era; archaic mentality*).

B. – État d'esprit permanent inhérent à un individu. Synon. *psychologie. Mentalité de spectateur, de commerçant*. (A permanent state of spirit inherent in an individual. Synon. *psychology. Mentality of a viewer, a merchant*.)

C. – Fam. Comportement moral. Synon. *moralité. Une mentalité détestable; quelle mentalité! Arg. Loyauté, conformité aux règles du milieu*. (Moral behaviour. Synon. *morality. A hateful mentality. What mentality! Argo. Loyalty, compliance with the rules of the environment*) [<http://www.onlinededics.ru>].

"Mentality - attitude, mindset. M. of Russian people" [<http://slovarozhegova.ru>].

Mentality - a mindset (from French *mentalité*) or socio-psychological attitudes, ways of perceiving, feeling and thinking styles. As stated by M.I. Rozhansky, the notion of *mentalité* was confirmed in the intellectual life of the West as an amendment to 20 century Enlightenment to the identification of consciousness with the mind. *Mentalité* means something in common, underlying the conscious and the unconscious, logical and emotional, that very deep and so hardly lockable source of thinking, ideology and beliefs, feelings and emotions. Mentality is associated with the very foundations of social life and at the same time has its own peculiar history.

"Mental (psychic) - pertaining to the mind in its functional aspect (perception, imagination, memory, feeling, desire, etc.) or in its substantive aspects (sensory data, images and other content present in the mind" [<http://ru.wikipedia.org>].

"Mental (bookish). Referring to the mind, mental activity. *Mental abilities*" [<http://slovarozhegova.ru>].

"Mental, -ale, -aux (French) - mental.

A. - Qui appartient au mécanisme de l'esprit; qui fait appel aux facultés intellectuelles. Calcul, effort, niveau, test, travail mental; activité, construction, organisation, structure, synthèse mentale; facultés, fonctions mentales. (Belonging to mental activity, using intelligence. *Thoughtful calculation, stress, mental level, test, activities, design, organization, structure, synthesis, mental abilities, functions*).

PSYCHOL. Âge mental. Degré de développement intellectuel attribué à un individu, généralement à un enfant, en fonction des résultats de tests auxquels il est soumis:

♦ *Par dérision. Vous avez 10 ans d'âge mental! Vous avez un comportement d'enfant.* (Psihol. mental age. Level of intellectual development, attributed to an individual, usually a child, depending on the tests carried out by him/her. *Ridicule. You mental development is at 10 years old. You are behaving like a child*).

♦ *Restriction mentale.* En casuistique, subterfuge qui permet de tromper sans mentir en ne dévoilant pas expressément sa pensée: (Mental reservation - In casuistry it is a trick allowing not to deceive, not by lying but by covering one's thoughts). Ensemble des facultés psychiques. (Totality of psychic abilities).

B. - Qui a rapport à l'esprit en ce qui concerne sa santé et éventuellement son aspect pathologique. Aliénation, arriération, confusion, cruauté, débilité, déchéance, désordre, hygiène, maladie, pathologie, trouble mental (e). (Pertaining to the mental activity that concerns health and possibly its pathological aspects. *Mental - deviation, lag, confusion, cruelty, debility, mental decline, disorder, hygiene, disease, pathology, disorder*) [<http://www.onlinedics.ru>].

Referring to the issue of relations between concepts "mentality" and "national character" the following should be said.

As noted by G.G. Stefanenko, the concept of "national character" was used in the literature of travel for the purpose of expressing people's lifestyle. The whole history of the study of national character indicates that the exclusive selection of specific cultural traits is not the best, because "unique are not the features and not their sum, but the structure of the mental world of representatives of a people in a complex way determined by the culture and the experience of their his-

torical development" [7; p. 136]. For this reason, replacing the notion of "national character" comes the concept of "mentality". A sufficiently clear definition of mentality was proposed by J. Duby: "a system of images, ideas that in different groups or strata, constituting a social formation, are combined in different ways, but it always underlies human conceptions of the world and their place in this world, and hence, defines the actions and behaviour of the people" [3; p. 35]. G.G. Stefanenko believes that for the study of social and cultural peculiarities of the peoples mentality rather than a national character is the most appropriate category.

I.A. Sternin considers, that the concept of "mentality" has now become commonplace, but it still can not be considered well-defined [6; p. 24-26]. The concept of "mentality" as used in the description of this sphere, is crossed and mixed primarily with concepts such as national psychology and national character. The scientist separates the concepts "mentality" and "national character".

According to I.A. Sternin and his school, mentality is a concept that characterizes not only the nation as a whole, but also different social groups of people. In connection with this, mentality is defined by them as "a particular way of perceiving and understanding the reality, defined by a set of cognitive stereotypes of consciousness characteristic of a particular group of people" [6; p. 24-26]. Group mentality is a particular perception of reality by certain social, age, professional, gender groups of people. Mentality is associated with installing individual mechanisms of apperception.

I.A. Sternin gives various examples of group mentality:

- losing team players tend to attribute the defeat to the influence of objective factors (poor field, biased refereeing, etc.);

- observers of the game tend to explain the defeat by subjective factors (the players did not show their will or did not try hard, did not have enough speed, etc.);

- winners' success is usually credited to one's own efforts and defeat – to the influence of circumstances. "Victory has a lot of fathers, defeat is always an orphan";

- there is a children's, men's and women's "logic", etc.;

- there is a mentality of certain psychological types of people - for example, the mentality of optimists and pessimists: the first says "there is still half a bottle left," a pessimist says "there is no half a bottle already".

We can say that mentality is "automatic" in nature, it operates with little or no control of consciousness, and so in many cases is "biased". It is noted that if a person wants to be objective, s/he must consciously overcome the "guidance" of their mentality, their attitudes, their apperception.

There is a national mentality - the national way of perceiving and understanding reality defined by a set of cognitive stereotypes of a nation. For example, an American seeing a rich man thinks, "rich means smart," a Russian, in this case usually thinks "rich means a thief". The term "new" is perceived by an American as the "best", a Russian considers "new" to be "unchecked".

Thus, a national mentality is a national way of perceiving and understanding reality based on those present in the national consciousness stereotypes, ready thoughts, schemes, explanations of phenomena and events, mechanisms of

causal attribution. These are stereotypes of *consciousness*. As I.A. Sternin understands it, a national character means psychological patterns of *behaviour* of the people. Social, physical and communicative behaviour are defined by the mentality and national character, but mentality undoubtedly plays a key role [Sternin 2003; 23-25].

Let us now try to identify whether there is any relationship between the concepts of "mentality" and "world view". As for the opinions of V.S. Jidkov and K.B. Sokolov, mentality is not philosophical, scientific and aesthetic systems, it is not the same as ideology, as mentality remains mostly rationally undetected. It is on that level of consciousness where thoughts are not separated from emotions, subconscious stereotypes and patterns. Mentality has such properties as greater stability and relative volatility. However, the mentality is changing very slowly, imperceptibly from its carriers. A.Y. Gurevich revealed, that historians understand mentality as "all that set of basic beliefs about the world, by means of which a human mind in any given era processes in an orderly "world picture" any chaotic and diverse flow of perceptions and experiences". Thus, A.Y. Gurevich identified the concepts "world view" and "mentality". Indeed, the attitude and perception of the world by the people of any society, their beliefs, thinking skills, social and ethical values, attitudes toward nature, the experience of time and space perception, the idea of death and the afterlife in every age are interconnected and form a kind of integrity.

The following conclusions can be drawn in the result of the conducted research.

1. In modern Russian concepts of "mentality" and "mentalitet" are interchangeable. "Mentality" means:

a) a thinking ability of a person or functionality inherent in a brain;

b) way of thinking, overall spiritual mood of a person, group;

c) attitude, mindset;

g) "mind " or socio-psychological attitudes, ways of perceiving, feeling and thinking style;

d) something in common, underlying conscious and unconscious, logical and emotional;

e) a specific way of perceiving and understanding reality, defined by a set of cognitive stereotypes of consciousness characteristic of a certain group of people.

It is noted that mentality is formed in the process of education and gaining life experience in a particular socio-cultural environment. It is not structured and is a kind of predisposition, the inner person's willingness to act in a certain way.

2. French "mentalité":

a) mental habits and attitudes, perception and emotional life skills, that are inherited from the past generations of people without their clear understanding;

b) a system of images, ideas that always underlie human conceptions of the world and their place in this world, and, hence, define the actions and behaviour of the people;

c) a historically folding structure, defining the thoughts, feelings and behaviour of people, their values and "gestures";

d) a set of the usual way of thinking, beliefs, and mental and moral propensities characteristic of a community and specific to each of its members;

e) a permanent state of mind inherent in an individual;

e) moral behaviour.

If we compare the value of concepts in Russian and French, we shall see that they are basically the same, except for the fact, that in the Russian language, in general, they talk about the mentality of a group of people or whole nations, whereas the French can talk about the mentality of one person, and, moreover, to mean by mentality a moral behaviour of an individual.

3. English "mentality" means:

a) special (specific) way of thinking;

b) a thinking ability of a person;

c) world view, perception;

d) (in a group), similar principles of thinking and management of their mental activity in accordance with the same rules;

e) specific way of thinking that is not approved;

f) degree of intelligence;

g) characteristics of the mind.

As you can see, the scope of "mentality" term in the Russian language and "mentality" in English differ. In English mentality, in contrast to the Russian term, can have a negative evaluation (e.g. *I can't understand the mentality of these people*). By mentality can be understood a degree of intelligence (low, medium, high) and characteristics of the mind (e.g., bourgeois mentality).

4. The concept "mental" in the Russian language has a general meaning of "belonging to the mind, to the mental activity" or "pertaining to the mind in its functional aspect (perception, imagination, memory, feeling, desire, etc.) or in its substantive aspects (sensory data, images and other content existing in the mind)".

In this sense the Russian "mental" is basically identical with the French «men-

tal» (belonging to the mental activity that uses intellectual ability). However, the French adjective has a different value than the Russian one, that is, "pertaining to mental activity in regard to the health and perhaps its pathological aspects.

In English, the concept of «mental» has a volume greater than in the two languages:

- a) existing in the mind;
- b) related to the mind;
- c) related to the mind, its activities, or product of the mind as an object of study (ideological);
- d) relating to the spirit or idea as opposed to matter;
- e) relating to the total emotional and intellectual response to the human world around us;
- f) referring to the intellectual rather than emotional activity;
- g) related to mental disorders;
- h) intended for the care or for the treatment of patients with mental disorders.

Thus, in English, the concept «mental» has the meanings e), f), g), h), which are absent in the corresponding Russian concept.

5. In modern humanities the concept "world view" gradually recedes into the background and is replaced by the term "mentality".

6. Regarding relations between the concepts "mentality" and "national character", the following has been revealed.

Ethnopsychologist G.G. Stefanenko believes that the study of social and cultural peculiarities of the peoples is the mentality rather than a national character and is most suitable category, as the structure of the mental world of representatives of a people in a complicated way determined by the culture and experience

of the historical development of this people is unique. Therefore, according to G.G. Stefanenko, whose opinion is based on a number of ethno-psychological researches, at this stage it is necessary to examine not a national character but a national mentality.

According to the opinion of I.A. Sternin and his school, the concepts of "national mentality" and "national character" are not identical. A national mentality is a national way of perceiving and understanding the reality on the basis of present national consciousness stereotypes, ready thoughts, schemes, explanations of phenomena and events, mechanisms of causal attribution. These are stereotypes of *consciousness (mind)*. In the understanding of I.A. Sternin, a national character means psychological patterns of *behaviour* of the people.

Thus, the volume of concepts "mentality" and "mental" considered in this article on the material of dictionary definitions and various Russian and foreign scientists' points of view, is different in Russian, English and French. However, in Russian and French linguistic consciousness mentality is understood almost in the same way more than in the English conceptosphere. In English, the concepts "mentality" and "mental" have a volume greater than in the other two languages. The data of our small study demonstrate the need for the further research of the concepts "mentality" and "mental" and their representation in the language in order to identify the features of national consciousness of different peoples.

References:

1. Gurevich P.S., Shulman O.I. *Kul'turologiya XX vek. Enciklopediya*. [Culturology. The twentieth century. Encyclopedia]. M., 1996. 336 p.
2. Gurevich A.Y. *Istoricheskij sintez i shkola «Annalov»*. [Historical synthesis and school "Annals"]. M., 1993. 319 p.
3. Jidkov V.S., Sokolov K.B. *Desyat' vekov rossijskoj mental'nosti: kartina mira i vlast'*. [Ten centuries of Russian Mentality: World View and Power]. St. Petersburg: Aletheia, 2001. 640 p.
4. Levy-Bruhl L. *Pervobytnoe myshlenie*. [Primitive thinking]. M., 1994. 193 p.
5. Levy-Bruhl L. *Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii*. [Supernatural in primitive thinking]. Moscow, 1937. 608 p.
6. Sternin I.A., Larina T.V., Sternin M.A. *Oчерк англиского коммуникативного поведения*. [Essay of English Communicative Behaviour]. Voronezh: Publishing House "Origins", 2003. pp. 23-26.
7. Stefanenko G.G. *Etnopsihologiya: Uchebnik dlya vuzov*. [Ethnopsychology: a Textbook for Universities]. Moscow: Aspect Press, 2004. pp. 83-141.
8. Fevr L. *Boi za istoriju*. [Fighting for History]. M., 1991. 653 p.
9. Khrolenko A.T. *Russkaya mental'nost' v fol'klornom leksikone/Obrazy Rossii v nauchnom, hudozhestvennom i politicheskom diskursah: (istoriya, teoriya, pedagogicheskaya praktika): Materialy nauchnoj konf. (4-7 sentyabrya 2000 goda) / Otv. redaktor I.O. Ermachenko*; [Russian mentality in the Folk Vocabulary / Images of Russia in the Academic, Artistic and Political Discourses (History, Theory and Teaching Practice): Proceedings of the Conference. (4-7 September 2000) / Ed. Acting Editor Ermachenko]. PSU, Petrozavodsk, 2001. pp. 29-36.

10. Lefevre G. *La Grande peur de 1789. Suivie de «Les foules révolutionnaires»*. P., 1988.
11. <http://slovarozhegova.ru> (accessed February 7, 2013)
12. <http://iph.ras.ru> (accessed February 10, 2014)
13. <http://www.onlinedics.ru> (accessed March 7, 2014)
14. <http://ru.wikipedia.org> (accessed March 5, 2014)
15. <http://www.merriam-webster.com> (accessed February 11, 2014)
16. <http://dictionary.reference.com> (accessed February 25, 2014)
17. <http://oxforddictionaries.com> (accessed March 7, 2014)
18. <http://www.cnrtl.fr> (accessed March 7, 2014)

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ:****КОЗЛОВА****Лариса Яковлевна**

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет
195251 Россия, Санкт-Петербург,
Политехническая, 29, Россия
E-mail: zyatkova64@mail.ru

**DATA ABOUT
THE AUTHORS:****Larisa Ya. Kozlova**

Candidate of Philology, Assistant Professor
Saint-Petersburg State Polytechnic
University
29 Polytechnic St., St. Petersburg 195251
Russia
E-mail: zyatkova64@mail.ru

РАЗДЕЛ II.**КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ПРАГМАТИКА****COGNITIVE LINGUISTICS
AND PRAGMATICS****О.К. Андрющенко**
Olga K. Andryushchenko**РЕЧЕВОЙ АКТ ЖАЛОБЫ:
СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА,
ТИПОЛОГИЯ****SPEECH ACT OF COMPLAINT:
SEMANTICS, PRAGMATICS, TYPOLOGY****Аннотация**

Статья посвящена анализу значимого для русской культуры речевого акта жалобы. Проводится исследование идиоматической составляющей лексемы «жалоба» в русском языке, определяется ее семантика и прагматика. Речевой акт жалобы имеет определенную структуру, участников и интенцию, особенности которых доказываются автором статьи.

Ключевые слова: речевой акт, директив, паремии, жалоба.

Abstract

The article is devoted to the analysis of a significant for the Russian culture speech act of complaint. The author studies an idiomatic constituent of a “complaint” lexeme in the Russian language and determines its semantic and pragmatic features. The speech act of complaint has its specific structure, participants and intention, the peculiarities of which are proved by the author of the article.

Key words: speech act, directive, proverbs, complaint.

Исследование национально-культурной специфики языка в настоящее время представляется чрезвычайно актуальным. В поле нашего зрения оказались перформативные речевые акты, важные для русского языкового сознания. Нами уже предпринимались попытки анализа речевых актов обещания [1] и клятвы [2], которые, с нашей точки зрения, особенно важны для политической коммуникации. В данной статье мы хотели остановиться на анализе речевого акта жалобы, значимого для русской культуры.

Как известно, в сокровищнице любого народа – пословицах, поговорках и фразеологических сочетаниях – заключен его многовековой опыт. Наличие какого-либо понятия в пословицах и поговорках выступает критерием его значимости для народа. Поэтому нам кажется целесообразным рассмотрение речевого акта жалобы в паремиях, изучение его места в речевой коммуникации. Нами также проанализированы паремии, в которых эксплицитно отражен речевой акт жалобы.

Паремии особенно ярко характеризуют носителя любого языка, следовательно, использование понятия жалобы в песнях, пословицах, поговорках представляют собой большой интерес (паремии – краткие высказывания, в

которых содержание является нравоучением).

В них зафиксировано множество жизненных случаев, ситуаций, бытовые явления присущи именно этому социуму. И, как утверждают исследователи, явления окружающей действительности или ситуации каждый этнос воспринимает по-своему.

В пословице *Жалеть вина, не видать гостей* - жалость расценивается как отрицательное качество человека – встреча гостей во многих этносах воспринимается как показатель воспитанности, культурности, учтивости. Недаром женщина непременно получала характеристику гостеприимности как свое главное и отличительное качество.

В пословицах *Доброго чти, а злого не жалей, Бей дурака, не жалей кулака!, Чужого добра стыдно, а своего жаль, Не жалей того, кто скачет: жалей того, кто плачет* – жалость, наоборот, выступает как положительное / нейтральное качество человека. Одно из значений жалости – именно сочувствие другому человеку – сохранилось в большинстве паремий.

В таких пословицах, как *Жалеть не помочь, когда смерть пришла; Ради милого и себя не жаль; Встретил с радостью, а проводил с жалостью; Лучше жить в зависти, чем в жалости, Не жалей меня, пожалей себя* – жалость выступает как чувство противоположное сочувствию. Жалость как снисхождение к человеку, отношение к нему как к человеку «не своего круга» показывает отрицательное отношение русских к данной лексеме.

В паремиях *«Не жаль молодца не битого, не раненого, а жаль молодца*

похмельного»; *«Не жаль себя, да жаль вина»* представленный языковой материал демонстрирует отрицательную оценочную коннотацию. То есть, изначально жалость характеризовалась как отрицательное явление. Даже если оно имело цель передать психологическое состояние печали, грусти, скорби, сокрушения: *В сиротстве жить - слезы лить. Зайцу да воробышу, а третьему - приемышу нет житья на свете хуже. Мать высоко замахивается, да не больно бьет; мачеха низко замахивается да больно бьет. Житье сиротам - что гороху на дороге: кто мимо идет, тот и урвет. Вдовети - беды терпеть. Шей, вдова, широкие рукава, было бы во что класть небывшие слова. Что в сердце варится – на душе не утаится. Видна печаль по ясным очам, а кручина по белу лицу.*

В более поздний период появились устойчивые сочетания, часто негативного характера «давить на жалость», «вызвать жалость» и другие. Несомненно, приведенный комплекс паремий показывает значение понятия «жалость» в русской языковой картине: это и отношение к жизни, человеку, и мировоззрение русского человека вообще.

Жалобу как и другие речевые акты, например, просьба, клятва мы относим к директивам [3]. Особенностью этого класса речевых актов является то, что они побуждают к действию, в котором заинтересован жалующийся. Хотя некоторые виды жалобы можно отнести и к суггестивам. Например, «Я советую вам рассмотреть мою жалобу». Но в отличие от приказа, требования жалоба не подлежит обязательному рассмотрению, по нашему мнению. Приори-

тетную позицию занимает адресат: он решает, рассмотреть или не рассматривать данную жалобу. Основанием приоритета служит его социальная, статусная или ситуативная роль.

Ядром просьбы является запрос адресанта пишущего или говорящего, требующего или просящего выполнить какое-либо действие. Для характеристики акта жалобы важными являются следующие признаки: социальная иерархия «нижестоящие – вышестоящие», «обиженные на обидчика», «подчиненный на начальника или к начальнику». Поэтому приоритетность адресата более устойчива и важна.

Адресату очень важно выбрать правильную тактику, чтобы на жалобу получить положительный ответ или положительную реакцию.

Речевое действие жалобы занимает важное место в русской культуре. Толкование и традиции употребления данного понятия находим в словарях [4] и произведениях устного народного творчества (песен), паремиях. Наряду с признаками прагматического и семантического контекста при ситуации жалобы учитываются следующие индикаторы: а) эксплицитные перформативы, такие как «Прошу, просим, требую, требуем»; а такой глагол как «жаловаться» «я жалуюсь на то-то и то-то» почти не встречается в современных текстах жалобы. В более ранний период в жалобе употреблялись такие глаголы «жалобиться, бить челом» и они выступали часто и в первичном значении.

Речевой акт жалобы имеет место, как уже было отмечено, в разностатусных по отношению друг к другу ком-

муникантов, поэтому нужно выбрать тактику, оформить её нужными (правильными) средствами.

РА жалобы преимущественно находит отражение в асимметричной коммуникации, где инициаторами жалобы выступают занимающие более низкое социальное положение коммуниканты.

Описывая ситуации жалобы, мы будем в основном говорить о РА, условно подразумевая под ним некий универсальный акт, приобретающий в контексте ситуации оттенки других возможных вариантов прескриптивов: собственно жалобу, жалобу - требование, жалобу-просьбу.

Под собственно жалобой иногда понимают РА, для которого характерна пресуппозиция достичь окончательного результата. Мы придерживаемся более широкого понимания жалобы как вообще всякой жалобы, основанной на праве: жалующийся убежден, что он имеет право пожаловаться и получить определенный ответ или удовлетворение на жалобу от адресата на выполнение. Это сближает жалобу и просьбу, потому что исполнение обеих всегда зависит от воли и желаний адресата; хотя в отличие от просьбы, жалоба чаще имеет положительное решение.

Самым частотным средством выражения РА жалобы является побудительное предложение с глаголами в форме повелительного наклонения. Жалоба в императивных предложениях может быть адресована как одному, так и нескольким: «Дай мне жалобную книгу — дайте мне жалобную книгу; прошу вас выделить мне - просим вас не отказать в рассмотрении этого вопроса».

Примечательно, что в ситуациях жалобы в отличие от других ситуаций значительно чаще используется форма императива 2 л. ед. ч. и, соответственно, обращение к адресату на «вы», что связано с авторитетной позицией принимающего жалобу. Обращение на «вы» считается нормативным независимо от возраста. Кроме того, чаще, чем в других директивных ситуациях, жалоба может адресоваться как коллективному адресату, т.е. группе адресатов, так и одному.

Таким образом, наиболее часто жалующийся обращается к адресату, используя глаголы *прошу, требую*. Жалоба редко реализуется с помощью глагола «жаловаться». В симметричной коммуникации говорящий может потребовать обещанного, что находит отражение в формуле *я прошу выдать мне заработную плату*. Как видно из примеров, в ситуациях жалобы используются лишь классические перформативы, т.е. высказывания, в которых речеактивный глагол выступает в форме настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения 2 л. ед. ч. и мн.ч. Отсюда следует, что для речевого акта жалобы характерны:

а) этикетные формы, ключевыми словами которого выступают глаголы «прошу», «прошу рассмотреть мою жалобу», отличие её от просьбы заключено в слове «жалоба»;

б) жалоба может выражаться и императивными предложениями, в состав которых входит форма повелительного наклонения в 1 лице единственного или множественного числа «Я требую рассмотреть мою жалобу», «мы требуем рассмотреть жалобу»;

в) в состав жалобы могут входить глаголы с обобщенной семантикой действия, например, исполнить — выпол-

нить: «Прошу выполнить мою просьбу, выраженную в данной жалобе»;

г) в состав акта жалобы в современном русском языке часто входит глаголы «рассмотреть, выделить», которые перформативными глаголами не являются. В качестве индикатива в русском языке могут выступать и модальные глаголы, такие как «хотеть, желать» - «я хочу, желаю».

Речевой акт жалобы может выражаться косвенно: жалующийся предпочитает тактику намека, особенно это характерно для произведений устного народного творчества, это могут быть различные глаголы (пропил, бросил); имена прилагательные, часто усеченные (младехоньку), личные местоимения (меня, я, ты), обращения с использованием существительных с суффиксами субъективной оценки (батюшка, матушка).

При ситуации жалобы жалующийся может одновременно использовать несколько тактик. Сочетание императивных предложений или предложений с модальными глаголами *хочу, желаю, помогите, прошу*, например, «в этой жалобе я прошу вас, помогите мне получить надлежащее жилье». «Помогите мне получить надлежащее жилье» - императивное предложение - «прошу» - модальный глагол в 1 лице единственного числа.

Таким образом, в современных жанрах жалобы сам глагол жаловаться выступает редко, суть жалобы маркируется другими глаголами или другими частями речи, среди которых особенно частотным является существительное «жалоба».

В русских пословицах и поговорках глагол *жаловаться* выступает в первоначальном значении и используется очень часто. Следовательно, глагол «жалеть» в речевом акте жалобы заменился

другими глаголами, а о том, что это жалоба, может сказать только содержание высказывания или часто используемое существительное «жалоба».

Кроме существительного «жалоба» частотно и слово «жалость», например, «давить на жалость». Прилагательное «жалобный» – *жалобная книга*, глаголы «разжалобить, жаловаться» употребляются не в прямом акте жалобы, а в опосредованном, например, жаловаться акиму, жаловаться на кого-то, разжалобить учителя.

Литература:

1. Андриященко О.К. Речевой акт обещания в предвыборной коммуникации: семантико-прагматический анализ // Язык: мультидисциплинарность научного знания. 2013. С. 8-13.

2. Андриященко О.К. Семантические и структурные особенности речевого акта клятвы в русском языке // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Филологические науки». №1 (35), 2011. С. 30-33.

3. Остин Дж. Л. Слово как действие / Пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22-130.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великого русского языка: Современное написание: в 4 т./ В. И. Даль – М.: Астрель. АСТ, 2003. Т.4. С. 883.

References:

1. Andryushchenko O.K. *Rechevoj akt obeshhaniya v predvybornoy kommunikacii: semantiko-pragmaticheskiy analiz* // *Jazyk: mul'tidisciplinarnost' nauchnogo znaniya* [Speech Act of Promises in Communication During Election Campaigns: Semantic and Pragmatic Analysis// The

Language: Multidisciplinarity of Scientific Knowledge]. 2013. pp. 8-13.

2. Andryushchenko O.K. *Semanticheskie i strukturnye osobennosti rechevogo akta klyatvy v russkom jazyke* // *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Serija «Filologicheskie nauki»* [Semantic and Structural Characteristics of Speech Act of Vows in the Russian Language // Vestnik of Abai KazNPU. Philological Sciences Series]. №1 (35), 2011. pp. 30-33.

3. Ostin Dzh. L. *Slovo kak deystvie* / *Per. s angl. A.A. Mednikovoj* // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevyh aktov* [The Word as an Act/ Tr. from English by Mednikova A.A.// News of Foreign Linguistics]. M.: Progress, 1986. pp. 22-130.

4. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikogo russkogo yazyka: Sovremennoe napisanie: v 4 t./ Dal' V. I.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Dahl V.I.: Modern Spelling: vol. 4]. M.: Astrel'. AST, 2003. Vol. 4. 883 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

АНДРЮЩЕНКО

Ольга Константиновна

кандидат филологических наук, доцент

Павлодарский государственный

педагогический институт

140 003 Казахстан, г. Павлодар,

ул. Мира, 60

E-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Olga K. Andryushchenko

PhD in Philology, Associate Professor

Pavlodar State Pedagogical Institute

60 Mira St., Pavlodar, 140003, Kazakhstan

E-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru

УДК 81.139

Ю.А. Дрыгина
Yulia A. Drygina**АНАЛИЗ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА
С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ***MANAGEMENT DISCOURSE ANALYSIS
FROM THE COGNITIVE VIEWPOINT***Аннотация**

Представление когнитивных моделей различных видов дискурса является весьма актуальной областью исследований в рамках современной когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы. Целью работы является выявление фреймовой структуры, лежащей в основе управленческого дискурса и являющейся базисом для его интерпретации. Ведущим методом в работе является метод когнитивного моделирования или фреймовой семантики, позволяющий представить стереотипную модель ситуации управления. В работе обозначены базовые характеристики концепта и фрейма, выявленные на основании анализа их концепций, обоснована возможность применения метода фреймового анализа к исследованию дискурса, а также представлена фреймовая модель управленческого дискурса, состоящая из обязательных и факультативных компонентов. Полученные результаты могут быть использованы для когнитивного анализа других дискурсивных жанров.

Ключевые слова: фрейм, концепт, управленческий дискурс, когнитивные модели.

Abstract

The introduction of cognitive models of different discourse types is a challenging research area within the context of cognitive and discourse linguistic paradigm. The main purpose of this paper is to reveal the frame that serves as a basis for management discourse and its interpretation. The basic method of research is cognitive modeling or frame semantics which helps to demonstrate a model of stereotypical situation of management. The paper demonstrates the main frame and concept characteristics revealed in the course of analysis of their theories. The author substantiates the possibility of using the frame semantics method in discourse studies and introduces the frame model of management discourse consisting of obligatory and optional components. The results of the study can be used in cognitive analysis of other discourse types.

Key words: frame, concept, management discourse, cognitive models.

Введение. Когнитивно-дискурсивная парадигма принесла с собой огромное количество нерешенных задач и вместе с ними подходов и методологий исследования.

Основной сферой когнитивной лингвистики является поиск ответа на вопрос, каким образом человек категоризирует окружающую действительность в попытке ее интерпретировать. Для решения данной задачи чаще всего используются различные когнитивные модели – фреймы, концепты, скрипты, сценарии и т.д. Универсальность фреймов подтверждается их способностью не только отражать информацию об участниках и наиболее характерных составляющих ситуации (ситуационные или классификационные фреймы), но также и описывать стереотипные смены этапов определённой деятельности (фреймы-сценарии).

Прагмалингвистика и теория дискурса ставят во главу угла саму ситуацию общения и взаимодействие и взаимовлияние людей в процессе коммуникации. Исследуются принципы общения, условия его успешности, характеристики участников коммуникации, компоненты коммуникативной ситуации, типы и жанры дискурса, коммуникативные намерения, речевые акты, речевые стратегии и тактики.

Когнитивный и прагматический подходы весьма эффективно используются при исследованиях дискурса, а сам дискурс понимается как смысловое развёртывание некоторого опорного концепта, в результате чего создается общий контекст, а к элементам дискурса относят не только события и их участников, но и обстоятельства, сопровождающие события, их оценку,

фон, поясняющий события [1]. Дискурс, таким образом, можно интерпретировать только поместив его в рамки промежуточной или предварительной интерпретации. В рамках этой интерпретации воссоздается мысленный мир, в котором автор конструировал дискурс, включающий в себя характеристики действующих лиц, объектов, обстоятельств, событий. [1].

Представляется, что когнитивные модели как структуры, основанные на вероятностном знании о типических ситуациях («мысленных мирах») могут быть использованы для всестороннего анализа дискурса, его воссоздания или интерпретации.

Цель работы

Целью данной работы является представление фреймовой модели ситуации управления, лежащей в основе как порождения управленческого дискурса, так и его адекватной интерпретации. Будет также предпринята попытка определения управленческого дискурса и определения его места среди других дискурсивных жанров.

Материалы

и методы исследования

Материалом исследования послужили как работы отечественных и зарубежных исследователей когнитивных моделей и ментальных структур, так и исследования дискурса в общем и управленческого дискурса в частности.

Представляя дискурс как смысловое развёртывание определенного концепта, а фрейм как когнитивную модель структурирующую концепт, необходимо кратко рассмотреть трактовку понятий концепта и фрейма в современной лингвистике.

В течение последних десятилетий в связи с большой популярностью и бурным ростом когнитивизма термин «концепт» получил когнитивный междисциплинарный статус и остаётся одним из самых обсуждаемых феноменов, что объясняет большое разнообразие его определений и трактовок.

Анализ существующих концепций, рассматривающих сущность и природу концепта [2, 3, 4, 5], позволяет выделить принципиально важные свойства концепта:

1. концепт – идеальная сущность, принадлежащая миру сознания, служащая для хранения и обмена информацией;

2. концепт обладает определённой нежесткой структурой, которую возможно исследовать с помощью концептуального анализа;

3. концепт не имеет чётких границ, динамичен, постоянно развивается;

4. концепт постоянно находится во взаимодействии и взаимосвязи с другими концептами;

5. наилучший доступ к содержанию концепта обеспечивает анализ средств его языковой объективации;

6. концепт вербализуется, но лексические средства способны передавать лишь часть концептуальных признаков.

Понятие концепта обширно, абстрактно и всеобъемлюще, для выявления его возможной структуры используют когнитивные модели, одной из которых является фрейм.

Термин «фрейм» имеет междисциплинарный статус и используется во многих областях науки – когнитивной психологии, когнитивной лингвистике, теории искусственного интеллекта, социологии.

Опираясь на существующие концепции, мы трактуем фрейм как когнитивную модель ситуации, имеющую концептуальные основания. Иными словами, фрейм управления является «идеальной» моделью ситуации управления, существующей в человеческом сознании, и в основе этой модели лежит концепт управления, который с помощью фрейма определённым образом структурируется.

Учитывая предложенные классификации фреймов, использование динамически представленных фреймов или фреймов-сценариев для описания ситуации управления и управленческого дискурса, представляется наиболее эффективным.

Подробно теория скриптов разработана в трудах Р. Шенка и Р. Абельсона. В данной концепции скрипт – один из типов структур сознания, вид фрейма, выполняющего некоторое специальное задание в обработке естественного языка [6, 7, с. 172]. С помощью скрипта можно описать привычные, часто встречающиеся ситуации как стереотипные смены событий. Все этапы скрипта взаимосвязаны и взаимопределены, каждое предыдущее действие обеспечивает условия, при которых может произойти следующее действие.

Минимальными составляющими скрипта являются действующие лица и сюжет. Так, для рассматриваемого нами фрейма «управление» действующие лица – это субъект и объект управления. Сюжет в зависимости от его сложности может включать в себя различные управляющие действия – этапы или стадии скрипта (планирование, претворение плана в жизнь с по-

мощью различных приказов, просьб, распоряжений, советов, других действий, контроль над производимой работой и т.д.), а также различные дополнительные характеристики самих действий или условий их протекания (терминальные компоненты фрейма – способ, средство, время и т.д.).

Характеризуя строение фрейма, воспользуемся концепцией М. Минского [8] и назовём компоненты, обязательные для любой ситуации управления вершинными компонентами (вершинами), а компоненты, наличие которых определяется каждой конкретной ситуацией управления, терминальными компонентами (терминалами).

Фрейм «управление» моделируется на основании анализа экстралингвистических данных, дающего представление о ситуации управления в реальной действительности, анализа словарных дефиниций лексем со значением управления, концептуального анализа, анализа фактического материала.

К вершинам фрейма «управление» мы относим субъект, предикат и объект как элементы, отсутствие которых не позволит ситуации управления считаться таковой. Предикат, обладающий сложной сценарной структурой, отличает данную ситуацию от всех прочих и даёт информацию о характере производимого действия. Объект является пассивным исполнителем воли субъекта, тем, на что направлена активность субъекта. В случае его отсутствия субъект потеряет право так называться, так как активность субъекта необходимо предполагает внешне-положный ей объект.

Таким образом, стереотипная ситуация управления обязательно включает информацию о лице, которое управляет, объекте, которым управляют и о собственно процессе управления. Данные компоненты практически всегда находят экспликацию на языковом уровне.

Вопрос о количестве терминальных компонентов представляется весьма сложным, поскольку их количество может быть сколь угодно велико и разнообразно, как и количество ситуаций управления. Терминальные компоненты можно разделить на две условные группы:

1. Дополнительно характеризующие субъект и объект управления: характеристики субъекта и характеристики объекта.

2. Дополнительно характеризующие предикат управления: цель, способ, средство, время, место.

Такую сложную и многоаспектную единицу знания, как концепт, трудно точно смоделировать с помощью только компонентов фрейма. Нам представляется целесообразным выделить также обязательные и факультативные признаки данного фрейма, поскольку структура концепта, по признанию большинства когнитологов, обязательно включает множество когнитивных (концептуальных) признаков, которые могут быть как общими для всех носителей языка, групповыми, так и сугубо индивидуальными.

В связи с невозможностью перечисления всех признаков концепта «управление» обозначим те, которые находят экспликацию на системном (в лексикографических толкованиях глаголов управления) или функциональ-

ном (в виде модификаторов смысла, входящих в состав предложения-высказывания) уровнях. Итак, обязательными признаками концепта (и фрейма) «управление» являются «Обладание властью» и «Ответственность за свои действия», а факультативным признаком – «Оценка».

Представленная модель, как видно, отражает ситуацию управления в самом общем виде и может быть дополнена и изменена. Важнейшей задачей, решение которой позволит выявить и проанализировать прагматические характеристики управленческого дискурса, а также лингвистическое наполнение речи управленца, является само определение управленческого дискурса.

Результаты исследования и их обсуждение

Термин «управленческий дискурс», безусловно, не получил столь широкого распространения как, например, термин «деловой дискурс», и чаще всего используется как его синоним, однако он периодически также появляется в работах как лингвистов так и представителей других научных областей.

Обратимся сначала к трактовке понятия «управленческий дискурс» в нелингвистических исследованиях.

В философии управленческий дискурс отождествляется с дискурсом менеджмента. Центральным звеном управленческой деятельности признается принятие решений, а функции организации, руководства, контроля составляют исполнительный блок управленческой деятельности. Важным для нас наблюдением является утверждение о том, что управленческий дискурс со временем развивается, включая в себя все новые и новые аспекты – ме-

неджмент, корпоративная культура, логистика, маркетинг, паблик рилейшнз [9].

В исследовании Г. В. Сориной [10] рассматривается не весь управленческий дискурс, а один из его структурно-содержательных аспектов – аргументативные практики и вопросно-ответные процедуры. Автор не ставит перед собой задачу определения управленческого дискурса, а концентрирует свое внимание на таких важных характеристиках управленческого дискурса как необходимость включения элемента аргументации в управленческий дискурс и реализации управления в процессе коммуникации, которая, в свою очередь, в современных условиях предполагает наличие профессиональных навыков эффективного использования аргументативных ресурсов. Автор наглядно демонстрирует зависимость и взаимосвязь управления, коммуникации и аргументации. Интересны выводы о зависимости характера аргументации от стиля управления – при авторитарном стиле управления вопросно-ответные процедуры буквально сведены к нулю.

В работе С. А. Шилиной, посвященной социологии управления, дискурс рассматривается как управленческая коммуникация в условиях соответствующих социальных отношений. Автор отмечает, что, в связи с отсутствием в социологической науке четкого и общепризнанного определения дискурса сложной задачей является определение функций и значения управленческого дискурса в системе отношений общества и государства.

Давая собственное определение данному понятию, автор отмечает, что

управленческий дискурс является технологией коммуникативного воздействия различных социальных групп, объектов и субъекта власти, пронизывающий все сферы и уровни отношений государства и общества. Автор подчеркивает системообразующую роль управленческого дискурса, выступающего стратегическим ресурсом государственного управления [11].

К функциям управленческого дискурса в рамках данной работы относятся качественное государственное управление, ориентированное на отношения партнерства и сотрудничества, переход от логики учреждения к логике обслуживания с активным гражданским участием, а также двухстороннюю коммуникацию разных социальных групп в режиме диалога.

Существующие лингвистические исследования управленческого дискурса сконцентрированы на его отдельных поджанрах, аспектах и особенностях.

Диссертационное исследование О. А. Юдиной [12] посвящено выявлению и сопоставлению метафор и метафорических моделей в российском и англо-американском управленческом дискурсе. Автором проводится сопоставительное исследование данных метафор, а также выявление семантических особенностей их освоения в российском управленческом дискурсе.

Управленческий дискурс понимается в работе как особый вид институционального дискурса. Он определяется как жанровый корпус текстов, который развернут в пространстве и времени, а также как способ передачи когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через текст в его

языковой реализации и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации.

В работе характеризуются и анализируются двенадцать наиболее встречаемых в российском и англо-американском управленческом дискурсе метафорических моделей, таких как: «Управление – это наука», «Управление – это болезнь», «Управление – это деньги и товар», «Управление – это человеческий организм», «Управление – это движение по определенному пути», «Управление – это война», «Управление – это дом (строение)», «Управление – это спорт и игра», «Управление – это механизм и инструмент», «Управление – это мир растений», «Управление – это мир животных», «Управление – это театр».

В заключение автор приходит к выводу, что управленческий дискурс представляет собой специфический образ мышления и метафоричность является одной из институциональных черт как российского, так и англо-американского управленческого дискурса.

В интересном исследовании Н. В. Даржаевой [13] рассматривается функционально-прагматический аспект управленческого дискурса в жанре интервью менеджера. Автор анализирует речевые средства воздействия в заявленном дискурсивном жанре, прагмасемантические и структурные признаки управленческого дискурса в совокупности с языковыми средствами реализации его стратегической направленности.

В работе не прослеживается четкого определения управленческого дискурса, однако выявляются базовые характеристики дискурса управленца

и жанра интервью менеджера. Управленческий дискурс функционирует в рамках организационной коммуникации, которая представлена в трех основных категориях: внутреннее производственное общение, внешнее производственное общение и межличностное общение. Основной иллокутивной функцией управленческого дискурса автор считает директив, отмечая, что информатив имеет директивную иллокутивную цель – побуждение читателя к действию по отношению к компании (покупка товара, акций, услуг компании).

В работе Е. В. Мороз управленческий дискурс относится к разновидности институционального общения и понимается как сложный социальный феномен, важнейшая составляющая социального взаимодействия [14]. Отмечается, что исследование управленческого дискурса затрагивает проблемы лингвокультурных характеристик авторитарной и демократической моделей менеджмента.

Само понятие управленческого дискурса охватывает в данной работе языковые средства в сочетании с условиями коммуникации, поэтому анализ дискурса предлагается начать с выявления его жанровой организации и набора речевых актов с последующим рассмотрением используемых в нем языковых средств.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что задачи адекватной интерпретации дискурса и вскрытия механизмов его порождения остаются весьма актуальными и для их решения используются не только традиционные для дискурс-

анализа методы, но и ряд пришедших из смежных лингвистических направлений, в частности, когнитивной лингвистики.

Сегодня нередко высказывается мысль о том, что в основе формирования любого жанра дискурса лежит соответствующий концепт. Определённая, но не фиксированная структура концепта позволяет моделировать его с помощью других единиц когнитивной лингвистики. Привлечение данных смежных наук, необходимое для исследования, выполненного в рамках когнитивного подхода к языку, позволило выявить наиболее значимые составляющие и признаки типовой ситуации управления, которые соотносятся с компонентами и признаками фрейма и, соответственно, находят своё отражение в языке.

Фрейм «управление» является когнитивной моделью ситуации управления, структурирующей вполне определённым образом лежащий в его основе концепт.

Структура данного фрейма-сценария представляет собой иерархию вершинных (обязательных для любой ситуации управления) и терминальных (придающих дополнительные характеристики ситуации) компонентов. К вершинам относятся субъект, объект и предикат. Терминальный же уровень представлен компонентами характеристики субъекта, характеристики объекта, несущими дополнительную информацию о соответствующих вершинных компонентах, и группой компонентов, характеризующих предикат. Это цель, способ, средство, время, место. В структуру фрейма, помимо компонентов, входят ещё и признаки,

которыми обладает концепт «управление». К обязательным признакам относятся «Обладание властью» и «Ответственность за свои действия», а к факультативным – «Оценка».

Исследования, упоминаящие дискурс управленца, называют его особым видом общения или коммуникации в рамках общения институционального, подчеркивая его стратегическую важность для осуществления процесса управления. А поскольку управление является процессом, пронизывающим все сферы общества, своеобразным организующим центром его жизни, исследование одного из важнейших средств его реализации – управленческого дискурса представляет собой весьма актуальную задачу для современной лингвистической науки.

Очевидно, что управленческий дискурс, будучи одним из жанров институционального общения имеет ряд черт, присущих ему, но в то же время он должен обладать и характерными отличительными особенностями, выявление которых представляет немаловажную задачу.

Литература:

1. Демьянков В. З. Предикаты и концепция семантической интерпретации // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1980. № 4. С. 336-346.

2. Степанов Ю. С. Константы: слов. рус. культуры : опыт. исслед. М. : Яз. рус. культуры, 1997. 824 с.

3. Jackendoff R. S. Semantics and Cognition. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983. 283 p.

4. Evans V. The Cognitive Linguistics Enterprise: An overview / V. Evans, B. K.

Bergen, J. Zinken. University of Brighton. Brighton, 2006 URL: <http://www.brighton.ac.uk/languages/research/vyvevans/CLoverview.pdf>. Юдина (дата обращения: 15.05.2013)

5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения : роль языка в познании мира; РАН, Ин-т языкознания. – М. : Яз. славян. культуры, 2004 а. 555 с.

6. Schank R. C. Abelson, R. P. Scripts, plans, goals, and understanding : an inquiry into human knowledge structures. Hillsdale, N. J.; L. : Erlbaum Associates; N. Y. : Distributed by the Halsted Press Division of John Wiley and Sons, 1977. 248 p.

7. Краткий словарь когнитивных терминов. под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Изд-во филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.

8. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.

9. Сажина О. Ю. Управленческий дискурс: принятие решений в системе бизнес-образования // Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2011» (11-15 апреля 2011). -URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1275/12683_1961.pdf. (дата обращения: 15.05.2013)

10. Сорокина Г. В. Аргументативные практики и вопросно-ответные процедуры в управленческом дискурсе // Ежегодник Санкт-Петербургского философского общества. СПб. 2006. Вып. 6. С. 160-174.

11. Шилина С. А. Управленческий дискурс как технология модернизации во взаимоотношениях государства и общества // Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: ресурсы и технологии модернизации: материалы международной научно-практической конференции. Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2011. С. 97-101.

12. Юдина О. Л. Метафоры и метафорические модели в российском и англо-американском управленческом дискурсе: параллели и взаимодействие : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 25 с.

13. Даржаева Н. В. Управленческий дискурс в жанре интервью менеджера: функционально-прагматический аспект (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009. 24 с.

14. Мороз Е. В. Различные подходы к анализу управленческого дискурса // Актуальные вопросы переводоведения и лингвистики : материалы научной сессии ВолГУ. Волгоград, 2001. С. 64-70.

References:

1. Darzhaeva N. V. *Upravlencheskiy diskurs v zhanre interv'yu menedzhera: funktsional'no-pragmaticheskiy aspekt (na materiale angliyskogo yazyka) avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Management Discourse in the Manager's Interview: Functional and Pragmatic Aspects (Based on the English Language). Abstract of PhD Thesis in Philology]. Ulan-Ude, 2009. 24 p.

2. Dem'yankov V. Z. *Predikaty i kontseptsiya semanticheskoy interpretatsii* [Predicates and Semantic Interpretation

Perspective]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. Literatury i yazyka*. 1980. № 4. pp. 336-346.

3. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov pod obshch. red. E. S. Kubryakovoy* [Short Dictionary of Cognitive Terms Ed. Kubryakova E.S.]. M.: Izd-vo filol. fak. MGU, 1996. 245 p.

4. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Language and Knowledge: On the Way of Getting Knowledge of the Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View]; RAN, In-t yazykoznaniya. M.: Yaz. slavyan. kul'tury, 2004. 555 p.

5. Minskiy M. *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Framework for Knowledge Representation]. M.: Energiya, 1979. 151 p.

6. Moroz E. V. *Razlichnye podkhody k analizu upravlencheskogo diskursa // Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i lingvistiki: materialy nauchnoy sessii VolGU* [Different Approaches to Management Discourse Analysis // Highlights of Translation Studies and Linguistics: Proceedings of VolGU Scientific Conference]. Volgograd, 2001. pp. 64-70.

7. Sazhina O. Yu. *Upravlencheskiy diskurs: prinyatie resheniy v sisteme biznes-obrazovaniya // Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov 2011»* [Management Discourse: Decision Taking in the System of Business Education // Proceedings of International Scientific Conference of Students, PG Students, and Young Scientists "Lomonosov 2011"]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1275/12683_1961.pdf. (accessed: May 15, 2013)

8. Sorina G. V. *Argumentativnye praktiki i voprosno-otvetnye protsedury v upravlencheskom disкурse* // *Ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* [Persuasive Techniques, Questions and Answers in Management Discourse // Annals of St. Petersburg Philosophical Society]. SPb. 2006. Issue 6. pp. 160-174.

9. Stepanov Yu. S. *Konstanty: slov. rus. kul'tury: opyt. issled.* [Constants: Dictionary of Russian Culture: Study Pattern] M.: Yaz. rus. kul'tury, 1997. 824 p.

10. Shilina S. A. *Upravlencheskiy diskurs kak tekhnologiya modernizatsii vo vzaimootnosheniyakh gosudarstva i obshchestva. Traditsii i innovatsii v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii: resursy i tekhnologii modernizatsii* // *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Management Discourse as a Method of in the Relations Between Government and Society. Traditions and Innovations in State and Municipal Administration: Resources and Technologies of Modernization // Proceedings of International Scientific and Practical Conference]. Bryansk: Izd-vo Bryanskogo filiala RANKh-iGS, 2011. pp. 97-101.

11. Yudina O. L. *Metaforiy i metaforicheskie modeli v rossiyskom i anglo-amerikanskom upravlencheskom disкурse: paralleli i vzaimodeystvie. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphors and Metaphoric Models in the Russian and English Management Discourse. Abstract of PhD Thesis in Philology]. Ekaterinburg, 2012. 25 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

ДРЫГИНА

Юлия Анатольевна

кандидат филологических наук,
доцент

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

308015 Россия, Белгород,
ул. Победы 85

E-mail: drygina@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Yulia A. Drygina

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State National
Research University

85 Pobeda St., Belgorod, 308015,
Russia

E-mail: drygina@bsu.edu.ru

УДК 81.25.42

Е.А. Огнева
Elena A. Ogneva**КОМПЛЕКСНАЯ СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА
В КРОССКУЛЬТУРНОМ ПОЛЕ ПЕРЕВОДА***COMPLEX STRUCTURE OF FICTION CONCEPT
IN THE CROSS-CULTURAL SPHERE OF TRANSLATION***Аннотация**

В статье рассматривается художественный текст как комплексный исследовательский конструкт. Проводится когнитивно-герменевтический анализ архитектоники одного из концептосфер романа М. Булгакова «Белая гвардия». Выявляются параметры номинативных полей субконцептов, составляющих исследуемый художественный концепт «Весенний Киев». Проводится когнитивно-сопоставительный анализ номинантов номинативных полей выявленных художественных субконцептов «время», «пространство», «свет», «звук», «Днепр», «горожане», «власть». Устанавливается степень кросскультурной адаптации номинативных полей субконцептов при переводе романа на английский язык.

Ключевые слова: художественный текст, архитектоника, концепт, субконцепт, кросскультурная адаптация.

Abstract

The article deals with the literary text as the complex research construct. The cognitive-hermeneutic analysis of fiction concept architectonics is represented. The concept sphere of M. Boulgakov's

“The White Guard” is studied. The nominative fields' parameters of fiction concept named “Spring Kiev” are identified. The architectonics of fiction concept named “Spring Kiev” is studied as the unit of subconcepts: Time, Space, Light, Sound, the Dnieper, Townspeople, Power. The degree of cross-cultural adaptation of subconcepts' nominative fields at the translation from Russian to English is identified.

Key words: literary text, architectonics, concept, subconcept, cross-cultural adaptation.

Художественный текст как сокровищница многовекового культурного опыта народа не может не привлекать к себе внимание филологов. Специфика современных исследований заключается в сочетании классических и инновационных подходов к исследованию глубинной и поверхностной структур архитектоники текста. Под текстом понимается «целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией (замыслом) его автора» [1, с. 303]. На основе того факта, что различные по своей природе тексты

создают различные художественные миры в конце двадцатого века голландский учёный П. Верт разработал теорию текстовых миров [2]. П. Верт представил содержательный план текстового мира в виде концептуального пространства, создаваемого как писателем, так и читателями этого текста. Очевидно, что художественный текст, представляя собой объединённую смысловой связью последовательность языковых знаков, является обширным полем реализации множества культурных кодов, как базовых когнитивных символов-топиков языковой картины мира, которая имеет описательную, констатирующую проекцию. Примечательно, что модель мира имеет объяснительную проекцию, тем не менее, по мнению Н.Ф. Алефиренко «в обоих случаях единицей объяснения и описания служит концепт <...> как оперативная единица ментальности, которая на вербальном уровне обозначается словом, словосочетанием или фразеологизмом <...> и выполняет в структурировании картины мира роль стержневого элемента» [3, с. 25].

Взаимосвязь языковой и лингвокультурологической картины мира воплощается в универсальных и уникальных концептах, предстающих в художественных текстах в формате художественных концептов. Под художественным концептом нами понимается «компонент художественной концептосферы автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые сохранены исторической памятью народа и являются в сознании автора когнитивно-прагматически значимыми при развитии сюжета; создают когнитивную ауру произведения и требуют от переводчика

определённого уровня межкультурной компетенции» [4, с. 4]. Очевидно, что концептосфера художественного текста как совокупность художественных концептов, представляющих собой часть индивидуально-авторских концептов писателя, имеет комплексную, много-сегментарную структуру.

Исследуя архитектуру концептосферы художественного текста, по мнению А.А. Залевской, целесообразно иметь в виду тот факт, что «исходный смысл, закладываемый в текст его автором, передаётся через значения используемых слов, которые дважды выступают в роли медиаторов в пятичленной связи автор – проекция текста – тело текста – проекция текста – читатель, при этом означивание и спонтанная интерпретация текста протекают на базе личного опыта и связанных с ним переживаний разных людей» [5, с. 71], что приводит в совокупности к формированию многовекторного когнитивного дискурса как сложного коммуникативно-когнитивного явления, в котором текст играет системообразующую роль и наряду с текстом значимы все сопутствующие экстралингвистические факторы [6].

Многочисленные исследования доказывают тот факт, что дискурс, имея «мыслекоммуникативную природу <...>, относится к типу объектов, которые могут быть адекватно интерпретированы лишь в свете нелинейной парадигмы» [7, с. 33], тогда как художественный текст может представлять собой и линейный, и нелинейный исследовательский конструкт, концептосфера которого также представляет собой линейную или нелинейную модель мировоззренческой вселенной

писателя, реализованной в рамках когнитивно-сюжетной линии литературно-художественного произведения.

В качестве примера рассмотрим один из сегментов художественной концептосферы романа М. Булгакова «Белая гвардия», а именно, художественный концепт-уникалию ВЕСЕННИЙ КИЕВ в следующем контексте: *Однажды, в мае месяце, когда Город проснулся сияющий, как жемчужина в бирюзе, и солнце выкатилось освещать царство гетмана, когда граждане уже двинулись, как муравьи, по своим делишкам, и заспанные приказчики начали в магазинах открывать рокошующие шторы, прокатился по Городу страшный и злоеющий звук. Он был неслышанного тембра – и не пушка и не гром, – но настолько силен, что многие форточки открылись сами собой и все стекла дрогнули. Затем звук повторился, прошел вновь по всему верхнему Городу, скатился волнами в Город нижний – Подол, и через голубой красивый Днепр ушел в московские дали. Горожане проснулись, и на улицах началось смятение. Разрослось оно мгновенно, ибо побежали с верхнего Города – Печерска растерзанные, окровавленные люди с воем и визгом. А звук прошел и в третий раз и так, что начали с громом обваливаться в печерских домах стекла, и почва шатнулась под ногами. Многие видели тут женщин, бегущих в одних сорочках и кричащих страшными голосами. Вскоре узнали, откуда пришел звук. Он явился с Лысой Горы за Городом, над самым Днепром, где помещались гигантские склады снарядов и пороху. На Лысой Горе произошел взрыв. Пять дней жил*

после того Город, в ужасе ожидая, что потекут с Лысой Горы ядовитые газы. Но удары прекратились, газы не потекли, окровавленные исчезли, и Город приобрел мирный вид во всех своих частях, за исключением небольшого угла Печерска <...> германское командование нарядило строгое следствие, <...> город ничего не узнал относительно причин взрыва. Говорили разное. <...>. Кончилось все это тем, что о взрыве просто забыли [8].

Проведённый когнитивно-герменевтический анализ рассматриваемого контекста выявил комплексную структуру художественного концепта-уникалии ВЕСЕННИЙ КИЕВ, состоящего из следующих семи субконцептов: субконцепт ВРЕМЯ, субконцепт ПРОСТРАНСТВО, субконцепт СВЕТ, субконцепт ЗВУК, субконцепт ДНЕПР, субконцепт ГОРОЖАНЕ, субконцепт ВЛАСТЬ.

Рассмотрим номинативные поля каждого из перечисленных субконцептов. Субконцепт ВРЕМЯ. Время, его художественная репрезентация, привлекает исследователей в течение многих десятилетий. В текстах художественных произведений физическое время реализуется, как правило, в формате его художественной проекции. Проведённые исследования доказали, что отличие параметров этой художественной проекции от её прототипа обусловлено именно мировоззренческой темпоральной моделью мира писателя.

Художественная языковая темпоральная модель писателя отличается от параметров физического времени, которое представляет собой линейные, циклические, линеарные (индивидуальные) темпоральные когнитивные модели. Многообразие перечисленных

темпоральных художественных когнитивных моделей обусловлено тем, что «исследование способов концептуализации времени в сознании человека требует выявления различных характеристик соответствующего концепта» [9, с. 6]. Было выявлено, что в рассматриваемом контексте номинативное поле субконцепта ВРЕМЯ представлено тремя номинантами-хронемами: *однажды в мае месяце; (смятение) разрослось мгновенно; пять дней*. Под хронемой нами понимается «языковая единица, вербализующая темпоральный маркер в повествовательном контуре текста, репрезентирующий время как компонент невербального кода коммуникации» [10]. В соответствии с ранее обоснованной нами классификацией циклических хронем, которые подразделяются на четыре типа: «1) точечные, 2) пролонгированные, 3) предельные, 4) обобщающие» [11], в рассматриваемом номинативном поле субконцепта ВРЕМЯ выявлена точечная хронема *однажды в мае месяце*; пролонгированная хронема *пять дней*; обобщающая хронема *(смятение) разрослось мгновенно*. Перечисленные хронемы коррелируют с описываемым в тексте движением в пространстве, так как, ещё П.А. Флоренский отмечал: «Если мы говорим о механическом движении пространства, это значит, что никакая материальная точка не может очутиться в каком-то другом положении, не пройдя через все промежутки и находясь в них каждые последовательные моменты времени» [12], что создаёт предпосылки для исследования проксемических параметров наряду с темпоральными.

Субконцепт ПРОСТРАНСТВО. Художественная картина мира, которая

формируется под влиянием сложных когнитивных процессов осмысления и преломления действительности в художественной концептосфере текста, репрезентирует пространственные этнопредставления писателя как члена того или иного социума, «формирующего пространственную картину мира – неотъемлемую составляющую любой языковой картины мира» [13, с. 228], хранящую её и транслирующую в любой коммуникативной ситуации.

Номинативное поле субконцепта ПРОСТРАНСТВО, репрезентированное М. Булгаковым в исследуемом произведении, представлено двенадцатью номинантами-проксемами, имеющими различные параметры: (а) горизонтальная пространственная ось: *прокатился по Городу (звук), через Днепр ушел в московские дали; с верхнего Города – Печерска; (город) во всех своих частях*; (б) горизонтально-вертикальная пространственная ось: *(звук) прошел вновь по всему верхнему Городу*; (в) вертикально-горизонтальная пространственная ось: *скатился волнами в Город нижний – Подол; потекут с Лысой Горы ядовитые газы*; (г) точка в пространстве: *верхний Город, Город нижний; на Лысой Горе; за исключением небольшого угла Печерска; с Лысой Горы за Городом, над самым Днепром, где помещались гигантские склады снарядов и пороху*. Примечательно, что последняя из перечисленных точечных проксем представляет собой четырёхкомпонентный номинант.

В составе рассмотренного номинативного поля выявлены также топонимы: *верхний Город – Печерск, город нижний – Подол; Лысая Гора, московские дали*. Выявленные топонимы иг-

рают значимую роль в общей художественной пространственной картине Киева, так как по мнению Т.В. Хвесько и О.Ю. Черниченко «региональные топонимические системы образуют топонимическое пространство того или иного этноса <...>, дающее объективную информацию о формировании государства, механизме формирования народов, эволюции лингвоэтнических процессов» [14, с. 132].

Таким образом, очевидно, что номинанты номинативного поля субконцепта ПРОСТРАНСТВО многогранно отображают параметры художественного пространства, в рамках которого реализуется номинативное поле художественного концепта ВЕСЕННИЙ КИЕВ.

Субконцепт СВЕТО. Проведённый когнитивно-герменевтический анализ номинативного поля субконцепта СВЕТО выявил низкую частотность его номинантов, т.к. исследуемое поле состоит из только двух номинантов: двухсоставный номинант *Город проснулся сияющий, как жемчужина в бирюзе*, содержащий в своей структуре сравнительный оборот как жемчужина в бирюзе и номинант *солнце выкатилось освещать (царство)*, ядро которого, лексема *солнце*, является одновременно и ядром всего номинативного поля.

Субконцепт ЗВУК. В отличие от выше рассмотренного сегмента концептосферы номинативное поле субконцепта ЗВУК состоит из одиннадцати номинантов: *рокошующие шторы; страшный звук; зловещий звук; (звук) неслышанного тембра; (звук) и не пушка, и не гром; (звук) настолько силен; звук повторился; звук прошел и в третий раз; откуда пришел звук; окровавленные люди с воем и визгом; (женщины) кричащие*

страшными голосами. Примечательно, что один из номинантов содержит в своей структуре также пространственный параметр – *откуда пришел звук*.

Субконцепт ДНЕПР. Номинативное поле субконцепта ДНЕПР представлено в рассматриваемом контексте двухсоставным номинантом *голубой красивый Днепр*. Деление номинантов на односоставные и многосоставные было обосновано нами в работе «Когнитивно-дискурсивное пространство текста при переводе» [15], в которой «под односоставным номинантом понимается языковая структура, состоящая из ядра и одного или нескольких компонентов (зависимых слов), характеризующих какой-либо параметр: пространственный, временной, качественный, количественный и т.д. Например, в номинанте *убранство комнат не отличалось особым комфортом* ядром является словосочетание *убранство комнат*, а параметром качества – словосочетание *не отличалось особым комфортом*. Под многосоставным номинантом подразумевается языковая структура, состоящая из ядра и нескольких зависимых слов/словосочетаний, характеризующих два и более параметра (пространственные, временные, качественные, количественные и т.д.)» [15, с. 89]. Проведённые ранее исследования номинативных полей художественных концептов концептосферы «Белая гвардия» выявили высокую частотность включённости номинантов субконцепта ДНЕПР в другие концепты при их малом количественном составе. Не явился исключением и художественный концепт ВЕСЕННИЙ КИЕВ.

Субконцепт ГОРОЖАНЕ. Номинативное поле субконцепта ГОРОЖАНЕ

в рассматриваемом контексте представляет собой сочетание четырнадцати номинантов: *граждане уже двинулись, как муравьи; заспанные приказчики; горожане проснулись; на улицах началось смятение; растерзанные, окровавленные люди с воем и визгом; многие видели; женщины, бегущие в одних сорочках и кричащие страшными голосами; окровавленные исчезли; говорили разное; о взрыве просто забыли; город приобрел мирный вид. Три номинанта метонимичны: город проснулся; город ничего не узнал относительно причин взрыва; город в ужасе ожидал, что потекут с Лысой Горы ядовитые газы.*

Субконцепт ВЛАСТЬ. Номинативное поле субконцепта ВЛАСТЬ состоит из двух номинантов: *царство гетмана; германское командование (нарядило строгое следствие).*

Таким образом, проведённый когнитивно-герменевтический анализ номинативного поля художественного концепта-уникалии ВЕСЕННИЙ КИЕВ выявил комплексную структуру его архитектоники, состоящей из 7 субконцептов и 45 номинантов, а полученные результаты стали базой для проведения последующего когнитивно-сопоставительного интерпретативного анализа с целью выявления степени адаптированности этого художественного концепта-уникалии к восприятию инокультурным англоязычным читателем текста перевода, т.е. с целью установления соотношения симметрии/асимметрии параметров исходного номинативного поля и переведённого [подробнее о принципах симметричного/асимметричного перевода: 16].

В установлении степени симметрии/асимметрии номинантов номинативных полей концептосфер оригинального текста и переведённого именно интерпретация как когнитивный процесс установления смысла оригинального текста и переведённого выявляет степень допустимых преобразований при переводе, следовательно, принципы когнитивно-сопоставительного изучения концептосфер художественных текстов как совокупности художественных концептов в их оригинальной и переводной версиях актуальны и востребованы современным уровнем развития когнитивно ориентированной транслятологии, в следствие того, что когнитивно-сопоставительный системный подход к анализу различных приёмов перекодировки параметров номинативных полей художественных концептов, в частности лингвокультурологически обусловленной лексики как номинантов этих полей предполагает интегративное видение культуры и её текстовой проекции как единого когнитивного процесса.

Сопоставим выше перечисленные номинанты различных субконцептов, составляющих художественный концепт-уникалию ВЕСЕННИЙ КИЕВ, с их транслированными вариантами средствами английского языка в следующем контексте: *One day in May, when the City awoke looking like a pearl set in turquoise and the sun rose up to shed its light on the Hetman's kingdom; when the citizens were already going about their little affairs like ants; and sleepy shop-assistants had begun opening the shutters, a terrible and ominous sound boomed out over the City. No one had ever heard a noise of quite that pitch before - it was*

unlike either gunfire or thunder - but so powerful that many windows flew open of their own accord and every pane rattled. Then the sound was repeated, boomed its way around the Upper City, rolled down in waves towards Podol, the Lower City, crossed the beautiful deep-blue Dnieper and vanished in the direction of distant Moscow. It was followed instantly by shocked and bloodstained people running howling and screaming down from Pechyorsk, the Upper City. And the sound was heard a third time, this time so violently that windows began shattering in the houses of Pechyorsk and the ground shook underfoot. Many people saw women running in nothing but their underclothes and shrieking in terrible voices. The source of the sound was soon discovered. It had come from Bare Mountain outside the City right above the Dnieper, where vast quantities of ammunition and gunpowder were stored. There had been an explosion on Bare Mountain.

For five days afterwards they lived in terror, expecting poison gas to pour down from Bare Mountain. But the explosions ceased, no gas came, the bloodstained people disappeared and the City regained its peaceful aspect in all of its districts, with the exception of a small part of Pechyorsk <...>. The German command set up an intensive investigation <...>. The City learned nothing of the cause of the explosions. Various rumors circulated <...>. In the end people simply forgot about the explosions [17, с. 39].

Проведённый когнитивно-сопоставительный данного контекста выявил различную степень адаптации номинантов исследуемых номинативных полей семи субконцептов. В статье приняты следующие условные обозна-

чения: **S** – симметричный перевод номинанта, **A** – асимметричный перевод номинанта. Субконцепт ВРЕМЯ. Номинанты-хронемы переведены симметрично: точечная хронема *однажды в мае месяце* → *One day in May* (S); обобщающая хронема (*смятение*) *разрослось мгновенно* → *It was followed instantly* (S); пролонгированная хронема *пять дней* → *for five days* (S).

Субконцепт ПРОСТРАНСТВО. Из двенадцати номинантов-проксем шесть переведены симметрично и шесть асимметрично: (а) горизонтальная пространственная ось: (*звук*) *прокатился по Городу* → *sound boomed out over the City* (S), *через Днепр ушел в московские дали* → *crossed the Dnieper and vanished in the direction of distant Moscow* (A); *с верхнего Города – Печерска* → *from Pechyorsk, the Upper City* (A); (*город*) *во всех своих частях* → *City in all of its districts* (S); (б) горизонтально-вертикальная пространственная ось: (*звук*) *прошел вновь по всему верхнему Городу* → *the sound was repeated, boomed its way around the Upper City* (A); (в) вертикально-горизонтальная пространственная ось: *скатился волнами в Город нижний – Подол* → *rolled down in waves towards Podol, the Lower City* (A); *потекут с Лысой Горы ядовитые газы* → *expecting poison gas to pour down from Bare Mountain* (A); (г) точка в пространстве: *верхний Город* → *the Upper City* (S), *Город нижний* → *the Lower City* (S); *на Лысой Горе* → *Bare Mountain* (S); *за исключением небольшого угла Печерска* → *with the exception of a small part of Pechyorsk* (S); *с Лысой Горы за Городом* → *from Bare Mountain outside the City* (S); *над самым Днепром* → *right above the Dnieper* (S), *где помещались гигантские склады снарядов и пороха* → *where vast*

quantities of ammunition and gunpowder were stored (A). Топонимы, входящие в состав проксем, переведены преимущественно симметрично: *верхний Город* → *the Upper City* (S); *Печерск* → *Pechyorsk* (S); *город нижний* → *the Lower City* (S); *Подол* → *Podol* (S); *Лысая Гора* → *Bare Mountain* (S), *московские дали* → *distant Moscow* (A).

Субконцепт СВЕТ. Два номинанта переведены асимметрично: двухсоставный номинант *Город проснулся сияющий, как жемчужина в бирюзе* → *the City awoke looking like a pearl set in turquoise* (A); *солнце выкатилось освещать (царство)* → *the sun rose up to shed its light on (the kingdom)* (A).

Субконцепт ЗВУК. Из одиннадцати номинантов семь переведено асимметрично и четыре симметрично: *рокошующие шторы* → *the shutters* (A); *страшный звук* → *a terrible sound* (S), *зловещий звук* → *a ominous sound* (S), *(звук) неслыханного тембра* → *No one had ever heard a noise of quite that pitch before* (A); *(звук) и не пушка, и не гром* → *- it was unlike either gunfire or thunder* (A), *(звук) настолько силен* → *so powerful* (S); *звук повторился* → *the sound was repeated* (A); *звук прошел и в третий раз* → *the sound was heard a third time* (A); *откуда пришел звук* → *the source of the sound was soon discovered* (A); *окровавленные люди с воем и визгом* → *bloodstained people running howling* (A); *(женщины) кричащие страшными голосами* → *women shrieking in terrible voices* (S).

Субконцепт ДНЕПР. Двухсоставный номинант *голубой красивый Днепр* → *beautiful deep-blue Dnieper* (A).

Субконцепт ГОРОЖАНЕ. Из четырнадцати номинантов пять переведены симметрично и девять асимметрично:

город проснулся → *the City awoke* (S); *граждане уже двинулись, как муравьи* → *the citizens were already going like ants* (S); *заспанные приказчики* → *sleepy shop-assistants* (S); *горожане проснулись* → нулевой знак, асимметрия; *на улицах началось смятение* → *it was followed instantly by shocked* (A); *растерзанные, окровавленные люди с воем и визгом* → *bloodstained people running howling* (A); *многие видели* → *many people saw* (A); *женщины, бегущие в одних сорочках и кричащие страшными голосами* → *women running in nothing but their underclothes and shrieking in terrible voices* (A); *окровавленные исчезли* → *the bloodstained people disappeared* (A); *говорили разное* → *Various rumors circulated* (A); *о взрыве просто забыли* → *people simply forgot about the explosion* (A); *город приобрел мирный вид* → *the City regained its peaceful aspect* (S); *город ничего не узнал относительно причин взрыва* → *the City learned nothing of the cause of the explosions* (S); *город в ужасе ожидал, что потекут с Лысой Горы ядовитые газы* → *they lived in terror, expecting poison gas to pour down from Bare Mountain* (A).

Субконцепт ВЛАСТЬ. Из двух номинантов один переведен симметрично, а один асимметрично: *царство гетмана* → *the Hetman's kingdom* (A); *германское командование (нарядило строгое следствие)* → *the German command (set up an intensive investigation)* (S). Результаты проведенного когнитивно-сопоставительного анализа параметров номинативных полей исследуемых семи субконцептов, составляющих номинативное поле концепта-уникалии ВЕСЕННИЙ КИЕВ сведены в следующую таблицу.

Таблица 1

Степень адаптации номинантов при переводе на английский язык

Наименование субконцептов	Кол-во номинантов	% симметричного перевода	% асимметричного перевода
ВРЕМЯ	3	3 – 100%	-----
ПРОСТРАНСТВО	12	6 – 50 %	6 – 50 %
СВЕТ	2	-----	2 – 100%
ЗВУК	11	4 – 36 %	7 – 64%
ДНЕПР	1	-----	1 – 100 %
ГОРОЖАНЕ	13	5 – 38 %	9 – 63 %
ВЛАСТЬ	2	1 – 50 %	1 – 50 %
Итого	45	19 – 42 %	26 – 58%

Данные, приведённые в таблице, наглядно иллюстрируют преобладание асимметричного перевода на английский язык номинантов исследуемых нами номинативных полей семи субконцептов в составе концепта-уникалии ВЕСЕННИЙ КИЕВ. Однако, ряд субконцептов: субконцепт ПРОСТРАНСТВО и субконцепт ВЛАСТЬ адаптированы в равной степени симметрии/асимметрии, субконцепт ВРЕМЯ переведён симметрично, тогда как, например, субконцепт ГОРОЖАНЕ переведён преимущественно асимметрично, что подчёркивает неравномерность распределения степени адаптации каждого номинативного поля в рамках общего когнитивного художественного конструкта. В целом, когнитивно-герменевтический и когнитивно-сопоставительный анализ номинативного поля концепта-уникалии ВЕСЕННИЙ КИЕВ выявил комплексный характер данного исследователь-

ского лингвокультурологического конструкта, созданного М. Булгаковым в его романе «Белая гвардия». Именно комплексность этого художественного концепта и стала основной причиной его неполной адаптации к восприятию англоговорящими читателями.

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. L.: Longman. 1999.
3. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
4. Огнева Е.А. Моделирование этнокогнитивной архитектоники литературных произведений: монография. Germany: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 304 с.

5. Залевская А.А. Некоторые проблемы понимания текста // *Вопр. языкознания*. 2002. № 3. С. 62-73.

6. Карасик В.И. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.

7. Шевченко И.С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова // *Вісник Харків. нац. ун-ту*. 2003. № 586. С. 33-38.

8. Булгаков М. Белая гвардия. – М.: Правда, 1989. URL: <http://booksss.ru> (дата обращения: март 2014).

9. Болдырев Н.Н. Лексический способ концептуализации времени в современном английском языке / Н.Н. Болдырев, Д.В. Маховикова // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2012. № 2. С. 5-15.

10. Огнева Е.А. Типологизация и структурирование когнитивной сцены художественного текста / Е.А. Огнева, Ю.А. Кузьминых // *Современные проблемы науки и образования*. Филол. науки. №6. 2012. URL: <http://www.science-education.ru/106-7379> (дата обращения: март 2014).

11. Огнева Е.А. Темпоральная когнитивная сетка художественного текста: тенденции кросскультурной адаптации // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 3 (Электронный журнал) URL: <http://www.science-education.ru/109-9354> (дата обращения: 13.06.2013).

12. Флоренский П.А. Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях // *Исследования по теории искусства*. М.: Мысль, 2000. С. 79-421. URL: http://philologos.narod.ru/florensky/fl_space.htm (дата обращения: 13.06.2013).

13. Корнева В.В. Национально-культурное своеобразие пространственного мышления и перевод // *Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. Вып.8*. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 422-431.

14. Хвесько Т.В. Системообразующая роль мотивации топонимов в языковой картине мира / Т.В. Хвесько, О.Ю. Черниченко // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2011. № 1. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина. Ин-т языкознания РАН. С. 132-135.

15. Огнева Е.А. Когнитивно-дискурсивное пространство текста при переводе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2012. № 1. С. 88-95.

16. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

17. Bulgakov M. The White Guard / Tr. from Russian by Michael Glenny. – Great Britain: McGraw-Hill Book Company, 1971. – 196 p.

References:

1. Alefirenko N.F. The Disputable Problems of Semantics. M.: Gnozis, 2005. 326 p.

2. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. L.: Longman. 1999.

3. Alefirenko N.F. Language, Cognition, Culture: Cognitive-semiological Synergy of Word. Volgograd: Peremena, 2006. 228 p.

4. Ognrva E.A. Modeling of Ethnocognitive Architectonics of Fictions. Germany: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 304 p.

5. Zalevskaya A.A. Some problems of Text Understanding // Linguistics Issues. 2002. № 3. pp. 62-73.

6. Karasik V.I. About Discourse Types // Lingual personality: Institutional and Personal Discourse Volgograd: Peremena, 2000. pp. 5-20.

7. Shevchenko I.S. Discourse as Thought-communicative Formation / I.S. Shevchenko, E.I. Morozova // Vestnik of Kharkiv University. 2003. № 586. pp. 33-38.

8. Boulgakov M. The White Guard. M.: Pravda, 1989. URL: <http://booksss.ru> (accessed March, 2014).

9. Boldirev N.N. Lexical Method of Temporal Conceptualization at Modern English / N.N. Boldirev, D.V. Mahovikova // Issues of Cognitive Linguistics. 2012. № 2. pp. 5-15.

10. Ogneva E.A. Typologization and Structuring of Fiction Cognitive Screen / E.A. Ogneva, Yu.A. Kuzminikh // Contemporary Problems of Science and Education. Philological Sciences. №6. 2012. URL: <http://www.science-education.ru/106-7379> (accessed March, 2014).

11. Ogneva E.A. Temporal Cognitive Matrix of fiction: Tendencies of Cross-cultural Adaptation // Contemporary Problems of Science and Education. Philological Sciences. 2013. № 3 URL: <http://www.science-education.ru/109-9354> (accessed June 13, 2013).

12. Florensky P.A. Analysis of Space and Time at Fictions // Researches at the Art Theory. M.: Misl, 2000. Pp. 79-421. URL: http://philologos.narod.ru/florensky/fl_space.htm (accessed June 13, 2013).

13. Korneva, V.V National-cultural Specificity of Space Thought and

Translation // Social-cultural Problems of Translation. №.8. Voroneg: BSU, 2008. pp. 422-431.

14. Khvesko T.V. Systematical Role of Toponym Motivation at Linguistic World Model / T.V. Khvesko O.Yu. Chernichenko // Issues of Cognitive Linguistics. 2011. № 1. Tambov: TSU. pp. 132-135.

15. Ogneva E.A. Cognitive-discursive Textual Space at the Translation // Vestnik RUPF. 2012. № 1. pp. 88-95.

16. Garbovsky N.K. The Theory of Translation. M.: MSU, 2004. 544 p.

17. Bulgakov M. The White Guard / Tr. from Russian by Michael Glenny. – Great Britain: McGraw-Hill Book Company, 1971. 196 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

ОГНЕВА

Елена Анатольевна

*доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН, доцент
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

308015 Россия, Белгород,
ул. Победы, 85
E-mail: ogneva@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Elena A. Ogneva

*Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor*

Belgorod State National Research
University

Flat 514, 85 Pobeda St., Belgorod,
Russia 308015

E-mail: ogneva@bsu.edu.ru

И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова
Igor V. Chekulai, Olga N. Prokhorova

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА ВЛАСТЬ
В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

THE AXIOLOGICAL SPECIFICITY OF THE CONCEPT POWER
IN A SEMANTIC STRUCTURE OF THE SET EXPRESSIONS
IN ENGLISH AND RUSSIAN

Аннотация

В статье рассматриваются аксиологические потенциалы фразеологических единиц, передающих концепт ВЛАСТЬ, в современных английском и русском языках. Отмечаются как общие концептуальные ценностные характеристики ВЛАСТИ в обоих языках, так и их национально-культурная специфика в различных языковых менталитетах. В целом отношение к власти у обоих языковых коллективов гомогенно, что обусловлено универсальным характером власти в её осмыслении независимо от принадлежности к специфической культуре. Было установлено, что в основе такой гомогенности лежат аксиологические факторы, т.е. ВЛАСТЬ осознаётся прежде всего как определённая ценность.

Ключевые слова: ценность; оценка; лингвоаксиология; фразеологические единицы.

Abstract

The article views the axiological potentials of the set-expressions explicating the concept POWER in modern English and Russian. Both common conceptual value characteristic features of POWER of the said languages and their national and cul-

tural specific peculiarities have been noted. In general, both language collectives possess a homogeneous attitude to the authorities which is determined by universal association of POWER irrespectively of a certain culture. It has been found out that such homogeneity is determined by certain axiological factors, as POWER is generally thought as a certain value.

Key words: value; evaluation; linguistic axiology; set-expressions.

Понятие «власть» окружает нас с наших первых шагов в жизни. Уже в детском возрасте мы начинаем понимать нашу зависимость от родителей. В школе добавляется понимание того, что учитель занимает особое положение по отношению не только к отдельному ученику, но и к классу в целом, и в эти же годы начинается первичное осмысление понятия государственной власти. Попад в систему какой-либо силовой структуры, высшего учебного заведения, предприятия, организации или административного органа, молодой человек или девушка не могут оказаться вне системы иерархических отношений внутри определённой социальной группы, структуры, государства, и мировых отношений.

В то же время, будучи обычными, «нормальными» с точки зрения средне-

го по положению, культурному и образовательному уровню человека, далеко не всегда мы можем до конца осознать все хитросплетения этого сложного понятия. Власть может развратить человека и облагородить его, выявить его худшие и его лучшие черты, или же наоборот скрыть их. Тактика власть предержащих по отношению к собственному народу может казаться простой, иногда примитивной, или же, напротив, сложной, изощрённой. Человек может сам иметь власть над другими людьми или же быть подвластным. Таким образом, *власть* является достаточно сложным понятием, которое по всем параметрам подходит под следующее лингвистическое определение концепта, сформулированное Ю.С.Степановым:

«Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее».

Понятие ВЛАСТЬ очень удачно соответствует данным онтологическим параметрам концепта. Именно осмысление власти приводит к первичному абстрагированному понятию иерархии как одной из основных структур мироздания. Человек входит в культуру через познание, эмпирику чувств и ощущений, через осознание себя как части такой иерархии мироздания. В его сознании возникает доступная пониманию связь различных явлений природы, общества, закономерностей собственного развития в комплексе

У русского народа всегда было особое отношение к власти. Но, очевидно, это особенность не только русского народа, а универсальная черта человеческого менталитета в целом, поскольку вопрос о власти, начиная от власти старейшин первобытного общества и кончая властной структурой XXI века, всегда был одной из важнейших проблем функционирования социального организма.

В Священном Писании встречается много апелляций к данной проблеме, и все они имеют далеко неоднозначное решение. Интересная трактовка отношения к власти встречается в частности, в Евангелии от Матфея:

Больший из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится (Матф., (Гл. 23, ст.11-12)).

Власть как таковая всегда находилась в двойственном, щекотливом положении; с одной стороны, необходимо удерживать своё господствующее положение, а с другой стороны, необходимо если не заигрывать с подданными, то, по крайней мере, суметь не перегнуть палку в отношениях власть имущих и людей. Именно по этой причине народ, видящий это двойственное положение, в зависимости от ситуации по-разному относится к власти. Это всё находит отражение и в системе языка в целом, и во фразеологической системе языка, в частности.

Переходя к языковому осмыслению данного явления, считаем необходимым обратиться к словарным дефинициям данного термина в русском языке:

1. Право управления государством, политическое господство, права и пол-

номочия государственных органов. 2. Органы государственного управления, правительство, должностные лица, начальство. 3. Право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем-либо или чем-либо. 4. Могущество, господство, сила. *Ваша власть* – как вам угодно, ваше дело. *В моей (твоей, его и т.д.) власти* – зависит от меня, касается меня. *Во власти или под властью* – под воздействием, под влиянием. *Отдаться во власть, отдаться или предаться власти* – подчиниться кому-либо или чему-либо, оказаться под воздействием кого-то или чего-то. *Терять власть над собой* – терять самообладание. Глагол “властвовать” используется в значениях управлять, править (страною, государством), подчинив своей воле, распоряжаться кем-либо или чем-либо, управлять, оказывать . воздействие, подчинять своему влиянию [1, с. 183–184].

В английском языке слово *power* употребляется в следующих значениях:

1. способность делать что-то или действовать... 2 определенная способность (свойство) человеческого тела или ума... 3 а правление, влияние или авторитет; б политическое или социальное господство или контроль... 4 санкция, делегированный авторитет... 5 персональное господство; 6 влиятельный человек, группа или организация... 7 а военная сила; б государство, имеющее международное влияние, особенно основанное на военной силе... 8 сила, энергия; 9 действующее свойство или функция чего-либо... 10 разг. большое число или количество чего-либо... 11 возможность использовать механическую силу или делать какую-то рабо-

ту (*лошадиная сила*). 12 механическая или электрическая энергия (в отличие от ручного труда)... 13 а доставка (особ. электрической) энергии; б определенный источник или форма энергии (гидроэлектрическая энергия); 14 используемая механическая сила... 15 физ. показатель выходной мощности; 16 продукт, полученный в результате увеличения (умножения) какого-то числа в несколько раз... 17 увеличительная способность линз...” [2, р. 1135–1136].

Как нетрудно заметить, в основе этих дефиниций лежит такой деонтологический признак, как *возможность, способность*. Действительно, человек или группа людей, обладающих властью в социуме в целом или в определенной области развития данного социума, всегда имеют какие-то дополнительные возможности по сравнению с «простыми» людьми.

С другой стороны, очень важным семантическим компонентом, слагающим понятие ВЛАСТИ, является СИЛА. Именно в этой области наблюдается большое количество метафорических и метонимических переносов, как правило, представленных ассоциациями с определёнными лицами или животными. Так, в русском языке очень много пословиц, представляющих концепт ЦАРЬ, в частности:

Народ – тело, царь – голова.

Нельзя земле без царя стоять.

Царь думает, а народ ведает

[4, с. 199-200].

То же следует сказать и об английском языке, где соответствующий, но не совпадающий по семантическим параметрам концепт *KING* имеет аналогичные речевые экспликации, в частности:

*The King can do no wrong.
Kings go mad, and the people
suffer for it.*

Kings have long arms [3, с. 425].

Что же касается анималистической семантики в области фразеологии, отражающей концепт ВЛАСТЬ, подавляющее большинство случаев относится к метафоре власти в знаковой форме таких животных, как лев и орёл (или иная хищная птица), как в русском, так и в английском языке. Это, очевидно, явная семиотическая универсалия, поскольку символика орла (Российская Федерация, США, Соединённые Штаты Мексики, Австрии и многих других стран) является характерной чертой оформления гербов государств. Но то же можно сказать и о льве (Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Чешская Республика и др.). Примечательно, что ни в русском, ни в английском языках данная семантическая черта не нашла яркого отражения в семантической структуре фразеологических единиц. Тем не менее, отдельные случаи употребления лексических единиц, отражающих данные концепты, находят отражение в устойчивых словосочетаниях английского и русского языков в несколько иной импликации: неустойчивого, опасного положения в контакте с кем-то сильным, обладающим властью, в частности:

The lion is not so fierce as he is painted (ср.: англ. *The devil is not so black as he is painted*, рус. *Не так страшен чёрт, как его малюют*).

В принципе, семантика власти весьма обширна для того, чтобы передать все её тонкости в рамках одной статьи. Поэтому мы хотели бы остановиться

только на одной стороне типологических признаков данных концептов в их отражении в фразеологической системе языка, а именно, на аксиологической специфике фразеологических единиц с данными компонентами. Что же касается предметного содержания концепта ВЛАСТЬ, то в пределах данной статьи мы хотели бы остановиться на прототипическом значении, наиболее часто ассоциируемом в связи с данной лексической единицей, а именно – на государственной власти.

Как известно, аксиология является составной частью философских знаний, предметом которой являются ценность и оценка как порождения человеческой мысли в отражении внешних феноменов. Мы намеренно не говорим «оценочная специфика фразеологизма», поскольку, как будет показано дальше ценность и оценка не суть одно и то же. Ценность является квалификационным представлением о людях, живых существах, вещах, природных и социальных феноменах и тому подобному, а оценка – это отражение ценности в формах экспликации человеческих знаний, и прежде всего – в форме языковых единиц, в том числе и фразеологических. Поэтому следует различать ценностное содержание определённых концептов и их оценочную экспликацию, которую и следует назвать оценкой [6].

С этих позиций ВЛАСТЬ, несомненно, является ценностью. Можно по-разному судить об одном и том же временном состоянии дел в государстве, непосредственно связываемым с людьми, стоящими у его руля, и, как правило, так и происходит. Оценки

разнятся, но объективно состояние государства в годы правления определённого человека представляет собой историческую ценность.

Такая ценностная специфика концепта ВЛАСТЬ получает очень противоречивые оценочные импликации в форме фразеологических единиц языка в абстракции концепта ВЛАСТЬ от определённого периода в правлении той страны, в языке которой существуют такие поговорки. Наиболее важным в исследовании данного феномена, по нашему мнению, является то, что, независимо от страны и языка, независимо от общего взгляда на историю государственной власти в стране фразеологическая система отражает ценностную и оценочную многогранность этого понятия. Обратимся непосредственно к устойчивым единицам английского и русского языков.

Как отмечалось выше, наиболее стабильная метонимическая модель связывает власть с правителем или иным главным лицом в иерархии государственной системы. В русском языке это ЦАРЬ, а в английском – KING.

К царю-батюшке люди относились по-разному, что и нашло отражение в таких специфических поговорках:

Положительное оценочное содержание:

Нельзя земле без царя стоять.

Без царя – земля вдова.

Царь города бережет.

Царь от Бога пристав и др.;

Противоречивое оценочное содержание:

Не судима воля царская.

У царя руки долги. Царский глаз далече сягает.

Близ царя – близ смерти. Близ царя – близ чести и др.

Отрицательное оценочное содержание:

Царь не огонь, а, ходя близ него, опалишься.

Царю из-за тына не видать.

Царские милости в боярское решето сеются. [4, с. 199-200]

В английском языке количество пословиц с вершинным лексическим компонентом *king* намного меньше, нежели в русском, но и эти показатели дают достаточно объективную картину противоречивой оценочной квалификации высшей государственной власти:

– положительное оценочное содержание:

The king can do no wrong.

– отрицательное оценочное содержание:

Kings go mad, and the people suffer for it.

Kings have long arms. [3, с. 425]

Говоря о принципиальной гомогенности неоднозначного отношения к высшей государственной власти в оценочно-фразеологической картине мира в английском и русском языках, следует, однако, заметить, что в русском языке выделяются две важные фразеологические сферы, о существовании которых в английской фразеологии в системном виде говорить едва ли можно. Это сферы отношения царя к Богу и к своему близкому окружению.

Бог как высшая абсолютная и тем самым наиболее справедливая власть всегда представляется носителем положительного оценочного отношения к власти. Царь же может выступать либо в качестве верного слуги и сорат-

ника Господня, либо же он предстаёт в антитезе Богу, поскольку царь – это человек с его слабостями и недостатками. Именно поэтому пословицы этой подсферы можно разделить на две группы:

– Царь – соратник Бога, его представитель на земле:

Бог помилует, а царь пожалует. Бог помилует, так и царь пожалует.

Кто Богу не грешен, царю не виноват.

Всё во власти Божией да государевой.

Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится и др.

– Царь – не Бог, а человек со слабостями:

Народ согрешит – царь умолит; царь согрешит – народ не умолит.

Суд царев, а правда – Божия.

Без правды боярской царь Бога прогневит [4, с. 199-201].

Здесь также можно условно выделить подсферу, где отношение к царю в связи с его ролью как главного Божьего слуги противоречиво и зависит от той ситуации. Где эксплицируются данные фразеологические единицы:

Одному Богу государь ответ держит.

За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует.

Коли царь Бога знает, Бог и царя и народ знает [4, с. 200].

Другая важная оценочная сфера ценностного отношения к высшей государственной власти как единой аксиологической сущности является отношение царя и его близкого окружения, прежде всего, тех прочих государственных деятелей и даже просто царской обслуги,

которые прямо или косвенно оказывают влияние на государственную политику. В русском менталитете сложилось достаточно устойчивое мнение о том, что благие намерения правителя всегда искажаются его приближёнными, ищущими личную выгоду, и на эту тему существует достаточно большое количество пословиц, в частности:

Жалует царь, да не жалует псарь. Волю царю дать ино и псарю.

В этой пословице отражается известная историческая аллюзия на опричнину во времена правления Ивана Грозного. Как известно, своего рода эмблемой опричнины была метла с собачьей головой, за что их в народе и прозвали «псарями».

Интересны и другие многочисленные пословицы данной оценочной сферы:

Не от царей угнетение, а от любимцев царских.

Не бойся царского гонения, бойся царского гонителя.

Царю из-за тына не видать.

Царь гладит, а бояре скребут.

Не князь грешит, а думцы наводят и др. [4, с. 199-201]. ср. также в украинском *Не так страшні пани, як підпанки.*

В отношении простого народа к «промежуточной» власти также наблюдаются черты, общие и в русском, и в английском менталитете, и это находит отражение в устойчивых словосочетаниях. В целом можно утверждать, что и у русского, и у английского народов в целом сложилось отрицательно-недоверчивое отношение к власти предрержащим. Здесь можно выделить следующие ценностно-оценочные подсферы:

– суд и юриспруденция: в русском языке *Не бойся закона, бойся судьи; Закон как дышло: куда повернёшь – туда и вышло; Законы святы, да законники супостаты*, в английском языке *as grave as a judge* (т.е. надутый, важный); *devil's advocate* (злостный критикан, злопыхатель);

– высшее военно-морское начальство: в русском языке *Красная нужда – дворянская служба; Не довернёшься – бьют, и перевернёшься – бьют* (солдатская поговорка со значением «Начальству не угодишь»), в английском языке *The admiral of the red* (военно-морской фразеологизм, означающий пьяницу, обычно высокого ранга);

– начальник безотносительно сферы деятельности: в русском языке *Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак; Хоть мочальник, да твой начальник; Из грязи да в князи; Кто в кони пошёл, тот и воду вози!*

В английском языковом менталитете концепт, соответствующий русскому НАЧАЛЬНИК, не выражен столь чётко, как в русском понимании слова, выражающего данный концепт. В российском сознании это даже не составная часть концепта ВЛАСТЬ, а особый концепт, важная составляющая единого мировоззрения на общество. В концепт НАЧАЛЬНИК вполне можно включить такие частные концептуальные данности, как ЧИНОВНИК, МИЛИЦИОНЕР (в особенности в клише «Гражданин начальник»), ШЕФ и некоторые другие. В просторечии даже в обращении, например, к водителю маршрутного такси употребляется лексема *командир*, отражающая данный концепт. В английском языке лексическое поле

для выражения представителя частного проявления власти не является столь обширным, и поэтому количество фразеологических единиц с использованием соответствующих лексем в этом языке также в целом малочисленно. Среди ярких примеров их использования можно указать следующие:

Lord and master (шутл. супруг и повелитель; хозяин, глава), *New lords, new laws* (приблизительно соответствующее русскому «Новая метла по новому метёт»); *Like master, like man* («Каков хозяин, таков и работник»); *Serve two masters*.

Хотелось бы отметить ещё одну важную общую черту, отмечающую фразеологические единицы, обозначающие представителя частной формы власти, в английском и русском языках. Это высокая степень их метафоричности. Для обозначения начальства используется достаточно большое количество лексем из семантических сфер растительного и животного мира, например *Большая шишка, Большой перец, Вожак стаи, Big fish/big dog/big bug* и многие другие.

Таким образом, результаты данного исследования позволяют сделать вывод об универсальном характере концепта ВЛАСТЬ. В языке это проявляется не только в соответствующем лексическом инвентаре передачи данной структуры знания, но и в основном соответствии структуры фразеологических средств для экспликации данного концепта в языке и речи. Основания для этого даёт проведённый лингвоаксиологический анализ соответствующих ФЕ, передающих отношение к власти и власть предержащим.

Литература:

1. The Oxford English Reference Dictionary / ed. by J. Pearsell and B. Trumble. 2nd ed. Oxford, New York: Oxford University Press, 1996.

2. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. Изд. 5-е, перераб. М.: Рус.яз.- Медиа, 2005. 1210 с.

3. Пословицы русского народа: сборник В.И.Даля. 2-е изд., стереотип. М.: Рус.яз. Медиа, 2006. 814 с.

4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр.и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

5. Чекулай И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: Дис. ... д-ра филол. наук, Белгород, 2006. 473 с.

References:

1. The Oxford English Reference Dictionary / ed. by J. Pearsell and B. Trumble. 2nd ed. Oxford, New York: Oxford University Press, 1996.

2. Koonin A.V. *Bol'shoi anglo-russkij frazeologicheskij slovar'* [The Big Anglo-Russian Dictionary of Set-Expressions]. 5th Ed., revised. Moscow, 2005. 1210 p.

3. *Poslovitsi russkogo naroda: sbornik V.I.Dalja* [The Proverbs of the Russian Folk Composed by Dal' V.I.]. 2nd Ed., stereotype. Moscow, 2006. 814 p.

4. Stepanov Ju.S. *Constanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: The Dictionary of Russian Culture]. 2nd Ed., rev. and upd. Moscow, 2001. 990 p.

5. Chekulai I.V. *Tsennost' i otsenka v kategorial'noy structure sovremennogo angliyskogo yazyka* [Value and Evaluation in the Categorical Structure of the English Language]. Doctoral Thesis. Belgorod, 2006. 473 p.

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ:****ЧЕКУЛАЙ**

Игорь Владимирович

доктор филологических наук,
профессор

Белгородский государственный
институт искусств и культуры
308033 Россия, ул. Королева, 7

E-mail: chekulai@bsu.edu.ru

ПРОХОРОВА

Ольга Николаевна

доктор филологических наук,
профессор

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

308015 Россия, Белгород,
ул. Победы 85

E-mail: prokhorova@bsu.edu.ru

**DATA ABOUT
THE AUTHORS:****Igor V. Chekulai**

Doctor of Philology, Professor

Belgorod State Institute
of Arts and Culture

7 Koroleva St., Belgorod,
308033, Russia

E-mail: chekulai@bsu.edu.ru

Olga N. Prokhorova

Doctor of Philology, Professor

Belgorod State National
Research University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: prokhorova@bsu.edu.ru

РАЗДЕЛ III.**ЭТНОЛИНГВИСТИКА
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ****ETHNOLINGUISTICS
AND CULTURAL LINGUISTICS****Багана Жером**
Baghana J.**СОМАТИЗМЫ «TÊTE» И «BOUCHE»
В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
АФРИКАНИЗМОВ***SOMATISMS «TÊTE» AND «BOUCHE» AS A
PART OF PHRASEOLOGICAL AFRICANISMS***Аннотация**

В данной статье рассматриваются фразеологические африканизмы французского языка Африки, содержащие в себе соматизмы yeux – «глаза» и bouche – «рот», сравнивается их смысловое содержание относительно французского языка Франции. Данный анализ раскрывает национально-культурную специфику территориального варианта французского языка.

Ключевые слова: фразеологизмы, африканизмы, французский язык, соматизмы, национально-культурная специфика, Африка.

Abstract

The article points out the phraseological Africanisms of African French, containing the somatisms yeux – «eyes» and bouche – «mouth», and compares their semantic content in relation to the French language in France. The analysis reveals the national and cultural character of territorial variants of the French language.

Key words: phraseological units; Africanism; the French language; somatism; cultural identity; Africa.

Фразеологические африканизмы, в состав которых входят лексемы, обозначающие части тела, являются самыми распространенными в Африке. Семантика таких фразеологизмов очень широка, с их помощью обычно описывают характер человека, его внутренние ощущения, его восприятие внешнего мира. При этом их смысловое содержание в Европе и Африке часто не совпадает, именно поэтому изучение фразеологических африканизмов является теоретически значимым вопросом.

Целью данной работы является рассмотрение фразеологизмов, входящих в одну из самых крупных групп – tête. Это фразеологические африканизмы с соматизмами yeux – «глаза» и bouche – «рот». Мы опишем их место в общей африканской фразеологии и сравним с фразеологией Европы.

Слабая изученность данного вопроса и отсутствие анализа имеющихся фразеологических африканизмов с элементами соматизмов составляет актуальность исследования. Также изучение фразеологии позволяет более четко выявить национально-культурную специфику французского языка Африканского континента.

Методологической основой служат фундаментальные положения

лингвистики о связи языка и действительности.

Несомненной является связь лексем *yeux* и *tête* как по признаку передачи увиденного в мозг, так и по месту положения.

Действительно, по мнению И.Г. Татаровской, глаз – это орган чувств (анализатор), который дает информацию об окружающем мире. Благодаря глазам человек получает определенные сведения о душевном состоянии собеседника. Например, когда сомневаются в каком-то высказывании человека, говорят: «Посмотри мне в глаза» [3, с. 42-43]. «Бамбара говорит: глаза человека – то его желания; мир человека – это его глаза» [2, с. 230]. Рассмотрим еще некоторые примеры:

Ouvrir les yeux (рег.) – (букв. открыть глаза) – «быть внимательным, осторожным».

Данный фразеологический африканизм встречается даже во французском языке метрополии, где лексема *yeux* приобретает иное значение, соотносясь с выражением внутренней сути человека, его эмоций:

ouvrir de grands yeux – (букв. широко открыть глаза) – «сильно удивиться»;

faire les yeux rouges (рег.) – (букв. делать глаза красными) – «сердиться». *Tes yeux bleux étaient rouges. La colère respirait en toi* – «Твои голубые глаза покраснели, ты излучал гнев».

В стандартном французском языке мы видим фразеологические единицы, которые имеют гораздо большее отношение к обзору окружающего мира, нежели к обращению внутрь человека, к его чувствам:

avoir des yeux clairs – (букв. иметь ясные глаза) – «быть начеку»;

avoir l'oeil – (букв. иметь глаз) – «следить, остерегаться»;

oeil de maître – (букв. глаз хозяина) – «хозяйский глаз».

В Европе глаза – это символ познания человеком того, что его окружает, тогда как в Африке они являются своего рода инструментом познания чувств человека, т.е. того, что находится внутри. В этой связи отмечаются следующие фразеологические единицы:

avoir à l'oeil (рег.) – (букв. иметь перед глазами) – «иметь все, что угодно». *Il est très riche, il a tout à l'oeil* [4] – «Он очень богат, у него есть все, что угодно»;

avoir l'oeil mince (Буркина-Фасо) – (букв. иметь тонкий глаз) – «сожалеть». *Pardon, pardon! Faut avoir l'oeil mince* [9] – «Извините, извините. Сожалею»;

promener l'oeil (Того) – (букв. прогуливать глаз) – «внимательно рассматривать». *A force de promener l'oeil sur toutes les filles, tu tomberas dans le trou* [7] – «Из-за того, что ты внимательно рассматриваешь девушек, ты попадешь впросак».

Фразеологический состав лексики *oeil* включает в себя большое количество калек из африканских языков различных тематических групп (*curiosité* – «любопытство», *enfance* – «детство», *expérience* – «опыт», *génération* – «поколение», *faim* – «голод», *jouissance* – «наслаждение», *habitude* – «привычка», *justice* – «справедливость» и другие).

Лексема *oeil* концентрирует в себе ассоциативное значение понятия, которое проявляется посредством зрительного анализатора – *curiosité* – «удивление». Здесь глаз ассоциируется с органом, способным воспринимать информацию, передавая ее в мозг. *L'oeil*

de curieux est creux [8, с. 85] (мossi / Буркина-Фасо) – (букв. глаз удивленного – пустой) – «Удивленный человек становится подозрительным из-за того, что он увидел».

Как и в случае с лексемой *ventre, oeil* имеет сходное значение *faim* – «голод». *Si le ventre ne dort pas, est-ce l'oeil qui doit dormir* (бамун / Камерун) – (букв. если живот не спит, должен ли спать глаз?) – «Голодный желудок провоцирует бессонницу».

Как и европеец, африканец постепенно привыкает к тому, что он видит. Отсюда вытекает еще одно значение лексемы *oeil – habitude* – «привычка». *Le défaut n'a pas d'yeux* (рег.) – (букв. у ошибки нет глаз) – «Дурная привычка делает слепым».

Человек в силу своего характера обладает различными качествами как положительными, так и отрицательными. Одно из положительных качеств – это *justice* – «справедливость», тема которой содержится в значении лексемы *oeil*. *C'est à l'oeil qui a vu la fumée d'aller retirer les braises du feu* [4, с. 54] (бассар / Того) – (букв. именно глаз, увидевший дым, должен выносить искры). Данный ФА говорится свидетелям ссоры, когда они призываются в свидетели. *L'oeil peut se blesser quand il regarde* [4, с. 87] (зулу / Южная Африка) – (букв. глаз может пораниться, когда он смотрит) – «Каждому свойственно ошибаться».

Тематическая группа *débrouillardise* – «находчивость» также находит свое отражение во фразеологических единицах, содержащих лексему *oeil*. Глагол *se débrouiller* в Африке имеет важное значение. Многие африканцы, которые не работают, употре-

бляют данный глагол в значении «выкручиваться», «делать все возможное, чтобы прожить». И нередко в Африке можно услышать такие ФА, как: *il se débrouille* (рег.) – «он делает все для того, чтобы питаться» или *La liane n'a pas d'yeux et pourtant elle arrive au-dessus du toit* [7] (сонинке / Мали) – (букв. лиана не имеет глаз, но, тем не менее, она поднимается высоко над крышей), которым обозначают преуспевающего человека.

Фразеологические африканизмы всячески подчеркивают силу слова и пословицы. Данная тематическая группа четко просматривается даже в значении лексемы *oeil*. *Un bon proverbe ne frappe pas aux sourcils, mais dans les yeux* [7] (бамбара / Мали) – (букв. хорошая пословица не бьет в бровь, но в глаз) – «Смысл сказанного должен быть ясен незамедлительно».

Сила слова в Африке традиционна. На данном континенте традиции чтят и помнят. В подтверждение этому мы обнаруживаем в значении изучаемой лексемы тематическую группу *tradition* – «традиция». *Le vieil oeil finit, le vieille oreille ne finit pas* [8, с. 64] (маньянка / Мали) – (букв. старый глаз заканчивается, старое ухо – нет). Указанный ФА напоминает о важности передачи традиций из уст в уста, от поколения к поколению.

Тема фетишизма также обнаруживается во фразеологических африканизмах с лексемой *oeil*. И в данном случае глаза – это основной инструмент. Вождь племени всегда все замечает, хотя и хранит молчание. Посредством зрения он контролирует все передвижения в племени. О таких людях говорят *L'oeil du chef du village voit tout, mais il*

ne voit jamais le diable [11] (пер.) – (букв. глаз вождя видит все, но он никогда не видит дьявола) – «вождь видит все, но молчит». О данных представителях в Африке бытует мнение, что у них не два, как у обычных людей, а четыре глаза, два из которых находятся впереди и два сзади, два спят днем, а два ночью. На основе данного предположения появляется региональный метафорический фразеологический африканизм *avoir quatre yeux*.

Хотя во французском языке Франции, напротив, глаза связываются с идеей познания мира и обозрения окружающей обстановки, тема фетишизма здесь меняется на религиозную тему. Общефранцузский фразеологизм *oeil de Dieu* подтверждает данную мысль.

Как видно из приведенных примеров, во французском языке Африки ФА, включающие соматизмы *oeil* и *yeux*, могут употребляться в различных значениях, не свойственных центральнофранцузскому варианту языка.

Далее мы рассмотрим фразеологические единицы с соматизмом *bouche* – «рот».

На основе лексемы *bouche* – «рот» образовано более 40 фразеологических единиц. Данная лексема входит в лексико-фразеологический ряд «голова».

Во фразеологических африканизмах французского языка Африки образность слова *bouche* отличается от европейской. В Европе образ рта имеет массу значений. Это связано с тем, что рот – это орган проникновения пищи, производства слова и дыхания, а также вселения и выхода души в тело человека. На Африканском же континенте рот – это прежде всего орган выра-

жения эмоций, а затем – поглощения пищи и производства речи. Поэтому во французском языке Африки встречаются следующие фразеологические единицы:

avoir la bouche (пер.) – (букв. иметь рот) – «много говорить»;

sa bouche est amère (Буркина-Фасо) – (букв. его рот горький) – «много говорить»;

avoir la grande bouche (Мали, Нигер) – (букв. иметь большой рот) – «быть болтливым, любить поговорить»;

avoir une grande bouche (Нигер) – «быть красноречивым, много говорить»;

avoir la bouche sucrée (Бенин) – (букв. иметь сладкий рот) – «быть красноречивым, много говорить». *Il a bien la bouche sucrée, on l'arrête pas* – «он лишком много говорит, его не остановить» [5];

avoir la bouche chaude (Буркина-Фасо) – (букв. иметь горячий рот) – «говорить быстро»;

homme à deux bouches (ДРК) – (букв. человек, имеющий два рта) – «лжец»;

un homme à forte bouche (ДРК) – (букв. человек, имеющий сильный рот) – «оратор».

В противовес красноречию в лексеме *bouche* содержится иное значение – «молчание»:

fermer la bouche (Бенин, Того) – (букв. закрывать рот) – «молчать». *Toi, ferme ta bouche!* – «Замолчи!» [9];

Как видно из приведенных примеров, в Африке значение рта в основном соотносится со значением «много говорить», что для жителей данного континента является показателем качеств человека. Однако большинство

из данных фразеологизмов могут изменять свое значение в зависимости от страны, в которой они употребляются. В Центральной Африке, например, фразеологический африканизм *avoir une grande bouche* – «быть красноречивым, много говорить» меняет свое значение на *être impoli* – «быть невежливым»: *Cette fille a une grande bouche, il ne faut la mariée* [5] – «Эта девушка не вежлива, не стоит на ней жениться».

Фразеологический африканизм *faire la bouche* в Бенине, Кот-д'Ивуар, Того, Мали означает «зазнаваться», тогда как в Республике Конго, ДРК, Габоне – «быть грубым, невежливым».

Il fait la bouche devant les filles [7] – (букв. он делает рот перед девушками) – «Он важничает перед девушками».

Ce garçon me fait toujours la bouche quand je le rencontre [1, с. 265] – (букв. этот мальчик всегда мне делает рот, когда я его встречаю) – «Этот мальчик всегда грубит мне, когда меня видит».

Кроме того, лексема *bouche* в Африке связана с *langage* – «речь». Здесь рот является своеобразным аппаратом, осуществляющим общение людей. В связи с этим можно привести некоторые специфические фразеологические африканизмы:

serrer la bouche (Бенин, Того) – (букв. зажимать рот) – «отрицать». *Tu a beau serrer la bouche, je sais que c'est toi* [9] – «Не отрицай, я знаю, что это ты»;

garder la bouche chez soi (Кот д'Ивуар) – (букв. хранить рот при себе) – «быть непослушным».

Во Франции речь в основном связывается с языком и голосом. По мнению В.Т. Клокова, это расхождение в образности проявляется в следующих

африканских и собственно французских фразеологизмах со значением «любить много поговорить»: *avoir la grande bouche* (Нигер) – (букв. иметь большой рот); *avoir la bouche qui marche beaucoup* (ЦАР) – (букв. иметь рот, который много работает); *avoir la bouche sucrée* (Бенин) – (букв. иметь сахарный рот) и *avoir la langue bien pendue* (Франция) – (букв. иметь хорошо подвешенный язык) или *bouche à bouche* (Чад) – (букв. рот в рот) и *à une voix* (Франция) – (букв. в один голос) [2, с. 228].

Существуют также фразеологизмы, которые при полном сохранении лексического состава стандартного французского языка полностью изменили свое значение в африканском его варианте. Например, *donner sa bouche* – (букв. давать свой рот) во французском языке означает «целовать», тогда как в африканском варианте французского языка, особенно в Чаде, он приобретает новое значение: «благословлять, желать успеха», а в Буркина-Фасо он означает «приказывать».

С лексемой *bouche* во французском языке Африки связано большое количество глагольных фразеологизмов. Например, в различных словарях [8] *bouche* содержит в себе значение «отрицание», «непослушание», а также «обещание»:

lier la bouche (Того) – (букв. завязать рот) – «клясться». *Je ne te dirai rien, j'ai lié la bouche* – «Я тебе ничего не говорил, клянусь» [9]

mettre la bouche dans l'affaire de quelqu'un (Кот д'Ивуар, Нигер) – (букв. класть рот в чьи-то дела) – «совать нос не в свое дело». Лексический состав данной фразеологической единицы в

Африке заметно отличается от стандартного французского языка, где лексема *bouche* меняется на *nez*, хотя значение остается прежним.

Avoir la bouche qui marche beaucoup (ЦАР) – (букв. иметь рот, который много работает) – «иметь злой язык»;

respecter la bouche de quelqu'un (Буркина-Фасо) – (букв. уважать чей-то рот) – «подчиняться». *Regarde cette honte, mon propre fils ne respecte pas ma bouche* [7] – «Посмотрите какой стыд, мой родной сын не подчиняется мне»;

accepter la bouche, recevoir la bouche (Буркина-Фасо) – (букв. принимать рот, встречать рот) – «повиноваться, находиться в зависимости». *Il ne veut pas accepter la bouche de son père* – «Он не желает подчиняться своему отцу» [10]. Данные фразеологические единицы являются калькой из стандартного французского языка, и могут быть как территориальными, так и региональными фразеологическими единицами.

А. Курума выделяет некоторые тематические группы, в состав которых входит *bouche*. Значение лексемы *bouche* он связывает с *bavardage* – «болтовня». Данный факт можно подтвердить следующим примером *La bouche de l'homme le brûle* (бамун / Камерун) – (букв. рот человека его обжигает) – «Много говорить – плохо».

Исходя из предыдущего значения лексемы *bouche*, можно провести аналогию еще с одним значением *mensonge* – «ложь». *Votre piment, ce n'est pas dans ma bouche que vous le mangerez* (рег.) – (букв. ваш перец, который вы собираетесь есть, не у меня во рту) – «Я не поддерживаю вас в вашей лжи».

В Республике Конго лексема *bouche* выступает во фразеологиче-

ской совокупности с *coeur* и приобретает значение *bonheur* – «счастье». *Le sel est bon à la bouche, mais pas au coeur* [14, с. 35] – (букв. соль хороша для рта, но не для сердца) – «Общепринятые удовольствия не дают ощущения счастья».

Тема *richesse* – «богатство» также наблюдается в значении данной лексемы. *On les aime de la bouche* (бассар / Того) – (букв. их любят ртом) – «Богатому человеку льстят, но его любят только за его богатство».

Библейская тематика, хотя и редко, но также встречается при изучении лексемы *bouche*. *Dieu ne laisse pas vide la bouche qu'il a créée* (малинке) – (букв. бог не оставит пустым рот, который он создал) – «Бог всегда внимлет молитвам».

Discretion – «скромность» также наблюдается в значении данной лексемы. *On répare le trou d'un vêtement, mais pas le trou de la bouche* [12, с. 84] (байомб / Республика Конго) – (букв. можно залатать дыру на одежде, но не во рту) – «Когда человек много говорит, его трудно остановить»

Еще одной тематической группой, согласно словарю А. Курума (2003), являются *enfants* – «дети». Поскольку в Африке дети являются очень важными членами семьи, то для семьи считается позором, когда в ней один ребенок или женщина вообще не может иметь детей. На изучаемом континенте все люди одного возраста друг для друга – братья, а для старшего поколения – дети, вне зависимости от родственных связей. Дети в Африке обязаны подчиняться не только собственным родителям, но и всем, кто старше их самих; слово старшего – закон для младшего. *Les yeux choisissent*;

la bouche non (балуба / ДРК) – (букв. глаза выбирают, рот – нет) – «Родители решают за детей».

Но, несмотря на то, что старшие всегда принимают решения за младших, которые, по мнению африканцев, являются более слабыми, нельзя не принимать в расчет все то, что они делают. Исходя из этого, мы видим, что *faiblesse* – «слабость» также является одной из тематических групп, включающих в себя лексему *bouche*. *Celui qui dédaigne les acclamations de la fourmi regarde la petite bouche d'où elles sortent* (бамбара / Мали) – (букв. тот, кто пренебрегает возгласами муравья, видя его маленький рот, откуда они исходят) – «Нельзя пренебрегать усилиями слабых».

В группе фразеологических африканизмов со значением лексики *bouche* выявлена тематическая группа *femme* – «женщина». *La femme est un épi de maïs à la portée de toute bouche, pourvu qu'elle ne soit pas édentée* [7, с. 57] (бамилеке / Камерун) – (букв. женщина – это колос маиса, который по силам каждому рту, только бы он не оказался беззубым) – «Каждый человек имеет право жениться». В Африке тема семьи и положения женщины в ней очень распространена. Подразумевается, что каждая женщина должна иметь мужа, будь она сама первой, второй или третьей женой – неважно. Хотя на сегодняшний день данное положение зависит исключительно от страны, в которой проживает женщина. Она дает человеку жизнь, она является матерью, поэтому данное значение также обнаруживается в лексеме *bouche*. *La main n'ignore pas la bouche* (монго / Республика Конго) – (букв.

рука не игнорирует рот) – «Мать и ребенок всегда придут к взаимопониманию, даже в самой серьезной ссоре».

Немаловажной тематической группой является *gourmandise* – «гурманство». *Quand la bouche est pleine, la barbe reçoit les miettes* (эв / Того) – (букв. когда рот полон, борода получает крошки) – «Если хочешь быть гурманом, нельзя не испачкаться».

Как продолжение предыдущей тематической группы следует *gratitude* – «признательность, благодарность». *Peux-tu tromper de bouche quand tu manges dans l'obscurité?* (пер.) – (букв. можешь ли ты не попасть в рот, когда ты ешь в темноте?) – «Кем бы ты ни стал, не забывай тех, кто тебе помог».

В противоположность «благодарности» обнаруживается тематическая группа *indiscretion* – «нескромность». *Une bouche sans couverture est inutile à son propriétaire* [13] (нгабай / Сенегал) – (букв. открытый рот бесполезен для его владельца) – «Нескромность отнюдь не украшает человека».

Ввиду необходимости знания правил приличия во французской фразеологии в Африке появляется значение лексики *bouche* – *savoir-vivre* – «приличие». *Si tu a un peu de nourriture dans la bouche, il ne faut pas siffler* (бассар / Того) – (букв. если у тебя есть хоть немного пищи во рту, нельзя свистеть) – «Нельзя разговаривать с полным ртом».

И еще одной немаловажной темой на африканском континенте является *défense* – «защита». *On ne refuse pas de manger la fourmi qui se pose à la bouche* (абе / Кот д'Ивуар) – (букв. не запрещается съесть муравья, который оказался во рту) – «Кто посеет ветер, пожнет бурю».

Благодаря селективной работе мозга и его способности к воображению свое развитие в лексеме *bouche* получило значение *égoïsme* – «эгоизм». *La bouche qui mange sans te donner, tu n'entendras pas son cri de douleur* (пель / Мали) – (букв. ты не услышишь крик боли, исходящий из рта, который ест, не угостив тебя) – «Эгоист не может быть другом».

Анализ материала помог понять наивное представление народа о мире и некоторые особенности его национального характера. Данные ассоциации являются идиоэтнической чертой, позволяющей воспринимать и понимать чужой язык, при изучении которого формируется вторичная языковая личность, принимающая образ жизни, определенные представления, концепты другого народа. Именно во фразеологическом африканизме наиболее ярко проявляется национально-культурная специфика территориального варианта французского языка.

Литература:

1. Багана Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: Дис... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. 350 с.

2. Клоков В.Т. Французский язык в Африке. Лингвокультурологическое исследование. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 284 с.

3. Татаровская И.Г. Структурно-семантические типы фразеологизмов в языке лингала. Дис... канд. филол. наук. М., 2004.

4. Cabakulu M. Le grand livre des proverbes africains. Paris: Presses du château, 2003. 319 p.

5. Depecker L. Les mots de la francophonie. P.: Berlin, 1988.

6. Duponchel L. Dictionnaire du français de Côte d'Ivoire. Abidjan. Institut de linguistique appliquée, 1975.

7. Equipe Ifa. Inventaire des particularités lexicales du français en Afrique. P.: Larousse, 1970. 156 p.

8. Kourouma A. Le grand livre des proverbes africains. Paris: Presses du château, 2003. 319 p.

9. Lafage S. Dictionnaire des particularités du français au Togo et au Dahomey. Abidjan: Institut de linguistique appliquée, 1975.

10. Lafage S. Premier inventaire des particularités lexicales du français en Haute-Volta. P.: Didier-Érudition, 1989.

11. Lopes H. Le pleure-rire. Paris: Présence Africaine, 1982.

12. Lopes H. Sana tam-tam. Yaoundé: Clé, 1977.

13. Sembène O. O Pays, mon beau peuple! Paris, 1957.

14. Tati-Loutard J.B. Problèmes de la littérature nationale // Annales de la Faculté des lettres et sciences humaines de Brazzaville. – Brazzaville: Presses de l'Université de Brazzaville, 1985. pp. 251-258.

References:

1. Baghana J. *Yazykovaya interferentsiya v usloviyah franko-kongolezskogo bilingvizma* [Language Interference in the Conditions of the Franco-Congolese Bilingualism]. Saratov, 2004. 350 p.

2. Cabakulu M. Le grand livre des proverbes africains. Paris: Presses du château, 2003. 319 p.

3. Depecker L. Les mots de la francophonie. P.: Berlin, 1988.

4. Duponchel L. Dictionnaire du français de Côte d'Ivoire. Abidjan : Institut de linguistique appliquée, 1975.

5. Equipe Ifa. Inventaire des particularités lexicales du français en Afrique. P.: Larousse, 1970. 156 p.

6. Klovov V.T. *Frantsuzkiy yazyk v Afrike. Lingvokulturologicheskoe issledovaniye* [The French language in Africa. Linguistic and Cultural Study]. Saratov: Saratovskiy Univ. Publ., 2000. 284 p.

7. Kourouma A. Le grand livre des proverbes africains. Paris: Presses du châtelet, 2003. 319 p.

8. Lafage S. Dictionnaire des particularités du français au Togo et au Dahomey. Abidjan: Institut de linguistique appliquée, 1975.

9. Lafage S. Premier inventaire des particularités lexicales du français en Haute-Volta. P.: Didier-Érudition, 1989.

10. Lopes H. Le pleure-rire. Paris: Présence Africaine, 1982.

11. Lopes H. Sana tam-tam. Yaoundé: Clé, 1977.

12. Sembène O. O Pays, mon beau peuple! Paris, 1957.

13. Tatarovskay I.G. *Struktorno-semanticheskie tipy frazeologizmov v yazyke Lingala* [Structural and Semantic Types of Phraseology in the Lingala Language]. PhD Thesis in Philology. Moscow, 2004.

14. Tati-Loutard J.B. Problèmes de la littérature nationale. – Annales de la Faculté des lettres et sciences humaines de Brazzaville. Brazzaville: Presses de l'Université de Brazzaville, 1985. pp. 251-258.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

БАГАНА ЖЕРОМ

*доктор филологических наук,
профессор*

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

308015 Белгород, ул. Победы, 85
Россия

E-mail: baghana@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Baghana Jerome

Doctor of Philology, Professor

Belgorod State National
Research University

85 Pobedy Street, Belgorod,
308015, Russia

E-mail: baghana@yandex.ru

УДК 81.26

Гренарова Ренее
Grenarova R.**ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА В ПРОСТОМ СРАВНЕНИИ
С АНТРОПОНИМОМ И С ПРЕДЛОГОМ КАК – ЯКО
В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ***HUMAN CHARACTER IN SIMPLE COMPARISON WITH ANTHROPONYM
AND CONJUNCTION КАК – ЯКО IN RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES***Аннотация**

Русские и чешские простые устойчивые сравнения с антропонимами и с союзом как – jako как символы характера человека. Употребление фразеологии и компарации как средства выражения национальной и культурной своеобразности и семантики. Дефиниция, употребление, семантика и перевод фразеологических единиц. Лингвистический семантический и культурологический комментарий – безэквивалентные выражения, исторические, культурологические и политические аспекты и взаимосвязи в чешском и русском языках.

Ключевые слова: русский язык; чешский язык; антропонимы; простые устойчивые сравнения; союз как – jako; фразеосемантическое поле характера человека.

Abstract

Russian and Czech simple fixed comparisons with anthroponyms and with the conjunction как – jako as symbols of human character. The use of phraseology and comparison as a tool of expressing national and cultural diversity and semantics. Definition, use, semantics and translation of the phraseological units. Linguistic, semantic and culturo-

logical analysis – culture-specific expressions, the historical, cultural and political aspects and backgrounds in Czech and Russian languages.

Key words: Russian language; Czech language; anthroponyms; simple fixed comparisons; conjunction как – jako; phraseo-semantic field of human character.

Фраземы (фразеологизмы, фразеологические обороты и т. п.) русского и чешского языков привлекали внимание их исследователей давно и под различными названиями (речения, крылатые слова, афоризмы, пословицы и поговорки, выражения, обороты речи, идиомы, идиоматизмы и т. д.). Они объяснялись в специальных сборниках [1] и в толковых словарях [2], начиная с конца 18 века.

Наша цель – выявить и описать одну из специальных тематических областей русской и чешской фразеологии – простые устойчивые сравнения с союзом как – jako и с антропонимами, относящиеся в рамках фразеосемантического макрополя человек к фразеосемантическому полю характер человека. Антропонимы являются в обоих языках в этих исследуемых устойчивых сравнениях носителями культурологических, исторических и политиче-

ских информации об опыте, о русской или чешской деятельности, философии, быте, традициях, о жизненных условиях и взглядах, чертах характера носителей языка, об их эмоциях и мировоззрении [3, с. 23]. На нескольких конкретных примерах мы определим роль культурно-философских, культурно-исторических или культурно-политических аспектов антропонимов и лингвокультурную специфику и лингвокультурные универсалии [4, с. 173] этих компаративных фразем.

Фразеология, фразеологическое значение и семантика – феномен исключительно сложный и, разумеется, его ни в коей мере нельзя рассматривать как механическую сумму составляющих его компонентов. Семантическую структуру фразем можно представить как микросистему, где все элементы находятся в тесной связи [5, с. 110]. Семантическое своеобразие простого устойчивого сравнения заключается в специфике сочетания сем. Таким образом, семы выполняют смыслоопределяющую или смыслообразующую функции.

Через сравнение, в том числе через простое устойчивое сравнение, человек издавна постигал окружающий мир. Сопоставление неизвестного или малознакомого с известным и хорошо знакомым – один из древнейших и надежных способов номинации. Сравнения (компарации, сравнительные обороты, компаративные обороты) – яркое стилистическое средство. Они могут сделать речь сильной и красочной, образной и убедительной. Компарации оживляют язык, при их помощи язык становится более точным и эмоциональным [6].

Антропонимы [7] в простых устойчивых сравнениях логически изображают различные общие [8, с. 193] и конкретные своеобразные – уникальные русские [9, с. 43] и чешские [10, с. 45] культурно-антропологические аспекты. Напр.: *продать как Иуда – zradit někoho jako Jidáš*; *вести себя как Иван-царевич – 'ideál všech cností, prototyp kladného hrdiny'*; *kecat jako Palacký/Palackej* – 'трепать языком, болтать, ораторствовать, витийствовать'.

При помощи простых устойчивых сравнений с союзом *как – jako* мы называем конкретные качества или свойства на основе общего признака, характерного для человека, животного и предмета [11, с. 331].

Компоненты простого устойчивого сравнения [12, с. 217-218] можно выразить следующим образом – см. Таблица № 1 Формальная структура простого устойчивого сравнения с компаратором *как – jako*.

Таблица № 1

Формальная структура простого устойчивого сравнения с компаратором *как – jako*

<i>Cd</i> <i>comparandum</i>	<i>R</i> <i>relator</i>	<i>Tc</i> <i>tertium comparationis</i>	<i>C</i> <i>comparator</i>	<i>Ct</i> <i>comparatum</i>
<i>Marie</i>	<i>byla</i>	<i>krásná</i>	<i>jako</i>	<i>Venuše.</i>
<i>Мария</i>	<i>была</i>	<i>красивая</i>	<i>как</i>	<i>Венера</i>

Правая сторона простого устойчивого сравнения от компаратора *как – jako* не ограничена. Чаще всего здесь встречаются имена существительные, имена прилагательные, числительные и глаголы. Напр.: *скакать как жеребенок – skákat jako hříbě*; *ходить как*

слепой (у него на глазах моры) – *chodit jako slepý*; быть как тридцать три несчастья – *tvářit se / vypadat jako sedm drahých let*; lze jako když tiskne – 'соврет и глазом не моргнет'.

Нас интересуют сравнения с антропонимами на правой стороне. Напр.: хитроумный как Улисс – *být lstivý / tazaný jako Odysseus*; ловкий как Хлестаков – 'filuta, mazaný člověk'; lhát jako baron Prášil – 'необузданно фантазировать'.

Простое устойчивое сравнение не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство его оценки [13]. Оно экспрессивно, наглядно и образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации. С точки зрения синтаксиса М. И. Черемисина характеризует сравнение как «конструкцию включающую в себя слово или группу слов в компаративном значении» [14, с. 165].

В процессе описания языкового материала в качестве основного применяется подход, основанный на сопоставлении и индукции (т. е. от анализа фактов, их сопоставления, к обобщениям и выводам). Этот подход нам дает возможность глубже изучить системные отношения в каждом из сопоставляемых языков. На основе анализа мы определяем сходства и различия в формальном и семантическом плане простых устойчивых сравнений с антропонимами и с союзом *как – jako* [15].

У простых устойчивых сравнений, семантически ориентированных на человека, приобретает особую значимость то, что характеризует человека – его внешний взгляд, характер, дея-

тельность, поведение, отношения между людьми. В рамках семантического анализа можно определить конкретные фразеосемантические поля. Мы касемся подробнее фразеосемантического поля *характер человека*. Исследование простых устойчивых сравнений с антропонимами и с союзом *как – jako* по тематико-идеографическим группам, т. е. с точки зрения семантики, становится важным по следующим причинам: 1) в разных языках фраземы «порождаются» аналогичными жизненными ситуациями и явлениями, поэтому семантическая классификация помогает решению вопроса о характере и сущности фразем; 2) при семантической классификации компаративных сравнений выявляются синонимические и антонимические отношения и, следовательно, 3) раскрываются системные связи во фразеологическом фонде изучаемых языков.

Сопоставительное изучение фразеосемантических полей, групп и подгрупп простых устойчивых сравнений с антропонимами и с союзом *как – jako* двух близкородственных языков дает возможность выявить не только национальную специфику, но и то типологически общее в быте, истории и культуре, что относится к генетическому родству наших языков и народов. Компаративная фразема характеризуется специфическим набором единиц смысла, минимальных смысловых компонентов – сем, интегральных и дифференциальных. Если интегральные семы являются наиболее общими и служат как основа для объединения простых устойчивых сравнений в определенные фразеосемантические поля, группы

и подгруппы, то дифференциальные семы являются дополнительными семантическими признаками и отражают второстепенные свойства и характеристики обозначаемого явления.

Фразеосемантическое поле *характер человека* составляет довольно многочисленную и для обоих языков типичную серию сравнений. Они отличаются развитой системой значений, образов и средств выражения. К данному фразеосемантическому полю нами отнесено 55 русских простых устойчивых сравнений с антропонимами и с союзом *как* и 35 чешских простых устойчивых сравнений с антропонимами и с союзом *jako*. Перед нами стояла трудная задача выделения критериев отнесения простых устойчивых сравнений к группе фразем, выражающих характер человека, так как само определение термина «характер» человека кажется сложным. В нашем исследовании опираемся на мысль Б. Басарова о двусторонней структуре характера. *Характер человека* он представляет как «единство динамических и содержательных сторон». Под содержательной стороной понимаются генерализованные мотивы личности, под динамической – поведение человека. Если содержательная сторона характера проявляется в устойчивых сравнениях языков в виде определения различных черт человеческого характера, то наличие динамической стороны в его составе предполагает включение в материал исследований и устойчивые сравнения, характеризующие поведение человека и называющие определенные черты его характера. В силу многочисленности и трудности анализа этого разряда фразем в чешском и

русском языках нами выделены, в зависимости от оценочного компонента фразеологического значения, три основные фразеосемантические группы: положительная оценка; отрицательная оценка; нейтральное оценочное значение. Количественное распределение простых устойчивых сравнений с антропонимами и с союзом *как* – *jako* по выделенным группам свидетельствует о наличии общей закономерности.

К первой группе простых устойчивых сравнений выражающих отрицательные черты характера человека относятся фраземы с отрицательным субъективно-оценочным компонентом фразеологического значения, т. е. сравнения со значением, вызывающим осуждение как констатацию социально устоявшейся оценки определенных черт характера человека. Как в русском, так и в чешском, языке они составляют наиболее многочисленную группу, в русском языке из общего количества 146 простых устойчивых сравнений – 38 %. Общая семантическая асимметрия фразеологической системы может быть объяснена более острой и дифференцированной эмоциональной реакцией людей именно на отрицательные явления, типичной для стрессовых, т. е. резко отрицательных эмоциональных состояний, а также тенденцией к использованию «готовых речевых форм», в том числе простых устойчивых сравнений.

Распределение простых устойчивых сравнений по фразеосемантическим подгруппам проводилось на основе их идентификации с отдельными лексемами, словосочетаниями или развернутыми описаниями в лексикографических источниках и при помощи

анализа наличия общих интегральных сем в их семантике. Наиболее многочисленную подгруппу составляют устойчивые сравнения с общим значением: хитрость и лицемерие, напр.: (быть) *хитроумный как Улисс – být lstivý jako Odysseus*; (быть) как *Тартюф – být jako Tartuffe*; (быть) *хитрый как сто китайцев – být chytrý jako stádo opic*; (быть) как *двуликий Янус – 'licoměrný člověk'*; (быть) *хитрый как Лука Памрикеевна – 'vychytralý, lstivý člověk'*; *ловкий как Хлестаков – 'filuta, mazaný člověk', být mazaný jako Žid*. Далее были выделены фразеосемантические подгруппы: лживость и обман; злоба и злость; предательство; жестокость; нерешительность; растерянность; многословие; тщеславие; ревнивость; жадность; неверие; упрямство; сварливость; преувеличенное себялюбие; непостоянство; полная покорность. Если мы сравним объем простых устойчивых сравнений в фразеосемантических подгруппах, то обнаружится определенная неравномерность. Несмотря на то, что устойчивые сравнения отрицательной оценки передают значительное количество определенных черт характера человека, диапазон их охвата меньше, чем у лексических единиц, способных в своей семантике отражать все участки окружающей действительности. Это доказывает фрагментарность фразеологической системы как средства номинации.

Для некоторых простых устойчивых сравнений характерно наличие дополнительной дифференциальной семы, указывающей на различные черты характера. Наличие дополнительной семантики, с одной стороны, наглядно

свидетельствует о взаимосвязанности фразем, системном характере фразеологии, с другой, предполагает сложный поиск частичных эквивалентов (или аналогов) при переводе с одного языка на другой. Нами рассматривается тоже стилистическая окрашенность простых устойчивых сравнений с антропонимами и союзом *как – jako*. По наличию интенсификаторов выделяют фраземы с экспрессивным компонентом коннотации. С точки зрения эмоциональности ряд фразем данной подгруппы имеет сатирическую окрашенность, напр.: (быть) как *Плюшкин – být jako křeček, shromažďovat zásoby'*; *хитрый как сто китайцев – 'být chytrý jako stádo opic'*; *kecat jako Palackej – 'трепать языком / болтать (ораторствовать, витийствовать)'*.

Ко второй группе относятся простые устойчивые сравнения с положительным субъективно-оценочным компонентом фразеологического значения, т. е. фраземы со значением, вызывающим одобрение как констатацию социально устоявшейся оценки определенных черт характера человека. Их количество значительно меньше, чем количество фразем с отрицательной оценкой (соотношение 1:5). Наиболее многочисленными фразеосемантическими подгруппами в рамках второй группы являются: смелость; верность; трудолюбие. Остальные выделенные фразеосемантические подгруппы – справедливость; щедрость; бдительность; терпеливость; находчивость; красноречие. Сигнификативно-денотативное и оценочное значение простых устойчивых сравнений можно выразить с помощью семантических

признаков: интегральная сема характер человека; интегральная сема положительной коннотации; интегральная сема конкретной черты характера (напр.: мужество); дифференциальная сема поведения и дифференциальная сема действия. Напр.: в простом устойчивом сравнении *вести себя как Иван Токмаков* – 'být hrdina, o statečnosti' уточняется семантика и наличие дополнительной дифференциальной семы – одобрение и благодарность.

Рассматривая сравнения данной группы с точки зрения функционально-стилистической коннотации, отмечается отнесение простых устойчивых сравнений к книжному стилю, напр.: *терпеливый как Иов* – *být trpělivý jako Job / snášet něco trpělivě jako Job*; *ждать как Пенелопа* – *čekat na někoho / být věrná jako Penelopa*; *стерпеть кого-нибудь как Аргус* – *být (bdělý) jako Argus*. К просторечно-разговорному стилю – напр.: *работать как папа Карло* – 'mnoho pracovat, ale málo vydělat'; *куй железо как Горбачев* – 'být pohotový, pospíšet si, udělat něco dokud je to možné'; *молчать как Зоя Космодемьянская* – 'mlčet jako hrob, nic neprozradit'.

Последняя фразеосемантическая группа нейтральные черты характера содержит простые устойчивые сравнения с антропонимами и с союзом *как – jako* с нейтральным субъективно-оценочным компонентом фразеологического значения, т. е. фраземы, в значении которых отсутствует ярко выраженное одобрение или осуждение. Эта группа является самой малочисленной из выделенных трех групп компараций. При помощи анализа семан-

тики простых устойчивых сравнений выделяем фразеосемантические подгруппы: любопытство; доверчивость; нерешительность; наивность; застенчивость; робость. Напр.: *(быть) как Алеша Бесконвойный* – 'o podivínovi, o rozmarném, vrtošivém člověku; *(быть) как Еноха Праведный* – 'o prostáčkovi a natvrdlém dobrotisku; *být jako malej Jarda* – *как будто вчера на свет родился*.

Какие выводы можно сделать из нашего текста? Сопоставительный анализ простых устойчивых сравнений с союзом *как – jako* семантически ориентированных на характер человека в русском и чешском языках выявил сходства и различия на семантическом уровне и тоже в употреблении конкретных антропонимов. Сходство показывает группа антропонимов относящихся к христианской мифологии, к классической (древнегреческой и древнеримской) мифологии и к зарубежным (или к т. н. «мировым» – классическим) художественно-литературным источникам. Сходства в семантике и употреблении этих простых устойчивых сравнений можно объяснить общностью окружающего мира, способностью мышления человека, сходством поведения людей в одинаковых условиях и ситуациях. Говоря о семантике простых устойчивых сравнений, нужно отметить следующее: некоторые фраземы могут входить не только в одну, но и в две (и более) фразеосемантические группы и подгруппы. Этот факт подтверждает положение о системном характере фразеологии, взаимосвязи простых устойчивых сравнений, отобранных нами для анализа. Различия проявляются,

в основном, в выделении ограниченного ряда простых устойчивых сравнений, когда компарация включает в состав собственное имя героя народной сказки, песни или былины, или антропомим – имя и название – любого мифического представления. В части простых устойчивых сравнений запечатлены события многовековой истории русского и чешского народов, конкретные особенности культуры и быта, отечественные художественно-литературные источники. Именно образность и экспрессивность позволяют предпочесть экономную и точную компаративную фразу длинному описанию. Простые устойчивые сравнения с антропонимами и с союзом *как – jako* точны, ясны и специфичны и поэтому, что каждый образ, как правило, неповторим, индивидуален, обособлен и своеобразен. Этот факт рождает (рядом с общими качествами и универсалиями) и особую семантическую дифференцированность каждого простого устойчивого сравнения.

Литература:

1. Zaorálek J. Lidová rčení. Praha: Aurora, 1963. 779 s.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа I, II. Москва: Художественная литература, 1989. 431 с., 441 с.
3. Knappová M. Jak se bude Vaše dítě jmenovat? Praha: Academia, 1996. 358 s.
4. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Москва: Эллис, 2008. 271 с.
5. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. Москва: Высшая школа, 1980. 110 с.
6. Бартон В.И. Сравнение как сред-

ство познания. Минск: Изд. БГУ им. В. И. Ленина, 1978. 125 с.

7. Суперанская А.В. Ономастика. Типология. Стратиграфия. Москва: Наука, 1988. 264 с.

8. Čermák F., Hronek J., Machač J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání. Praha: Academia, 1983. 492 s.

9. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. Москва: Р. Валент, 2005. 416 с.

10. Šrámek R. Úvod do obecné onomastiky. Brno: Masarykova univerzita, 1999. 191 s.

11. Bečka J.V. Slovník synonym a frazeologismů. Praha: Novinář, 1979. 431 s.

12. Filipec J., Čermák F. Česká lexikologie. Praha: Academia, 1985. 272 s.

13. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Ленинград: Изд. Ленинградского университета, 1978. 157 с.

14. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 267 с.

15. Grenarová R. Jednoduché ustálené komparace s antroponymy a spojkou jako – как v češtině a ruštině. Brno: Masarykova univerzita, 2011. 246 s.

References:

1. Zaorálek J. Lidová rčení. Praha: Aurora, 1963. 779 s.
2. Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda I, II* [Russian People's Proverbs]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 431 p., 441 p.
3. Knappová M. Jak se bude Vaše dítě jmenovat? Praha: Academia, 1996. 358 p.

4. Alefirenko N.F. *Phrazeologia v sve-te sovremennyh lingvisticheskikh paradigma* [Phraseology in Terms of the Modern Linguistic Paradimes]. Moscow: Ellis, 2008. 271 p.

5. Reikhshtein A.D. *Sopostavitelniy analiz nemetskoy i russkoy phrazeologii* [Comparative Analysis of German and Russian Phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola, 1980. 110 p.

6. Barton V.I. *Sravnenie kak sredstvo poznaniya* [Comparison as a Means of Cognition]. Minsk: Izd. BGU im. V.I. Lenina, 1978. 125 p.

7. Superanskaya A.V. *Onomastika. Tipologiya. Stratigraphiya* [Onomastics. Typology. Stratigraphia]. Moscow: Nauka, 1988. 264 p.

8. Čermák F., Hronek J., Machač J. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání*. Praha: Academia, 1983. 492 p.

9. Ermolovich D.I. *Imena sobstvennye: teoriya i praktika mezhyazykovoy peredachi* [Proper Names: the Theory and Practice of Interlingual Translation]. Moscow: R. Valent, 2005. 416 p.

10. Šrámek R. *Úvod do obecné onomastiky*. Brno: Masarykova univerzita, 1999. 191 p.

11. Bečka J.V. *Slovník synonym a frazeologismů*. Praha: Novinář, 1979. 431 p.

12. Filipec J., Čermák F. *Česká lexicologie*. Praha: Academia, 1985. 272 p.

13. Ogoltsev V.M. *Ustoychivye sravneniya v sisteme russkoy phrazeologii* [Settled Similes in the System of Russian Phraseology]. Leningrad: Leningrad University Press, 1978. 157 p.

14. Cheremisina M.I. *Sravnitelnye konstruktsii russkogo yazyka* [Comparative Constructions of the Russian Language]. Novosibirsk: Nauka, 1976. 267 p.

15. Grenarová R. *Jednoduché ustálené komparace s antroponymy a spojkou jako – как v češtině a ruštině*. Brno: Masarykova univerzita, 2011. 246 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

ГРЕНАРОВА РЕНЕЕ

доктор педагогических наук,
доктор филологических наук,
старший преподаватель

Университет имени Масарика
603 00 Чешская Республика, Брно,
ул. Поржичи, 7

E-mail: renee.grenarova@seznam.cz

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Grenarova R.

Doctor of Education,
Doctor of Philology,
Assistant Professor

Masaryk University
7, Poříčí street, Brno, 603 00,
Czech Republic

E-mail: renee.grenarova@seznam.cz

УДК 81.37; 81.373.612.2; 81.255.4

М.В. Кутьева
Marina V. Kutieva**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ОРНИТОНИМОВ В МЕТАФОРИКЕ РУССКОЙ И ИСПАНСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУР***SEMANTIC AND PRAGMATIC PECULIARITIES OF ORNITHONIMS
IN METAPHORICS OF RUSSIAN AND SPANISH LINGUOCULTURES***Аннотация**

Статья посвящена анализу переносных значений лексики, номинирующей птиц, в сравнительном аспекте на материале русского и испанского языков. Рассматривается прагматика фигуральных употреблений орнитонимов в обиходной разговорной речи. Орнитонимы развивают в основном антропоцентричные переносные значения, направленные на характеристику внешнего облика, рода занятий и поведения человека. Образность орнитонимических номинантов воплощает в себе своеобразие национального характера и мироощущения. Хотя вторичная семантика проявляет немало сходств в двух лингвокультурах, даже общее и универсальное таит в себе коннотативные оттенки и нюансы.

Ключевые слова: семантика, метафора, коннотация, переносное значение.

Abstract

The article offers a comparative approach to the analysis of figurative meanings of birds' denominations in Russian and Spanish languages; the pragmatics of their figurative usage in everyday conversational speech is examined. Ornithonims develop

basically anthropocentric figurative meanings aimed at the characteristics of human physiognomy, occupation and behavior. Figurativeness of birds' denominations embodies the uniqueness of national character and mentality. Although the secondary semantics manifests numerous similarities in two linguocultures, even the general and universal hold connotative shades of meaning and nuances.

Key words: semantics, metaphor, connotation, figurative meaning.

«Духовное присвоение действительности» [3, с. 38] происходит под воздействием родного языка: мы можем мыслить о мире только в денотатах и выражениях своего языка, пользуясь его концептуальной сеткой, оставаясь в своем «языковом круге». Разные языковые коллективы, «пользуясь различными инструментами концептообразования, формируют различные картины мира, являющиеся, по сути, основанием национальных культур...» [там же]. Языковая картина мира задает шаблон восприятия и интерпретации всей поступающей извне информации.

Среди предметов обсуждений немало невидимых и неосязаемых категорий, которые требуется каким-то образом воплотить в картинку, визуализи-

ровать, довести до сведения собеседника. Для этого необходимой становится какая-то метафорическая параллель с миром материальным. Вспоминая или думая о чем-то высоком, человек смотрит в небо; а в небе и на ветках деревьев он видит птиц. Метафора 'птица-свобода', 'птицы-люди' 'птицы – чьи-то души' является столь же всеобъемлющей всепроникающей, как, например, 'дерево-жизнь' и 'деревья-люди' [2]. К слову вспоминается есенинский клён и есенинский риторический вопрос: «А люди, разве не цветы?» В качестве иллюстрации суждения о том, что мы дышим воздухом природных метафор, приведем стихотворение Александра Городницкого «Певчие птицы», ценность которого заключается в том, что каждая строчка имеет подтекст или удвоенную семантику, не сложную для восприятия носителям иностранных языков в связи с тем, что оно защищает общечеловеческие гуманитарные ценности:

*Монументальна осанка орла литая,
Крылья могучие, клюв его медно-острый.
Певчие птицы невысоко летают
И не кичатся перьев окраской пёстрой.
Клин журавлиный за облаками тает.
Туча воронья кружит над часовней старой.
Певчие птицы сливаться не могут в стаи,-
Так и живут одинокой семейной парой.
Дятел-стукач по деревьям стучит упорно,
Филин-трудолюбив проводит всю ночь в охоте.
Певчие птицы петь не умеют долго,-
И обрывают песню на полуноте.
Дружно пингвины толпятся на льдине голой,
Чайки кричат, презирая шторма и грозы.
Певчие птицы с трудом переносят холод
И умирают от голода и мороза.
Так для чего же он нужен, их век недлинный,
В мире недобром, что Господом создан в гневе?*

Слышишь, как в парке сварливо

кричат павлины?

Слышишь, как клеток орлиный рокочет в небе?

Если подмеченное языковой личностью сходство между поведением или внешним обликом птицы и человека выразительно и универсально в смысловом отношении, то его можно назвать метафорической моделью или метафорический проекцией, у которой есть шанс закрепиться в узусе и кодифицироваться в словаре. Выражая незримые сущности через зримые данности, этнос постепенно окружает себя призраками именно таких, а не иных представителей фауны, флоры и бытийно-предметного континуума. Вербальная духовная жизнь народа будет протекать в нитях разнообразных ассоциаций, порождаемых этими привычными и общепризнанными в данной лингвокультуре номинантами. Самобытности их образности носители языка обычно не ощущают, утверждая в ответ на расспросы, что объяснять тут нечего, что за человек такой журавль, колибри, петух или кондор, ведь тут и так всё ясно. Впоследствии слова-метафоры обрastут морфологическими дериватами и зададут шаблон восприятия, трактовки и оязыковлeния новых понятий, явлений, субъектов, функционируя на основе собственных лексических закономерностей и порождая уникальные идиоматические смыслы. Ведь форма срastается с содержанием и может влиять на саму суть, подобно тому, как маска рискует срastись с лицом, понемногу становясь им. Русские живут среди соседей - глупых, как куры или как дятлы, долговязых, как журавли, женятся на женщинах, безответственных по отно-

шению к детям, как кукушки. *Куры* в испанской лингвокультуре трусливые, а не глупые; *гуси* – неотесанные и невоспитанные, а не люди «себе на уме». *Журавли* летят как бандитская шайка, а не как солдатский строй, и красиво танцуют, а не ступают неуклюже, как будто бы на костылях. *Кукушки/cuculillo* – не бессовестные матери, а обманутые отцы и мужья, избавляющиеся от неизвестно чьих детей: в испанском языке *ciso (cuculillo)* – слово муж-

ского рода. Нелюдимыми дикарями, буками и бирюками слывут *страусы/avestruces*, а не *сычи*.

В таблице, помещенной ниже, отобраны названия птиц, проявляющие активность в сфере переносной семантики, отражающей национальную мировоззренческую специфику вербального мышления народа. Дефиниции испаноязычных словарей даны в нашем переводе – М.К.

Таблица № 1

**Переносные значения семантически наиболее
ёмких и семантически контрастирующих орнитонимов
по материалам словарей**

№	Орнитоним	Переносное значение в русском языке	Переносное значение в испанском языке
1.	Голубь (голубка) Paloma	Голубка – ласковое обращение к женщине (Ушаков, I, с. 107)	1) Кроткий (добродушный) человек (Лярус, с. 524); 2) Ч. Старинный народный танец с платками (Фирсова, с. 455); 3) Гонд., Куба, М. бумажный змей-ромб (там же); 4) Куба, М. новичок, простачок в азартных играх (там же); 5) Л. Ам. пенис (там же)
	Palomo	Голубчик – ласковое обращение к мужчине (Ожегов, с. 264)	1) Интриган, ловкий политикан (Нарумов, с. 354); 2) Л. Ам. лошадь белой масти (Фирсова, с. 456); 3) П.-Р. человек в белом (там же); 4) Ур. Презрительное наименование членов партии Бланко (Белые) (там же).
2.	Грач Grajó	1) Признак наступления весны (Ушаков I, с. 114); 2) бомба, когда она летит (Даль, I, с. 391)	1) Болтун; пустомеля (DRAE) 2) шарлатан (Кельин, с. 453); 3) запах пота подмышками (DRAE); 4) Л. Ам. таракан (Фирсова, с. 163).

3.	Гусь Ganso	1) Дурак; 2) хитрец, себе на уме; 3) гусь лапчатый - человек себе на уме (Даль, I, с. 410)	1) Дурак, олух, пентюх (Садиков, с. 373); 2) лентяй, бездельник [5, с. 374]; 3) плохо воспитанный, грубый (DRAE); 4) <i>Арг., Пар., Ч.</i> лебедь (Фирсова, с.335)
4.	Ж у р а в л ь Grulla	1) Колодец (Даль, т. I, с. 547); 2) длинный шест у колодца - рычаг для набора воды (Ожегов, с. 190)	1) <i>Разг.</i> Женщина лёгкого поведения, кокотка (Садиков, с. 399); 2) <i>воен. ист.</i> таран (Садиков, с. 399)
5.	Кукушка Cuclillo, Cuso	1) Зловещий человек (Даль, т. II, с. 214); 2) беззаботная мать, покидающая детей (Даль, т. II, с. 214); 3) пустое, глупое, неуместное слово на ветер, болтовня (Даль, т. II, с.214)	1) Симпатичный, миленький (Лярус, с. 293); 2) хитрый, изворотливый, продувной (Садиков Нарумов, с. 232); 3) шулер, ловкач, пройдоха, шельмец (Лярус, с. 293); 4) бука (Кельин, с. 273); 5) рогоносец, муж неверной жены (Portabella, с. 194)
6.	Курица Gallina	1) Блюдо, мясо курицы или петуха (Ушаков, т. II, с. 176).	1) Трус, трусиха, заячья душа Садиков Нарумов, с. 372); 2) трус, безвольный человек, «мокрая курица» (Кельин, с. 441).
7.	Ласточка Golondrina (ж.р.)	1) Вестник весны (Ушаков, т. II, с. 192); 2) ласковое обращение к женщине (Ушаков, т. II, с. 192); 3) гимнастическая фигура (Евгеньева, II, с. 165).	1) <i>Исп.</i> Пассажирский катер, речной трамвай (Садиков, с. 379); 2) <i>Ч.</i> фургон для перевозки мебели (Фирсова, с. 338).
8.	Лебедь Cisne	1) <i>Нар.- поэт.</i> Мифологический и поэтический образ красавицы-женщины (Ушаков, т. I, с. 201); 2) <i>нар. - поэт.</i> ласковое название девушки, женщины (Евгеньева, II, с. 167);	1) Великий поэт (Лярус, с. 235); 2) пиит, песнопевец; любимец муз; 3) <i>арго</i> проститутка; 4) свитер-водолазка (Садиков, с. 185); 1) пуховка для пудры (Кельин, с. 222); 2) <i>Вен.</i> масть лошади – каурый (Фирсова, с. 164)

9.	Орёл Aguila	1) Представитель силы, зоркости, прозорливости, благородства (Даль, II, с. 690); 2) о гордом, смелом, выдающемся человеке (Ожегов, с. 447)	1) Тунеядец, дармоед, лентяй [5, с. 371]; 2) хищный; 3) умнейший человек (Садиков, с. 67); 4) полковой штандарт; 5) человек выдающегося ума и проницательности; герой (Кельин, с. 46)
	Орленок Aguilucho		Арго. Соучастник кражи (Нарумов, с. 41)
10.	Петух Gallo	1) Ярко одевающийся; 2) забияка; 3) задорный человек (Ожегов, с. 506).	1) Заводила, верховод; 2) фальшивая нота (Садиков, с. 372); 3) разг. плевок; 4) Мекс. подержанная вещь; 5) К.-Р. скудная еда; 6) Ам. силач; смельчак; 7) Чили пожарная машина; 8) Ант. о-ва, Кол. волан (игрушка); 9) Сальв. клитор.
11.	Попугай Loro	1) О том, кто повторяет чужие слова, не имея собственного мнения (Ожегов, с. 552).	1) Некрасивая старая женщина (Лярус, с. 636); 2) пугало, чучело (о старой, ярко накрашенной женщине) (Нарумов, с. 478); 3) дурнушка, уродка, фефёла (Садиков, с. 452).
	Perico (длинно-хвостый попугай)		1) Болтливый; говорливый, разговорчивый; 2) пьяный, пьяница; 3) уст. шиньон; 4) большой веер; 5) крупная спаржа; 6) ночной горшок (Нарумов, с. 573)
	Парагайо		Доносчик; стукач (Нарумов, с. 560)
12.	Птица Rájaro; Ave	1) Разг., ирон. о человеке с т. зр. его общественного значения (Евгеньева, III, с. 554).	1) Хитрый, осторожный человек (Лярус, с. 755); 2) хитрец, подозрительная личность (Кельин, с. 635); 3) пенис (DRAE).
	Rájara	2) Птичка – пометка в виде двух черточек, образующих острый угол книзу (Ожегов, с. 622).	1) Анд. куропатка (самка) 2) бумажный змей 3) бумажный голубь 4) шельма, проныра, продувная bestia (о женщине) (Нарумов, с. 550).

В таблице №1 представлены лишь указанные в словарях, кодифицированные переносные значения. Один русский орнитоним может переводиться на испанский язык двумя и более лексемами. Такие слова, как 'филин', 'синица' или 'ворона' не имеют родовых коррелятов по типу *волк-волчица*. В испанском языке категория рода играет большую смысловозначительную роль, а родовые корреляции имеют более обязательный и регулярный ха-

рактер. В результате одному русскому орнитониму соответствуют два испанских: сова – *lechuza* и *lechuzo* (самка и самец); цыпленок – *polla* и *pollo*; ласточка – *golondrina* и *golondrino*, птица – *rájaro* и *rájara*.

Приведем наименования птиц, которые не дают никаких вторичных значений в русском языке, образуя метафорическую лакуну, но активно и разнообразно используются в переносном смысле в испанском языке.

Таблица № 2

**Испанские орнитонимы, обнаруживающие лакунарность
в сфере переносной семантики при переводе на русский язык**

Дрозд (черный) Mirlo	1) Разг. Важность, напускная серьезность, горделиво-надменный вид (Нарумов, с. 508); 2) хитрец, ловкач; 3) наглое поведение (DRAE).
Zorzal	1) Хитрец, ловкач, пройдоха; 2) П.-Р. непоседа (о мальчике); 3) Бол., Чили, разг. дурак, простак.
Дрозд (певчий) Tordo músico	1) Серый, глупый, бестолковый (Нарумов, с. 749); 2) Ам. скворец (Фирсова, с. 568); 3) Арг., Ур. приспособленец, прилипала (там же); 4) Л. Ам. донжуан, ловелас.
Torda	Tordita – Вен. темнокожая уличная женщина.
Индюк Pavo	1) Разг. Тупой, безмозглый; 2) глупый, чванливый; 3) спесивый, надутый; 4) вялый, сонный; 5) пресный, нудный; тюфяк, клуша, рохля (Садиков, с. 535); 6) Ам. заяц в транспорте (Нарумов, с. 570); 7) игра в фанты (среди танцующих); 8) монета в пять песет (дура) (DRAE).
Индюшка Pava	1) Неуклюжая, некрасивая женщина (Кельин, с. 655); клуша, фефёла (Нарумов, с. 570); 2) Ам. широкополая соломенная шляпа (Кельин, с. 655); 3) металлический сосуд для разогревания воды (DRAE); 4) Ам. ночной горшок (Нарумов, с. 570); 5) дурочка (Садиков, с. 535)

Колибри Colibrí Picaflor	1) Ам. Воздыхатель, поклонник (Нарумов, с. 586); 2) влюбчивый; 3) дамский угодник (Лярус, с. 800).
Golondrino (птенец ласточки)	1) Бродяга, скиталец; человек, меняющий место жительства; 2) дезертир; 3) <i>арго</i> солдат, рядовой; 4) <i>мед.</i> фурункул подмышкой (Нарумов, с. 394).
Сова Lechuza	1) Женщина, похожая по характеру или поведению на сову (Лярус, с. 621); 2) ночной вор (Нарумов, с. 463); 3) проститутка (там же).
Lechuzo	1) Аферист (Кельин, с. 530); 2) сборщик налогов (Нарумов, с. 463); 3) человек, похожий на сову (Нарумов, с. 463).

Наименования птиц в сфере их переносной семантики ассоциируются в обеих лингвокультурах в основном с характерологическими качествами человека и чертами его внешнего облика. 60 рассмотренных нами испанских орнитонимов дают всего 99 вторичных значений. Из них 82 характеризуют человека, 11 относятся к миру конкретных вещей (механизмов, предметов одежды) и 6 – к сфере абстрактных явлений. Среди абстракций отметим слова *mirlo/дрозд* в значении ‘важность, напускная серьезность, надменно-горделивый вид’ и *moschuelo/сын* – в значении ‘трудная, нудная работа’. К конкретике вещественного мира относятся орнитонимы *golondrina/ласточка* – катер, *cisne/лебедь* – свитер-водолазка, пуховка для пудры. Общим для русского и испанского языков является вторичное значение существительного *gallo/petux* – фальшивый голос.

Лексема *petux* – *gallo* входит в группу слов испанского языка, употребляющихся в фамильярно-бытовом регистре общения в фатической функции:

«- ¿Qué quieres, *gallo*?» (J. L.Vilallonga. Fiesta). «Чего тебе, *petux*?» – формула абсолютно немыслимая в диалоге носителей русского языка, если только не преследуется цель нанести оскорбление. К детям также часто обращаются *gallitos (petuxки)* – ‘драчунишки’. В русском речевом обиходе такие именованья воспринимаются как обидные из-за сильного влияния на современный «языковой вкус эпохи» (Костомаров, 1999) тюремного жаргона, где за этим орнитонимом закрепилось значение ‘пассивный гомосексуалист’: «...Швейк между тем с интересом рассматривал надписи, нацарапанные на стенах. В одной из надписей какой-то арестант объявлял полиции войну не на живот, а на смерть... Другой арестованный написал: “Ну вас к черту, *petuxи!*” (Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка). Спроси обитателя нынешних российских мест лишения свободы, кого имел в виду неведомый арестант под словом «*petuxи*», он сразу ответит: конечно же, пассивных педерастов! Именно их называют у нас

в тюрьмах и колониях “петухами”. Но вот в Чехии “петухами” обзывали полицейских - те носили каски с петушиными перьями!» (Фима Жиганец, Александр Сидоров).

В испанском языке *petux* символизирует борца, революционера, бесстрашного мачо. Но по сведениям фразеологического словаря он обладает плохой памятью: *tener memoria de gallo* – ‘иметь память петуха’ (ср. рус. *куриные мозги, память девичья*).

Особого внимания заслуживает *grajo/грач*, означающий ‘запах пота’, да к тому же еще и насекомое – таракан. Испанский грач, в противоположность русскому грачу – символу весны, пользуется самой незавидной славой: с его помощью идентифицируются мерзкие запахи, отвратительные насекомые, врождённое уродство и безответственные болтуны. Анализируя фразеологизм ‘*más feo que un grajo*’ (более некрасивый (уродливый), чем грач), можно догадаться, что наш симпатичный грач у испанцев прослыл эталоном уродства – его последней стадией. Именно *grajo/грачом*, из-за его надменного вида и менторского запелляционного тона, называют непорядочного священника: к служителям культа в черной рясе сложилось негативное отношение как к лицам, наживающимся на чужом горе, использующим веру людей в своих интересах, следовательно, окрашенным в темные (черные) тона. Данный пример свидетельствует о том, что вокруг орнитонима создается определенное семантическое пространство, когнитивное поле, проявляющееся в узусе. Не исключен и противоположный путь: уже существующие мощные когнитивные центры

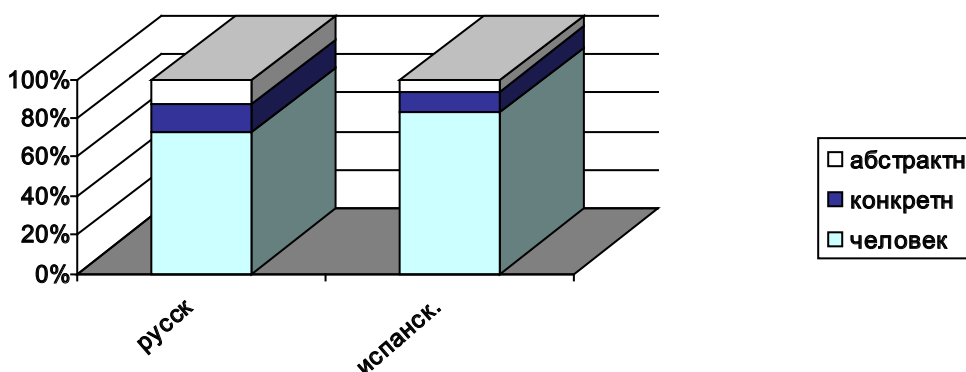
вербального мышления притягивают к себе мало-мальски подходящие слова. Чем сильнее поле, чем больше места занимает оно в умах и обиходе этноса, тем больше слов приспособливает язык для выражения нужных вербальному сознанию народа значений и оттенков смысла, выискивая в них ассоциации, на которых можно выстроить требующуюся семантику.

В обеих культурах наименования птиц описывают мир вещей (*утка* в русском языке и *ravo/индюк* в испанском – медицинское судно; *журавль* – колодец в русском языке); номинируют устаревающие сегодня, в компьютерную эру, названия игр и танцев (*ворон, коршун* – *детские игры по В. Дальютина* «Гуси-гуси – га-га-га!»); обозначают время года или суток (с *петухами встают в России, с курами ложатся спать в Испании* / *se acuesta uno con las gallinas* /). *Gavilán/ястреб* – это ‘закорючка, росчерк’, что частично соответствует русскому *галочка, птичка* в значении ‘помета’; но еще и – ‘вор’; ‘шулер’; ‘ручка шпаги’; ‘медицинская повязка на глаза’. Последние два значения обусловлены метафорическим переносом, идущим от формы раскинутых крыльев ястреба.

В испанском языке абстрактным сущностям (например, *утка* – ложные слухи) уделено несколько меньше места, чем в русском, а конкретным, часто в травестийной форме, – больше. Так, именем птицы называют фурункул подмышкой – птенец *ласточки/golon-drino*, а мозоль на пальце ноги – *цыпленок/pollo*. В русском языке на уровне словаря человек характеризуется с помощью орнитонимов менее разнообразно, чем в испанском. Наблюдаются

взаимные лакуны: *ворона* не используется в переносном смысле в испанском языке, *пустельга* (птица типа небольшого сокола) – орнитоним, мало известный в русском, но отягощенный переносными значениями и коннота-

циями в испанском. Итак, большинство переносных значений орнитонимов связаны с человеком: 80% в испанском языке и 73% в русском, что видно на диаграмме:

Номинант птица используется для вербализации параметров практически всех сфер деятельности человека – и духовно-ментальных, и обиходно-практических. Изучение этнокультурного своеобразия вербализации абстрактных категорий помогает обнаружить скрытые связи между духовным миром человека и различными феноменами окружающей действительности.

Ни в одном из словарей, использованных в нашей работе, нам не удалось найти переносных значений или каких-либо семантических помет относительно таких важных, насыщенных символикой и широко известных орнитонимов, как аист, воробей, ворон, дятел, куропатка, перепел, цапля, чайка. Это поразительно, ведь все они – бесспорные носители мифов и символов. Они активно используются в переносных значениях в обиходной речи. Как объяснить тот факт, что их переносные значения никак не зафиксированы в толковых и двуязыч-

ных словарях? Причина, возможно, кроется и в принципиально лингвокультурологической позиции составителей, и в некоторой размытости и амбивалентности их переносных смыслов, а также в общем естественном отставании словарей по отношению к узусу. Значения, указанные в словаре (зяблик – знобуша; пигалица – худой человек, петух – ярко одевающийся человек, кукушка – пустое, неуместное слово), постепенно уходят из речевого обихода. Некоторые весьма узуальные значения (аист – птица, приносящая детей) в словаре не указаны.

Словарные соответствия между орнитонимами двух языков характеризуются неточностью, расплывчатостью границ, не совпадая по семантическому объему. Номинативная сетка по-разному охватывает мир птиц в русском и испанском языках. Сама лексема птица переводится на испанский двумя словами *rájaro* и *ave*.

Весьма узуальный в испанском языке орнитоним *pollo* имеет два соот-

ветствия в русском языке: цыпленок и птенец. Русский орнитоним чибис коррелирует с тремя испанскими: avefría, frailecillo, quincineta, а за испанским pinzón закреплены русские эквиваленты зяблик, юрок, снегирь, дубонос. Заимствованию попугай найдется ряд соответствий в испанском языке: loro, paragaуо, perico, cacatúa (какаду). Русскому орнитониму дрозд соответствуют в испанском языке лексемы: черный дрозд – azabache, mirlo, sinsonte, zorzal sinsonte; певчий дрозд – tordo músico.

Разветвленность парадигмы некоторых орнитонимов в испанском языке и ее отсутствие в русском обусловлено экстралингвистическими факторами: распространенностью и обиходной важностью данной птицы в одной культуре и незначительностью в другой.

Неясности прослеживаются не только на уровне лексикографических дефиниций, но и на уровне словарных помет, соответствующих орнитонимам. Так, об орле В.И. Даль пишет, что он представитель силы, зоркости, прозорливости, благородства. Русско-испанский словарь Садикова и Нарумова ограничивается пометой: также перен. Ясно: этот орнитоним используется в переносном значении, подобном русскому. Возникает закономерный вопрос: в абсолютно таком же, как в русском языке? Но все-таки в каком именно, каковы его оттенки? На эти вопросы словарь ответа не дает, ставя знак равенства между переносными семами этого слова в русском и испанском языках, что не совсем верно, потому что абсолютная межъязыковая семан-

тическая идентичность невозможна в сфере вторичных значений. При всей важности орла для русской лингвокультуры, его участие во фразеологических оборотах незначительно. Наше предположение о том, что чем больше переносных значений у орнитонима, тем активнее он занят во фразеологии, не оправдалось. Здесь нет прямо пропорциональной зависимости.

Орёл – символ отваги для многих народов. Но в Латинской Америке чаще наделяют эту лексему значением 'хитрец' [5, с. 368], вытекающим из семы 'зоркий, прозорливый'. Любое качество (зд. – отличное зрение) может быть переосмыслено как позитивно, так и негативно, но, попав в концептуальное поле человека, оно редко минует оценки.

Сфера переносных значений в семантике орнитонимов непрерывно расширяется. Данные о появлении новых значений имеются на Интернет-сайтах. Так, на <http://guapisima.livejournal.com> указаны семы орнитонимов, узуальные в испанской разговорной речи. Например:

1) búho (филин) – autobús nocturno (ночной автобус), т.к. глаза (фары) светятся в темноте;

2) buitре (стервятник) – aprovechado у gorrón (ловкий, оборотистый, эгоистичный); т.к. заметив жертву, легко и быстро расправляется с ней;

3) cacatúa (какаду) – mujer fea, vieja у de aspecto estafalarío (некрасивая, неряшливая, взбалмошная женщина), т.к. имеет огромный клюв (нос);

4) ganso (гусь) – haragán, gandul (лентяй); у него неуклюжая походка из-за коротких лап, он мало двигается, т.к. его откармливают для жира;

5) *grajo* (грач) – *sacerdote* (священник), т.к. его оперение – черное;

6) *loro* (попугай) – *transistor*, *radiocassette* (транзистор, кассетник, плэйер), т.к. постоянно что-то говорит, бормочет;

7) *rájaro* (птица) – *persona poco fiable* (человек, которому нельзя доверять), т.к. в любой момент может улететь, скрыться из поля зрения;

8) *pavo* (индюк) – *adolescente* (подросток), т.к. легко краснеет.

Сфера переносных значений орнитонимов больше задействует лиц мужского пола, чем женского. И в русском, и в испанском языке женщина характеризуется в основном по таким позициям: болтливость; глупость (сорока, курица, *pava*); красота; миролюбие (ласточка, голубка). В испанском сюда прибавляется еще и квалификация проститутки (*grulla*/журавль, *gaviota*/чайка, *cisne*/лебедь, *lechuza*/сова, *torda*/самка дрозда), что свидетельствует об особой важности полового аспекта в жизни носителей испанского языка и о потребности осудить нравственную нечистоплотность. Спектр значений, в которых функционируют орнитонимы относительно мужчин, намного шире. Мужчины весьма разнообразно характеризуются по: - деятельности: бродяга, скиталец, солдат-дезертир (*golondrino*); дамский угодник, ухажер (*picaflor* / колибри); сборщик налогов (*lechuzo*/сова м.р.); доносчик (*búho*/филин); сплетник (*abejarrusco*/пчелоед); певец, поэт (*cisne*/лебедь); боец (*gallo*/петух), вор (*gavilán*/ястреб); безбилетный пассажир (*pavo*/индюк, *pato*/утка) - чертам характера: хи-

трый (*zorzal*/дрозд), проныра, ловкач (*tordo*/дрозд), вялый (*pavo*/индюк), трус (*gallina*/курица), лентяй (*ganso*/гусь), невежа, хам (*cernícalo*/пустельга), смелый (*gallo*/петух), нелюдим, отшельник (*búho*/филин), стяжатель (*buitre*/стервятник); продувная бестия (*pollo*/цыпленок). С помощью птичьих номинаций классифицируют людей и по свойствам интеллекта: умный, прозорливый (*águila*/орел), глупый (*pavo*/индюк, *ganso*/гусь). Самый внушительный ряд орнитонимов иллюстрирует понятие «глупый». В испанском языке с концептом глупости ассоциируются *ave zanza* и *ave tonta* (овсянка), *avefría* (чибис, пигалица), *avestruz* (страус), *chocha* (вальдшнеп), *chorlito* (кулик), *ganso* (гусь), *pavo* (индюк), *pato* (утка), *urogallo* (глухарь), *rájaro* (птица). В русском языке переносным значением 'глупый' наделено меньше птиц: курица, гусь, дятел [1].

Широта арсенала «мужских» значений обусловлена исторически более активной социальной ролью мужчин.

Между русским и испанским народами много общего, и в трактовке поведения птиц наблюдается немало совпадений – полных или частичных. Общность поддерживается воздействием одних и тех же источников (латынь, Библия), масс-медийных средств, активно использующих орнитонимическую фразеологию, кочующую из языка в язык.

Толковый словарь русского языка Д.Ушакова приводит несколько фразеологических оборотов с компонентом ворона. Все они в русском языке оценивают человека деспективно, ирони-

чески и пренебрежительно. Наблюдается некий семантический круговорот: обладая определенными коннотациями, лексема попадает во фразеологизм; живя в нем, приобретает семантические приращения и возвращается из него в речь как самостоятельная единица с обновленной семантикой. На испанский язык белая ворона переводится как *mirlo blanco* (белый черный дрозд). На первый взгляд, эти два предложения можно рассматривать как полностью эквивалентные. Однако между ними – аксиологическая дистанция огромного размера. Разница не только в том, какая птица выбрана в качестве стержневого образа. Здесь кроется когнитивно-прагматическое несовпадение. Оно заключается в том, что фразеологизм белая ворона в русской лингвокультуре содержит отрицательные коннотации. Обычно с помощью этого оборота говорящий стремится осудить не вписывающегося в общепринятые каноны «нарушителя спокойствия», пренебрегающего социальными устоями, не так, как положено по этикету, не так, как надо, одетого, или не так, как положено, мыслящего. Белой вороной считало Чацкого в фамусовское общество. То есть для русского языкового сознания нужно быть чёрным, если все – чёрные (вспомним знаменитый монолог Аркадия Райкина «Я, как и все мои товарищи...», а также пушкинское «и лишь посредственность одна нам по плечу и не странна»). *Mirlo blanco* в испанском языке – это комплимент, похвала, а не порицание! Так называют человека, превзошедшего своим трудом, своей фантазией, своей оригинальностью, своими личными ка-

чествами всех остальных. Позитивность коннотации подтверждается поговоркой *Amigo leal y franco, mirlo blanco* / Верный и надёжный друг – это белый дрозд (т.е. большая редкость и большая удача в жизни). Приведем пример употребления фразеологизма *mirlo blanco* из испанской газеты Эль Паис. Речь идет о неинтересной, пресной корриде – бое быков: “La tarde fue toda una ilusión frustrada. <...> No es una sorpresa, pero sí una nueva frustración ante la imposibilidad manifiesta de que aparezca un mirlo blanco entre tanto toro basura”. Перевод: «Вечер был сплошным обманом ожиданий. <...>. Это не было сюрпризом, но было еще одним разочарованием из-за явной невозможности появления белого дрозда среди стольких негодных быков» (Перевод наш – М.К.) [7].

Русский человек переживает и испытывает дискомфорт, если обнаруживается, что он выбивается какими-то качествами из общей массы и выглядит не так, как все. Стая преследует белую ворону и изгоняет её, обрекая на гибель. На Руси быть изгнанным из крестьянской общины означало смерть. Поэтому русская белая ворона и испанский *mirlo blanco* (белый дрозд) – ложные друзья семантической эквивалентности, ведь быть белой вороной – это плохо, предосудительно и не очень разумно, а быть *mirlo blanco* – это похвально и даже почетно. Псевдоэквиваленты вдруг обнаружили аксиологическую противоположность и межъязыковую энантиосемию. С точки зрения носителя испанского языка, не надо быть серым или чёрным, если все вокруг –

серы и черны, стоит всё-таки попробовать стать белым!

Приведенный нами пример показывает, что семантику многих фразеологизмов обоих языков необходимо интерпретировать с позиций ценностных установок и стереотипов, свойственных ментальности нации, т.е. в терминах национально-культурной специфики вербального мышления и культуры. Фразеологический образ, благодаря его идеоматичности, можно рассматривать как национальный когнитивный маркер, представляющий собой основную, конституирующую, неотъемлемую часть языковой картины мира, её самобытный системообразующий конституент.

Компонент птица (*rájaro* и *ave*) – чемпион по количеству образованных с ним фразеологизмов в испанском языке. Вот некоторые соответствия: *rájaro gordo* (букв.: толстая птица) – ‘важная птица’, ‘важная персона’, ‘большая шишка’; *rájaro raro* – ‘странный человек’ – с деспективной коннотацией, в буквальном переводе – ‘редкая птица’; *ave de paso* – ‘залетная птица, залетный гость’ *cantó el rájaro* (букв.: запела птица) – ‘заговорил-таки, признался, раскололся’; *Es un rájaro malo de desplumar* – букв.: Эта птица не подходит для ощипывания – ‘Он человек осторожный, он не так-то прост, его на мякине не проведёшь, его голыми руками не возьмёшь’ и др. Фразеологизм *rájaro de cuenta* развил энантиосемию: 1) ‘темная лошадка, подозрительный человек’; 2) ‘почтенная личность’. Здесь птица выступает в значении ‘индивид’.

Лексема *rájaro* (мн.ч.) довольно часто выступает в значении ‘глупости, дурные мысли, ненужные фантазии’. Оборот ‘*llenar la cabeza de rájaros*’, а также ‘*meterle a uno rájaros en la cabeza*’ (букв.: наполнить голову птицами) приобретает значение ‘дурно, пагубно влиять’. Этот фразеологизм продуктивен, ему присуща вариативность значений: «... tú al principio no eras así, que han sido el don Nicolás ese y su cuadrilla los que te han llenado la cabeza de rájaros» [6, p. 198]. Перевод: «Вначале ты не был таким, это дон Николас и его компания задурили тебе голову».

Богатая фантазия испаноязычных народов продолжает смело экспериментировать со словом *rájaro*, создавая новые паремии, причём не без чувства юмора. Пожалуй, самый известный и продуктивный фразеологизм со словом *rájaro* в испанском языке – это *Más vale rájaro en mano que ciento volando* (букв.: Птица в руке дороже ста летящих или Лучше птица в руке, чем сто в небе. Русский эквивалент – Синица в руке дороже журавля в небе; Лучше синицу в руки, чем журавля в небе). Нам удалось разыскать такие трансформации этой сентенции: *Más vale rájaro en mano que elefante al hombro* (букв.: Лучше птица в руке, чем слон на плече), а также модификации-шутки *Más vale rájaro en mano que buitre volando* (букв.: Лучше птица в руке, чем стервятник в небе) и *Más vale rájaro en mano que enfermedad venérea*. Дословно: «Лучше птица в руке, чем венерическое заболевание», где птица в руке – намек на онанизм (птица приобретает значение ‘мужской половой орган’). Это значение восходит к фал-

лическим символам, воплощенным в орнитонимической лексике Древнего Рима.

Прагматическое воздействие речи обусловлено особенностями национально-культурного метафорически-образного переосмысления семантики конституирующих ее слов. С точки зрения ассоциативности, фигуральности и аллегоричности, наименования птиц, как в русской, так и в испанской лингвокультуре, являются семасиологически насыщенными и избыточными по сравнению с другими пластами лексики. Хотя метафорические краски крайне неравномерно распределены по орнитонимической лексике обоих языков, именно в семантическом поле наименований птиц легко и обильно развивается метафоричность и символизм при выражении сохранении в их семантике мифологических реминисценций.

Литература:

1. Гусев Л.Ю. Орнитонимы в фольклорном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1996. 245 с.

2. Дехнич О.В. Концептуальная метафора People are trees в современном английском языке URL: <http://www.dissercat.com/content/kontseptualnaya-metafora-people-are-trees-v-sovremennom-angliiskom-yazyke#ixzz32BZtbDNY> (дата обращения: 16.05.2014).

3. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37 – 48.

4. Каменская В.М. Аксиологический аспект устойчивых зооморфных сравнений и зооморфных паремий

испанского языка. Дисс. канд. филол. наук по специальности 10.20.05. Воронеж 2005. 184 с.

5. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики (эстетические и этические оценки): дис. ... докт. филол. наук. М.: 1997. 393 с.

6. Delibes M. Cinco horas con Mario. M.: Editorial Progreso, 1979. 280 p.

7. Lorca A. El precio de la ambición. El Pais. 11. 05. 2013. URL: http://cultura.elpais.com/cultura/2013/05/10/actualidad/1368216121_243012.html (дата обращения: 12.05.2014).

8. Roque Maria-Àngels. Las aves, metáfora del alma. Instituto Europeo del Mediterráneo URL: http://www.iemed.org/publicacions/quaderns/12/Las_aves_metafora_del_alma_Maria-Angels_Roque.pdf (дата обращения: 14.05.2014).

References:

1. Gusev L.Yu. Ornitonimy v folklor-nom tekste: dis. ... kand. filol. nauk. [Ornithonyms in the Text of Folklore: PhD Thesis in Philology]. Kursk, 1996. 245 p.

2. Dehnich O.V. Konceptualnaya metafora “people are trees” v sovremennom anglijskom yazyke [Conceptual Metaphor People are Trees in Modern Russian]. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontseptualnaya-metafora-people-are-trees-v-sovremennom-angliiskom-yazyke#ixzz32bztbdny> (accessed May 16, 2014).

3. Dobrovolskij D.O. Nacionalno-kulturnaya Specifika vo Frazеologii // Voprosy yazykoznanija [National and Cultural Characteristics in Phraseology // Issues of Linguistics]. 1997. № 6. pp. 37-48.

4. Kamenskaya V.M. Aksiologicheskii aspekt ustoychivyyh zoomorfnyh sravneniy i zoomorfnyh paremiy ispanskogo yazyka. diss. kand. filol. nauk po specialnosti 10.20.05. [The Axiological Aspect of Settled Zoomorphic Paremia in the Spanish Language. PhD Thesis in Philology, specialty 10.20.05]. Voronezh 2005. 184 p.

5. Pisanova T.V. Nacional'no-kul'turny'e aspekty ocenочноy semantiki (esteticheskie i eticheskie ocenki): dis. ... dokt. filol. nauk. [National and Cultural Aspects of Evaluative Semantics (Aesthetic and Ethic Values): Doctoral Thesis in Philology]. M.: 1997. 393 p.

6. Delibes M. Cinco horas con Mario. M.: Editorial Progreso, 1979. 280 p.

7. Lorca A. El precio de la ambición. El Pais. 11. 05. 2013. URL: http://cultura.elpais.com/cultura/2013/05/10/actualidad/1368216121_243012.html (accessed May 12, 2014).

8. Roque Maria-Àngels. Las aves, metáfora del alma. Instituto europeo del mediterráneo. URL: http://www.iemed.org/publicacions/quaderns/12/las_aves_metafora_del_alma_maria-angels_roque.pdf (accessed May 14, 2014).

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ:****КУТЬЕВА****Марина Викторовна***кандидат филологических наук,
доцент*

Российский университет
дружбы народов
117198 Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д.6,
Россия

*E-mail: Marku2006@yandex.ru***DATA ABOUT
THE AUTHORS:****Marina V. Kutieva***PhD in Philology,
Associate Professor*

People's Friendship University
of Russia
6 Miklukho-Maklaya St.,
Moscow 117198,
Russia

E-mail: Marku2006@yandex.ru

А.П. Седых
Arkady P. Sedykh

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

FRENCH LINGUISTIC CULTURE
AND NATIONAL HERITAGE

Аннотация

Статья посвящена исследованию ключевого концепта французской лингвокультуры «patrimoine». Рассматриваются словарные и дискурсные манифестации концепта с учетом его корреляций с национальным менталитетом носителей французского языка. Выдвигается положение о том, что рассматриваемый концепт соотносится с родственными подконцептами не только на уровне системных и структурных связей, но имеет ярко выраженные этнокультурные характеристики в силу своих релевантных признаков для французского лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, вербализация, менталитет, коммуникативное поведение, французский язык, национальное достояние.

Abstract

The article investigates the key concept of the French linguistic culture «patrimoine». The author studies vocabulary and discourse manifestations of the concept including its correlation with the national mentality of the French language informant. The position is put forward that the concept under consideration is related with under-concepts not only at

the level of systemic and structural relations, but it has strong ethnic and cultural characteristics because of their relevance to the French linguocultural community.

Key words: linguistic culture, concept, verbalization, mentality, communicative behavior, French language and culture, national heritage.

Любой народ гордится своим национальным достоянием, которое представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей, передаваемых из поколения в поколение. Сюда же можно отнести национальную концептосферу как конгломерат исторически обусловленного наивного и научного видения мира, в той или иной мере свойственного каждому представителю отдельной социальной общности [1, 2].

Концепт, как известно, представляет собой ментальную основу коммуникативного поведения индивидов и отражается в языковой картине мира этнокультурной общности. Универсальные концепты имеют специфические для каждой лингвокультурной общности способы вербализации, и соотносятся чувством принадлежности личности к определенному этнокультурному сообществу [3, 4].

Одной из ключевых национальных категорий французской лингвокультуры выступает категория «исключитель-

ность». Идея исключительности проявляется у французов наиболее ярко в области отношения к своей культуре, языку которые являются частью «национального достояния» (**patrimoine**).

Рассмотрим структуру концепта «**patrimoine**» и способы его вербализации во французском языке.

Данный концепт соотносится с понятиями «собственность», «родина», «родная земля и имущество», «достоинство», «патриотизм», «исключительность», которые имеют для французского сообщества ярко выраженную национальную окраску.

Термин «**patrimoine**» во французском языке имеет несколько значений:

1) *ensemble de biens d'une famille reçus en héritage* (материальное наследство семьи) 2) *ensemble des biens, des droits et des charges d'une personne* (совокупность имущества, прав и обязанностей человека) 3) *biens communs d'une collectivité, d'un groupe humain, de l'humanité considérés comme héritage transmis par les ancêtres* (общее имущество коллектива, группы людей, человечества, рассматриваемые как наследие предков) [5]. **Patrimoine** – 1) вотчина; родовое поместье; имение 2) юр. имущество 3) достояние; наследие [6].

Как видим, словарные значения включают в себя не только совокупность материальных ценностей, но и ценности общекультурные и общенациональные. При этом, словарные дефиниции не покрывают весь концептуальный фон данного понятия. Коммуникативный пучок ассоциаций, представлений, переживаний, в процессе реализации которых слово «**patrimoine**» становится концептом, гораздо шире и разнообразнее во французской культуре, нежели словарная ипостась рассматриваемой языковой единицы.

Выясним, что означает для фран-

цузов концепт, вербализуемый словом «**patrimoine**»? Какова роль и функция данного концепта в коллективном сознании французов? Каковы национальные параметры концепта «достояние» и его семантические и символические конфигурации в когнитивной картине мира французов? Что такое «национальное достояние» для французов?

Говоря о характере французов, следует отметить его противоречивость, в нем соседствуют серьезность и легкомыслие, толерантность и расизм, корпоративный дух и крайний индивидуализм, вкус к философии и резонерство, критиканство и трезвый анализ. Современный француз – крайний индивидуалист, не любит групповые способы существования, так как неотъемлемой частью национального достояния является любовь французов к свободе.

Напомним о Декларации Прав человека и гражданина 1789 года, которая выражает в лаконичной форме идею главного достояния француза – личную свободу (*Статья 1 Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе. Статья 2 Цель всякого политического союза – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению* [7, с. 26-29]. Многие страны заимствовали положения данного документа для своих конституций, но часто они лишь декларируются, а в каждом французе они живут в форме принципов внутренней свободы (*mon jugement* = моё суждение, *libre arbitre* = моя свободная совесть, *c'est un choix à faire* = это мой выбор, который надо сделать).

От принципов личной свободы переходим к понятию “французский

образ жизни” (*mode de vie français*), закреплённому как в языке, так и в национальной концептосфере.

Основные признаки национального образа жизни зафиксированы в учебниках “Правила хорошего тона” (*Le guide du savoir-vivre*), ежегодно выходящих во Франции. Как видно из буквального перевода названия книги (букв. ‘умение жить’), речь не идет о просто хороших манерах, хотя это подразумевается. В действительности данные учебники преподносят уроки жизни, учат правилам каждодневного существования в обществе, детально представляют каждый шаг социальной коммуникации для гармоничного сосуществования индивидов: “*Savoir-vivre, ce n’est pas seulement bien recevoir à sa table, écrire une lettre bien tournée, ou organiser une réception. C’est aussi, et surtout, chaque jour, avoir un comportement empreint de respect et de générosité à l’égard de tous ceux que la vie nous amène à rencontrer (...) Pour être heureux, et rendre heureux, tout simplement*” (Правила хорошего тона предполагают не только умение правильно принять гостя за столом, но и также – корректно написать письмо или организовать приём. Это главным образом способность каждый день вести себя с почтением и великодушием к тем, с кем тебя сводит жизнь ... Всего лишь для того чтобы быть счастливым и сделать других счастливыми) [8, с. 7-9].

Таким образом, органичной частью французского концепта “*patrimoine*” можно считать понятие «французский образ жизни», который включает в себя следующие феномены: национальный язык, вежливость, гастрономия, высокая мода. Каждый “подконцепт” занимает важное место в культурном наследии французов и имеет национальные особенности вербализации как на уровне языка, так и в рефлексивных

высказываниях представителей французской лингвокультурной общности. Рассмотрим каждую позицию:

Национальный язык.

Как известно, французы очень дорожат своим языком. Без преувеличения можно говорить о культе родного языка во Франции, как на официальном, так и быденном уровне мышления простых французов. Они уверены, что французский язык самый красивый и самый богатый язык в мире: “*La langue est le signe principal d’une nationalité*” (Язык – главный символ нации) [Michelet]; “*Le sens du style. La France est le seul pays où des considérations de pure forme aient dominé et persisté jusqu’à notre époque*” (Чувство стиля. Франция является единственной страной, в которой доминировали и продолжают доминировать размышления о важности чистой формы) [Valéry];

Следующее высказывание французского писателя 18 века отражает и одну из основных черт французского характера и коммуникативного поведения: стремление к четкому и ясному изложению мысли и нетерпимость к нелогичным и туманным высказываниям как на уровне рефлексии, так и в процессе каждодневного общения: «*Ce qui n’est pas clair, n’est pas français*» (То что неясно изложено, не изложено не по-французски) [9].

Французский язык для француза выражает понятие “французский дух”, “французскость”, которые могут быть проанализированы на основе словарных дефиниций лексемы “*français*” (французский).

Термин “французский” имеет разветвленную систему значений и вербализует концепт “французскость” в этнокультурном и языковом преломлении. Рассмотрим базисные дефиниции лексемы “*français*”, перевод которых был

осуществлён на основе словарной статьи из одноязычного словаря «Робер»:

1. Тот кто рождён во Франции или в её заморских департаментах, и кто по этой причине стал гражданином этой страны и принял подданство Франции (*Император всех французов. Молодой французский композитор, совсем недавно приехавший в Париж*).

2. Тот кто привязан к Франции, к французам, и в силу этого обладает рядом характеристик (*Быть французом по рождению или по зову сердца. Отвечаю как за самого себя, это мой друг и француз – «человек, на которого можно рассчитывать»*).

3. Язык, на котором говорят во Франции или в некоторых приграничных или относящихся к французской культуре странах, принадлежащий группе романских языков (*Говорить по-французски как испанская корова = говорить на очень ломаном французском языке. Понимать, зать французский язык = «Понимать то, что говорит собеседник»*) [10].

Особенности вербализации концепта “французскость” можно проследить на примере зафиксированных в речи употреблений и устойчивых выражений: *C’est beau (...) c’est chevaleresque! (...) c’est français* (это красиво ... это по-рыцарски ... это по-французски) [Labiche, Chapeau de paille Ital., 1851, V, 10, p. 130]; *Impossible n’est pas français* (Слово “невозможно” для французов не существует) [Napoléon]; *Jardin à la français; Habit à la français; Une petite phrase bien française, bien correcte* (Французский сад; Одежда на французский манер. Броская фраза и очень точная и очень французская фраза).

Анализ словарных дефиниций и примеров показывает, что концепты “национальный язык” и “французскость” совпадают с точки зрения се-

мантических и структурных признаков: принадлежность к французской нации обозначает принадлежность к французскому языку и культуре (*patrimoine*). Например, знание французского языка иностранцем означает для француза принятие им французской культуры, французской ценностной парадигмы. Следует отметить интересную особенность французов: если иностранец обращается к француз по-английски, в ответ он может услышать французскую речь (даже если француз знаком с английским языком). Также, приехав в чужую страну, французы часто удивляются (до недовольства), что никто не говорит по-французски.

Французская вежливость – “politesse”.

Это слово имеет широкий ассоциативный ряд: *savoir-vivre, bonne éducation, civilité, décence, bienséance, correction, courtoisie, galanterie, urbanité, sociabilité, aménité, distinction, tact, raffinement* (этикет, хорошее образование, вежливость, порядочность, приличия, корректность, вежливость, галантность, учтивость, коммуникабельность, любезность обхождения, благовоспитанность (знатность), тактичность, утончённость) [11].

Резюмируя вербальную репрезентацию понятия “*politesse*”, можно сделать вывод о том, что данный концепт представлен следующими значениями: “умение жить”, “соблюдение правил эффективного и эффектного общения”, “комплиментарность”, “изысканность”.

Следует сказать о том, что в последнее время некоторые жесткие правила “французской вежливости” поблекли (быстрый переход на “ты”, иногда допустимы опоздания – “*un quart d’heure de grâce*” = ‘четверть часа пощады’), но традиционная галантность остается “французской ценностью” (поцелуи при встре-

че, француз никогда не сядет за стол, если блюда не поданы всем гостям).

Гастрономия (“*gasronomie*”): Ассоциативный ряд: *manger, cuisine, art culinaire, cuisine simple, rustique, fine, bourgeoise, une cuisine de gargote, ratatouille, aimer la bonne cuisine, aimer la bonne chère, gourmet, faire un repas de brebis* (есть, кухня, кулинарное искусство, простая кухня, деревенская кухня, тонкая кухня, простая, здоровая и добротная пища, кабацкая и скверная кухня (столовка), рататуй, любить хорошую еду, очень нравится хорошая еда, гурман, есть всухомятку) [11].

Таким образом, “французская гастрономия” включает в себя понятия “кулинарного искусства” и “качественной изысканной пищи”. Следующие высказывания подчеркивают эстетическую и социальную роль французской кухни: “*La gastronomie bien comprise forme sûrement une branche de l'esthétique et enseigne l'art de vivre en société*” (Гастрономия, когда в ней разбираются, вне всякого сомнения является отраслью эстетики и обучает искусству жизни в обществе) [André Thérive]; “*La cuisine est le plus anciens des arts* (Кухня – это самое древнее из искусств) [Brillant-Savarin]”. При этом, во время принятия пищи французы могут бесконечно говорить о блюдах, их приготовлении, ингредиентах и пр. Данная тема всегда присутствует (и очень уместна) в застольных разговорах французов.

Высокая мода (“*haute couture*”):

Ассоциативный ряд: *mode, à la mode, vogue, faveur, style, goût, snobisme, dernier cri, grand chic, donner le ton, dandysme, succès* (мода, в моде, известность, благосклонность, стиль, вкус, снобизм, последний крик, большой шик, задавать тон, дендизм, успех) [11].

Как видим, данный концепт связан с понятиями: “исключительность”, “стиль”, “успех”. Сам термин “высокая мода” вербализует концепт “принадлежность к элите общества”. Для среднего француза данное понятие соотносится, прежде всего, с чувством собственной гордости и независимости. С некоторой долей иронии французы иногда говорят, что “высокая мода” это “моя мода” (*la haute couture c'est ma couture*).

Таким образом, в коллективном сознании французов понятие “мода” выражается в стремлении одеваться удобно, практично и без излишнего шика. При этом, существует общепринятое правило: одежда должна соответствовать “социальному контексту” и не нарушать коммуникативный комфорт окружающих.

Итак, концепт “*patrimoine*” имеет многокомпонентную структуру. Анализ языковых средств репрезентации концепта позволяет выявить его ядерные и периферийные признаки:

1. Ядерный признак: “**материальное и духовное наследие**”.

2. Периферийные признаки: “дом”, “семья”, “идентичность”, “благосостояние”.

Данный концепт, по нашему мнению, принадлежит к ключевым общенациональным концептам французской лингвокультуры. Проведенный анализ вербализации концепта показал, что он имеет ярко выраженные этнокультурные характеристики, так как активно репрезентируется в языке и коммуникативном поведении представителей рассматриваемого лингвокультурного сообщества и соотносится с родственными подконцептами не только синтагматически, но парадигматически, то есть на уровне системных и структурных связей.

Литература:

1. Language and linguistics. The Key Concepts. Second Edition. R.L. Trask, Edited by Peter Stockwell, 2007. 367 p.

2. Sinclair, John and Carter, Ronald (eds). Trust the text: Language, Corpus and Discourse, London: Routledge, 2004.

3. Grice, H. Paul Logic and conversation in Studies in the way of words, pp. 1–143. Cambridge: Harvard University Press, 1989.

4. Седых А.П. Французская языковая личность. Когнитивно-коммуникативный аспект: моногр. Белгород: ИД «Белгород», 2013. 244 с.

5. Jean Dubois, Jean-Pierre Mével. Lexis: dictionnaire de la langue française. Paris: Larousse, 1975.

6. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый Французско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2000. 1196 с.

7. Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989.

8. Florence le Bras. Le Guide du savoir-vivre. Paris: Marabout, 1999. 319 p.

9. Rivarol Antoine de. Discours sur l'universalité de la langue française. Précédé de La langue humaine. Paris: Éd. Manucius, 2013. 135 p.

10. Le Nouveau Petit Robert. Paris: Dictionnaires Le Robert, 1993. 2467 p.

11. Nouveau dictionnaire analogique. Sous la direction de Georges Niobey. Paris: Librairie Larousse, 1991. 885 p.

References:

1. Language and linguistics. The Key Concepts. Second Edition. R.L. Trask, Edited by Peter Stockwell, 2007. 367 p.

2. Sinclair, John and Carter, Ronald (eds). Trust the text: Language, Corpus and Discourse, London: Routledge, 2004.

3. Grice, H. Paul Logic and conversation in Studies in the way of words, pp. 1–143. Cambridge: Harvard University Press, 1989.

4. Sedykh A.P. *Frantsuzskaya yazykovaya lichnost. Kognitivno-kom-*

munikativny aspect [French Linguistic Personality. Cognitive and Communicative Aspect]: monogr. Belgorod: ID “Belgorod”, 2013. 244 p.

5. Jean Dubois, Jean-Pierre Mével. Lexis: dictionnaire de la langue française. Paris: Larousse, 1975.

6. Gak V.G., Ganshina K.A. *Novy Frantsuzsko-russky slovar* [New French-Russian Dictionary]. M.: Rus. Yaz., 2000.

7. *Frantsuzskaya Respublika: Konstitutsiya i zakonodatelnyie acty* [French Republic: The Constitution and Legislative Acts]. M., 1989.

8. Florence le Bras. Le Guide du savoir-vivre. Paris: Marabout, 1999. 319 p.

9. Rivarol Antoine de. Discours sur l'universalité de la langue française. Précédé de La langue humaine. Paris: Éd. Manucius, 2013. 135 p.

10. Le Nouveau Petit Robert. Paris: Dictionnaires Le Robert, 1993. 2467 p.

11. Nouveau dictionnaire analogique. Sous la direction de Georges Niobey. Paris: Librairie Larousse, 1991. 885 p.

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ:****СЕДЫХ****Аркадий Петрович**

доктор филологических наук,
профессор

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

308015 Россия, Белгород,
ул. Победы 85

E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

**DATA ABOUT
THE AUTHORS:****Arkady P. Sedykh**

Doctor of Philology, Professor
Belgorod State National
Research University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru